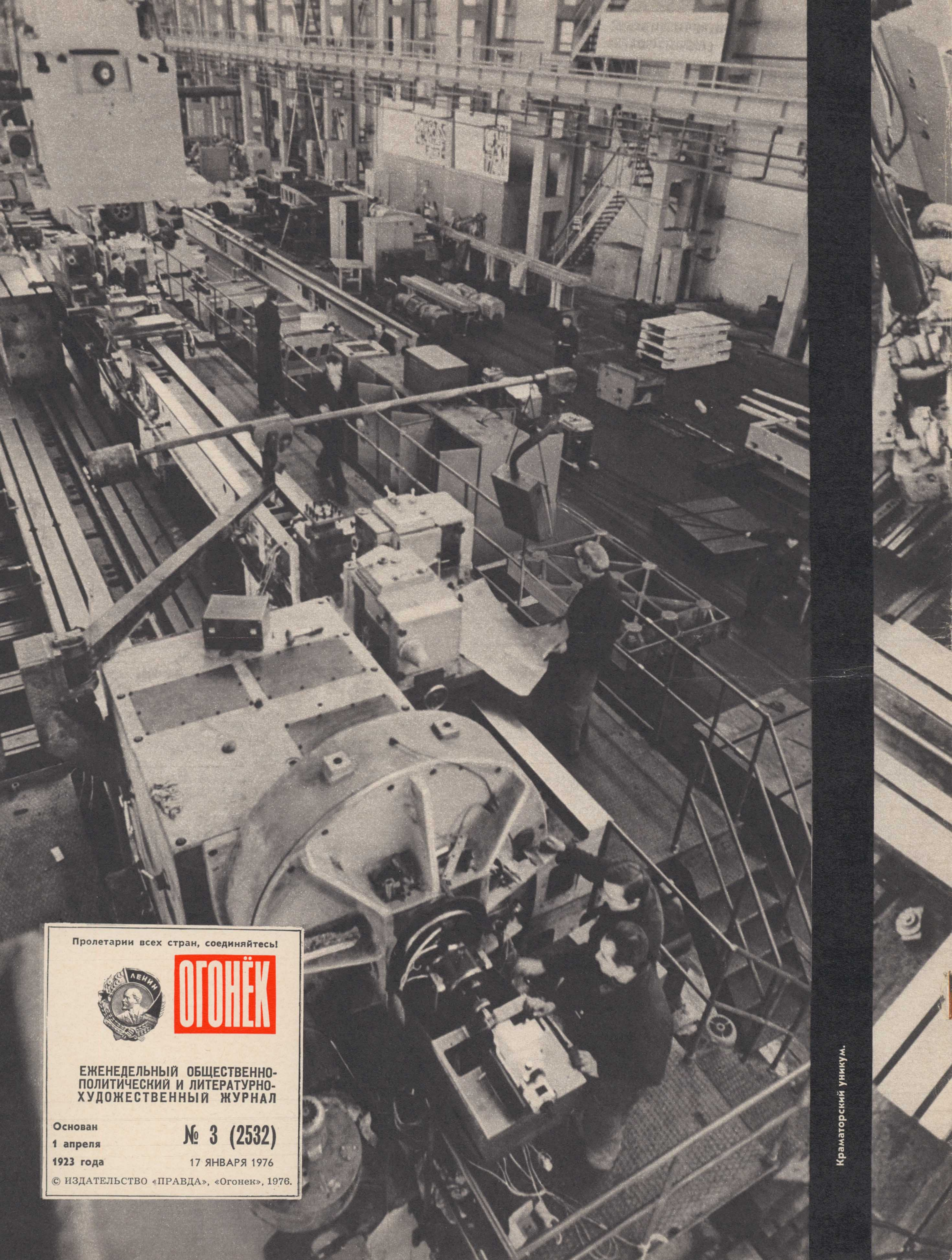

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 3 ЯНВАРЬ 1976

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

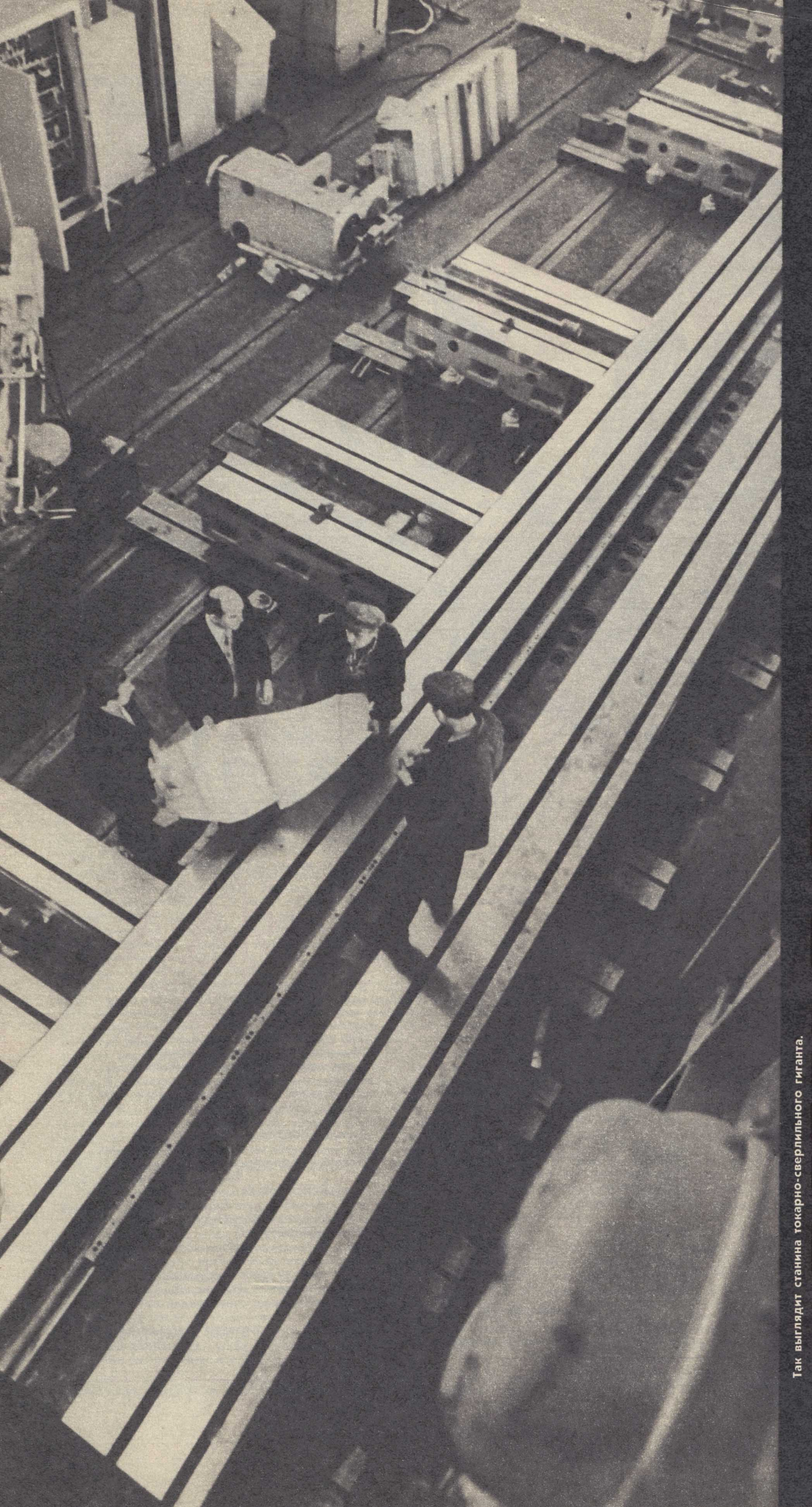
Основан 1 апреля 1923 года

№ 3 (2532)

17 ЯНВАРЯ 1976

Краматорский уникум.

за строкой
проекта
ЦК КПСС

Так выглядит станина токарно-сверлильного гиганта.

Обеспечить опережающее развитие выпуска станков с числовым программным управлением, развитие производства тяжелых и уникальных станков и прессов, высокоточных станков...

Из Проекта ЦК КПСС
к XXV съезду партии.

ТОЧНОСТЬ

См. стр. 10—11.

Н. Жуков. РАЗГОВОР ПО ДУШАМ.

ТЕПЛО ЕГО ВЗГЛЯДА

Ходжамурат ТУРУМБЕТОВ

...Город, увенчанный гордым Кремлем,
Сердце Отечества — в сердце моем!
Выпуклость площади,
красный кирпич,
Ели у мрамора...
— Здравствуй, Ильич!..
Через ворота ступаю в волненьи:
Здесь проходил не единожды Ленин!
Этот вот
стертый за годы
гранит
Легкость шагов его свято хранит.
Эти вот стены дворцов и палат
Помнят знакомый прищуренный взгляд...
Сквером иду я или коридором —
Ленинский образ стоит перед взором,
Сопровождая...
И вот он, момент:
Я —
на пороге
в его кабинет!
Место, что нету святее на свете,
Тяжких трудов и раздумий свидетель,—
Благо народа превыше всего!
Чудится:
миг — и увижу его!
Кажется,
только что в кресле сидел он
И отлучился куда-то по делу...
Нет, он не вышел,
он здесь, в тишине,
Смотрит с портрета на светлой стене.
Мудрость отеческую излучая,
Пристально взглядом меня изучает.
И, оторвавшись на миг от стола,
Хочет спросить:
«Как, товарищ, дела?»
Замер я,
что мне ответить ему?
Может, он знает о нашей Аму?
Может, он видит просторы полей
Каракалпакии милой моей —
Бывшей пустынею необозримой,
Мачехой прозванной,
ставшей любимой,
Где угнетенный, забитый народ
Ныне счастливо и вольно живет,
В явь воплощая мечту поколений...
Знаю, все видит и чувствует гений!
Все охватил зоркий ленинский глаз —
Кем мы являлись
и кто мы сейчас....
Только представьте,
что было бы с нами,
Если б не взвилось
Октябрьское знамя,
Вдумайтесь только
в судьбину людей —
Если б не свет Ильичевых идей!
Край мой цветущий,
какая отрада
Жить,
ощущая тепло его взгляда,
Жить и трудиться, себя не щадя,
Чувствуя мудрую руку вождя!

Перевел с каракалпакского
Иван ИСАЕВ.

интервью «огонька»

МОЛДАВСКИЙ ОПЫТ

И. И. БОДЮЛ,
первый секретарь Центрального Комитета КП Молдавии

На XXIV съезде КПСС была определена роль сельского хозяйства в создании материально-технической базы коммунизма. В качестве непременного условия успешного развития этой отрасли выдвинута необходимость индустриализации сельскохозяйственного производства. Аграрная политика КПСС успешно осуществляется, и на селе сейчас происходят разительные перемены. В Молдавской ССР за последние годы испытаны и дали ощутимый положительный результат многие важные методы решения назревших на селе проблем. Специальный корреспондент «Огонька» Н. Быков обратился к первому секретарю ЦК КП Молдавии товарищу ИВАНУ ИВАНОВИЧУ БОДЮЛУ с просьбой ответить на вопросы, затрагивающие перемены, которые произошли в сельском хозяйстве республики.

ВОПРОС. Иван Иванович, «Огонек» в годы девятой пятилетки не раз возвращался к интересному опыту Молдавии, показывая, как в республике успешно реорганизуется сельское хозяйство. Перевод его на промышленную основу привел к аграрно-промышленной интеграции, к кооперированию практически всех отраслей сельского хозяйства, созданию межхозяйственных предприятий, комплексов и объединений, особенно в капитальном строительстве, растениеводстве и животноводстве. Время подвести итоги столь глубинных преобразований. В чем новь минувшей пятилетки для Молдавии?

ОТВЕТ. За точку отсчета надо взять март 1965 года. Решения мартовского Пленума ЦК КПСС явились крутым поворотом в аграрной политике нашей партии. И XXIV съезд КПСС и декабрьский Пленум ЦК КПСС (1973 год) еще и еще раз указали пути интенсификации социалистического сельского хозяйства, подчеркнув необходимость его индустриализации. Плоды усилий, по-революционному решительных действий очевидны. Сейчас в сельском хозяйстве созданы такие материально-технические возможности, сложились такие объективные условия, которые позволяют преодолеть трудности, создаваемые природой, и даже такие серьезные, какие выдались в минувшем году. Взять 1974 год, тогда на большей части территории Молдавии осадков выпало меньше половины нормы, однако государственные планы-заказы были выполнены по многим техническим культурам, по овощам, был отмечен рост продукции и в животноводстве. В целом погодные условия в девятой пятилетке были заметно хуже, чем в предыдущем пятилетии, и тем не менее труженики сельского хозяйства республики добились среднегодового прироста продукции на пять процентов, тогда как в восьмой пятилетке этот прирост составил только три процента. И это, повторю, несмотря на годы самые неблагоприятные за три послевоенных десятилетия! В минувшей пятилетке в сравнении с предыдущей производство сельскохозяйственной продукции в общественном секторе увеличилось на тридцать процентов, продажа ее государству — в 1,4 раза.

Таким образом, главным итогом коренных преобразований в молдавском селе следует считать обретенную способность людей противостоять капризам природы, способность обеспечить стабильный рост производства зерна, мяса, молока, винограда, фруктов, овощей. Отныне — в значительной степени независимо от милостей природы... Успехи тружеников села не что иное, как материализация идей решительного перевода сельского хозяйства на промышленную основу. Посудите сами: анализ показывает, что лет пятнадцать назад для получения такого же объема сельскохозяйственной продукции республике потребовалось бы вдвое больше людей, чем занято в колхозно-совхозном производстве сейчас. Вдвое! То есть потребовалось бы еще привлечь около восьмисот тысяч человек. Ясно, что найти сегодня столько дополнительных рабочих рук для деревни было бы нельзя.

ВОПРОС. Очевидно, и производство не то и люди не те, если один срабатывает за двоих да еще в столь неблагоприятных условиях?

ОТВЕТ. Совершенно верно, на селе произошел качественный сдвиг в производительных силах. Он, в свою очередь, и потребовал от нас совершенствования производственных отношений. В Молдавии, например, с 1965 года основные фонды в колхозах и совхозах республики увеличились более чем в три раза, вдвое больше стало орошаемых земель, потребление электроэнергии возросло в несколько раз, а вот продукции даже в 1973 году было получено всего лишь на сорок два процента больше.

Было ясно, что сложившиеся в прошлом формы организации труда и обособленная экономика многоотраслевых хозяйств больше не способствовали полному использованию достижений научно-технической революции, сдерживали применение новых индустриальных технологий Механическое укрупнение хозяйств мало что давало. Непригодными были и метод административного внедрения специализации, попытка сконцентрировать производство путем нереального планирования хозяйствам завышенных объемов реализации продукции. В тени передовиков, которые несли основную нагрузку, оставались хозяйства со слабой экономикой. В Молдавии в 1973 году в одиннадцати процентах колхозов рентабельность не превышала двадцати процентов, а в пятнадцати — она была выше шестидесяти процентов. Это привело к большой дифференциации в экономическом развитии хозяйств. Передовики получали на сто гектаров земли продукции в четыре раза больше, чем отставшие соседи. У передовиков и оплата была вдвое выше.

Так вот, качественно новое состояние производительных сил на селе, необходимость новых технологий — все это заставило иначе подойти к решению проблем современного села, искать систему новых производственных связей, соответствующих требованиям научно обоснованного ведения хозяйства и научного планирования. Работа в этом направлении ведется в Молдавии уже лет пятнадцать — двадцать, она охватила все отрасли сельского хозяйства. На базе развитого социализма в республике осуществлена углубленная специализация и крупномасштабная концентрация производства. В результате горизонтальной и вертикальной интеграции в Молдавии созданы и успешно действуют сейчас сотни межхозяйственных предприятий, комплексов и объединений, а также совхозов-заводов, территориальных аграрно-промышленных объединений, научно-производственных объединений, совхозов-техникумов.

ВОПРОС. Таким образом, идет бурный процесс слияния сельского хозяйства и промышленности? То есть мы являемся свидетелями претворения в жизнь гениального предвидения классиков марксизма?

ОТВЕТ. Хочу напомнить, что К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на объективную необходимость соединения земледелия с промышленностью. Однако в недрах буржуазного строя этот синтез не мог осуществиться. Лишь после уничтожения капитализма, замены частной собственности общественной появляется возможность планомерного сближения сельского хозяйства и промышленности вплоть до их органического соединения. Следует особо подчеркнуть: благодаря современному процессу интеграции создаются такие социально-экономические условия, которые ведут к реализации известного марксистско-ленинского положения о том, что производительность труда в сельском хозяйстве будет возрастать относительно быстрее, чем в промышленности. Например, у нас в Молдавии темпы роста производительности труда в колхозно-кооперативном секторе за период 1965—1974 годов были более высокими, чем в промышленности.

ВОПРОС. Иван Иванович, кардинальные изменения в экономике села не могли не привести к изменениям в аспектах социальном и культурно-бытовом. Расскажите, что дала селянам реорганизация сельского хозяйства. Назовите, пожалуйста, героев молдавской пятилетки.

ОТВЕТ. Вы правы. Все, что делается, делается не ради диаграмм роста, не ради перестановки известных слагаемых. Укрепление экономики призвано повысить материальный уровень жизни советских людей, строителей коммунизма. Крупномасштабная кооперация производства при разных объективных природных и экономических условиях хозяйств дает равные возможности в использовании средств, достижений науки и технического прогресса. Отсюда примерно равная отдача на вложенный рубль. То, что было недоступно колхозу в одиночку, особенно слабому, теперь ему по силам. А это большой стимул для

труда производительного, интересного, требующего значительно меньше физических затрат. Очевидны и социальные изменения в молдавской деревне. Так, с 1965 года число колхозников уменьшилось, а число рабочих и служащих на селе увеличилось втрое. Их стало больше в сельской промышленности, в строительных организациях, на транспорте, в торговле. Если в 1965 году выработка на трудоспособного в колхозах составила немногим более ста пятидесяти дней (полгода человек не работал — так отрицательно сказывалась сезонность!), то теперь средняя выработка поднялась до двухсот дней. Трудовые ресурсы села используются благодаря аграрно-промышленной интеграции на восемьдесят пять процентов. Почти вдвое возросла оплата человеко-дня, возросла также и среднемесячная зарплата. На селе теперь много новых профессий: агрономы-технологи, инженеры-организаторы, операторы животноводческих комплексов, мастера механического доения, мастера-садоводы. Втрое меньше теперь занято людей на ручных работах, например, в промышленных садах. А в животноводстве к концу следующей пятилетки высвободятся еще до восьмидесяти тысяч человек, то есть ручной труд на современных фабриках молока и мяса будет сведен почти к нулю.

На селе более чем вдвое увеличилось число специалистов со средним техническим и высшим образованием. Значительно возросло число механизаторов, работников межхозяйственных производств индустриального типа. Составляя четвертую часть колхозников, они выполняют основной объем работ в колхозно-кооперативном секторе при высокой производительности труда. Сейчас, например, на Теленештской свинофабрике в расчете на одного работника производится за год продукции на четыреста восемьдесят шесть тысяч рублей. То есть один человек способствует производству такого количества свинины, которого достаточно на сутки городу с полумиллионным населением, да, пожалуй, и побольше, чем на сутки!

А люди у нас замечательные! В Сороках, например, на современной свинофабрике работает интересный человек оператор Иван Владимирович Гонца. Он откармливает свиней намного больше, чем его товарищи. Это профессор в своем деле! Иван Владимирович удостоен премии Ленинского комсомола. В колхозе «Красное знамя» Чадыр-Лунгского района работает отряд механизаторов, который возглавляет депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда Савелий Михайлович Пармакли. Он тоже герой пятилетки. У нас возмужали такие отличные руководители, как генеральный директор Каларашского объединения совхозов-заводов, Герой Социалистического Труда Афанасий Кириллович Палазов. А пионерами аграрно-промышленной интеграции являются такие секретари районных комитетов партии, как Герой Социалистического Труда Михаил Иванович Тузлов, Архип Ильич Чекой, Дмитрий Георгиевич Зиду. С такими людьми можно смело решать новые задачи.

ВОПРОС. Иван Иванович, остановитесь, пожалуйста, подробнее на перспективах развития сельской экономики Молдавской ССР в десятой пятилетке.

ОТВЕТ. С новым этапом в развитии сельского хозяйства в условиях научно-технической революции открылись самые воодушевляющие перспективы. Если сейчас один межколхозный комплекс дает две тысячи тонн свинины или полторы тысячи тонн говядины, то в 1980 году он даст не менее шести с половиной тысяч тонн свинины или почти пять тысяч тонн говядины. Один молочный комплекс будет давать почти шесть с половиной тысяч тонн молока. Крупномасштабное кооперирование в животноводстве уже сейчас значительно увеличило производство мяса и молока. Полностью процесс этот завершится в 1980—1983 годах. Всю продукцию будем получать на межколхозных предприятиях по новой индустриальной технологии. Вал ее возрастет в полтора раза. Хотя вместо трех тысяч колхозных ферм будет не более двухсот пятидесяти фабрик молока и мяса. Промышленные сады двадцати двух комплексов помогут увеличить сбор фруктов втрое. При этом площадь под садами уменьшится на треть.

Хочу отметить высокую и быструю окупаемость затраченных средств. Например, до шестисот миллионов рублей вложено в создание межколхозных кооперативных предприятий. За пять лет доход превысил эти затраты, многие предприятия окупили себя за год-полтора. Следует подчеркнуть, что это только начало, что мы пережили самые трудные годы — годы ломки старого и строительства нового. Процесс же интеграции будет развиваться еще не один год, отдача будет расти и расти. К концу десятой пятилетки производительность труда должна возрасти втрое — я имею в виду фабрики мяса и молока. Уже половину винограда будут давать совхозы-заводы, а другую половину — специализированные колхозы. Валовой сбор его к концу десятой пятилетки возрастет вдвое. И главное, мы рассчитываем, что к концу десятой пятилетки более чем в полтора раза возрастет (по сравнению с самым урожайным 1973 годом) производство продукции на сто гектаров угодий. Этот расчет научно обоснован. Ожидается, что уровень рентабельности хозяйств при новой технологии достигнет в среднем шестидесяти пяти процентов.

Для достижения новых успехов, конечно, придется поработать никак не меньше, чем в девятой пятилетке. Но теперь эта работа будет качественно иной! Сельский труд обрел черты труда индустриального, а значит, более интересного, высокопроизводительного. В этом — исторический смысл того нового, что произошло в молдавской деревне за минувшее пятилетие. Да ее теперь и деревней, пожалуй, нельзя назвать. Это было бы неверно со всех точек зрения. И социально очень изменилось и внешне перестроилось наше село. Но считаю обязательным повторить: впереди много работы, а сделанное — только начало. Главное, в сельском хозяйстве создана индустриальная база гарантированного производства зерна, кормов, молока, мяса, винограда, фруктов, овощей. Теперь здесь работают высококвалифицированные, образованные люди, мастера своего дела, способные решать задачи любой сложности. Причем решать на уровне, отвечающем самым строгим требованиям научно-технической революции.

ПО АДРЕСАМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Николай БЫКОВ,
фото Бориса КУЗЬМИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Такой неожиданный, такой жданный снег. В Молдавии снег? Да, на бронзе буковых лесов, на высоко вознесенных гнездах аистов, на виноградниках. Снег поразительной белизны и северной щедрости здесь, в Молдавии, воспринимается как чудо, как праздник, как благо, сулящее доброе лето. А как причудливо выглядели в дни снегопада сельские свадьбы! С утра улицу будили мальчишки в высоких бараньих шапках, с большими белыми бантами на пальто. Шмыгая носами, загребая сапогами пушистые ковры, они тащили по наметам через все село большущие барабаны и ударяли будто по морозному небу: «Свадь-ба! Свадь-ба-ба-ба!»

Под шелест снега, под удары бухающих барабанов пробирались мы дорогами зимней и потому такой незнакомой Молдавии. Мы ехали по адресам героев пятилетки, названным в интервью первым секретарем ЦК КП Молдавии товарищем И. И. Бодюлом. Толкали машину, пережидали метели в гостеприимных домах, всматривались в бесконечное кружение деревенских людных празднеств. И думали о той нови, которая заставила говорить о республике всю страну. Сущность модели, предложенной ими, молдаванами,— решительный перевод сельского хозяйства на промышленную основу. Меры не половинчатые, а кардинальные.

...Когда в детском саду воспитательница попросила ребят рассказать, кем работают их родители, Эдик Гонца похвалился:

— А мой папа работает на фабрике, он пасет свиней...

Воспитательница поспешила посадить Эдика на место, она подумала, что мальчик что-то напутал. Фабрика и свиньи?..

Но Эдик знал, что говорил. Его папа Иван Владимирович Гонца уже несколько лет работает оператором на Сорокской свинофабрике. Правда, свиней он не пасет, а откармливает на месте, «не отходя от автоматов». Обычно каждый оператор откармливает три тысячи свиней за год. Иван Владимирович так овладел новым технологическим процессом, так проникся интересом к своей профессии, что сумел в 1974 году откормить девять тысяч голов, а в последнем году пятилетки — девять тысяч семьсот пятьдесят!

— Как, один?

— Да, один. Если не считать автоматики, технического обслуживания и главных специалистов фабрики,— не без лукавства говорил Иван Владимирович.

Он назвал свою профессию «профессией будущего». В самом деле, уже сейчас на таких свинофабриках, как Сорокская, производят за год до двух-трех тысяч тонн свинины.

— Свинину производит сон, а спит свинья, когда сыта. Когда корма подаются автоматически. Вот и вся технология! — смеется Гонца.

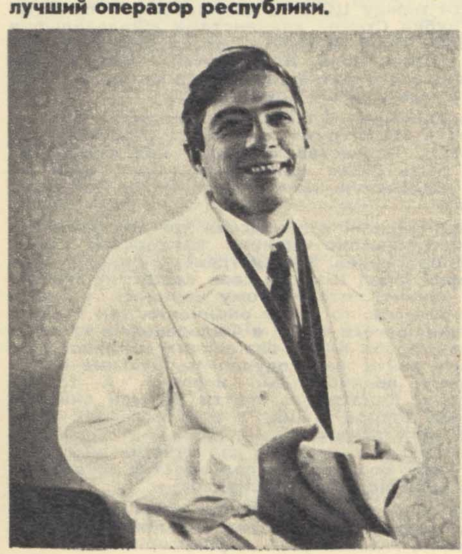
За шуткой приметы прогресса. На селе сейчас много новых профессий. Недавно Савелий Михайлович Пармакли, будучи в Москве на сессии Верховного Совета СССР, отвечая на вопросы корреспондентов, рассказал о принципиально новой организации труда в районных объединениях «Агрокомплекс». И все же столичный журналист назвал Пармакли бригадиром. Но Савелий Михайлович давно уже не бригадир колхозной механизированной бригады, а начальник отряда № 21 объединения «Агрокомплекс» Чадыр-Лунгского районного Совета колхозов. Дело не в названии, не в том, как снова «пересели музы-

Начальник отряда Герой Социалистического Труда Афанасий Никодимович Таукчи и его богатыри.

Генеральный директор Каларашского аграрно-промышленного объединения, Герой Социалистического Труда Афанасий Кириллович Палазов.

Знакомьтесь, Иван Владимирович Гонца — лучший оператор республики.

канты». Объединение сконцентрировало у себя всю колхозную технику, весь инвентарь, почти весь автотранспорт и собрало всех лучших специалистов. Конечно, при этом пришлось преодолеть не один «барьер неизвестности», в их числе и психологический. Отныне председатель колхоза — только заказчик. А работы на полях, в саду, на виноградниках выполняют отряды «Агрокомплекса» и «Межколхозтранса». Сотни машин на одной базе. Тут их обслуживают и заправляют. Как такси в таксомоторном парке. Или — авиалайнеры в малых и крупнейших аэропортах мира. Надо хлеб вывезти — дают заказ по рации, и автоколонну бросают в район большого хлеба. Совет колхозов — орган не совещательный, а рабочий, руководящий. В районе — районный, в Кишиневе — республиканский.

— Очень хочется работать! — сказал первый секретарь Сорокского райкома партии, Герой Социалистического Труда Михаил Иванович Тузлов.— Это же революция, поймите! У нас и партийные комитеты созданы при объединениях, коммунисты активно вовлечены в круг производственных интересов. Люди очень выросли профессионально... Деревня? Нет, не деревня,— рассуждает вслух Михаил Иванович.— Река, небо, зелень, просторы, свежий ветер — вот они, здесь, остались с нами. И все же деревня перестает быть тем, чем издавна она была. Благодаря современному процессу интеграции на селе реальным стало стирание граней между городом и деревней...

«Снег, снег, новый снег!» — кричали ребята на белой улице села Валя-Пержит. Их голосам вторили большие тяжелые барабаны: «Свадь-ба-ба-ба!» Валя-Пержит по-русски означает «Долина слив». Долина слив в снегу — это так необычно. Но это к добру, к новому цветению.

Герой Социалистического Труда Савелий Михайлович Пармакли и механизатор Иван Григорьевич Манчев.

Новая школа. В такой сядет за парту девочка по имени Золотая Заря.

Фото А. Бочинина

ДЛЯ МИРА И СЧАСТЬЯ

В Улан-Баторе, на проспекте Мира, возвышается памятник Владимиру Ильичу Ленину. Он поставлен здесь в знак глубокого уважения к вождю пролетарской революции, указавшему монгольскому народу путь социалистического развития. Вот уже более полувека трудящиеся республики под руководством МНРП неуклонно следуют этим путем, одерживая одну трудовую победу за другой... А неподалеку от монгольской столицы, на горе Зайсан, воздвигнут величественный монумент советским воинам, отдавшим свои жизни в боях за свободу, независимость и процветание братской Монголии.

Далекие революционные битвы, сражения у реки Халхин-Гол, борьба против японских милитаристов в годы Великой Отечественной войны — это этапы, которые навсегда определили судьбы наших народов, скрепили их дружбу совместно пролитой кровью. Теперь они стали достоянием истории, о них рассказывают памятники.

За тридцатилетие, минувшее со времени подписания в феврале 1946 года Договора о дружбе и взаимной помощи между СССР и МНР, на монгольской земле появилось немало новых символов, свидетельствующих о крепнущем сотрудничестве наших стран.

Историческим и логическим продолжением советско-монгольского Договора 1946 года явился новый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный в Улан-Баторе 15 января 1966 года во время визита в МНР партийно-правительственной делегации СССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

В некогда пустынной степи, где лишь изредка можно было заметить одинокую юрту чабана, поднялись многоэтажные кварталы индустриального центра — юного города Дархана. Здесь сосредоточена значительная часть промышленных предприятий республики — топливно-энергетических, заводы силикатного кирпича и цементный, комбинат строительных материалов, который выпускает железобетонные конструкции, арматурный железобетон, известковые плиты и другую продукцию. А добротные и красивые изделия Дарханской овчинно-шубной фабрики давно уже завоевали признание на международном рынке.

То напрямую через горы, то вдоль асфальтированных трасс шагают опорные мачты высоковольтных линий электропередач. Они уходят и туда, где широко раскинулись открытые разработки угольного разреза Шарын-Гол. Его производительность превышает один миллион тонн угля в год, и не столь уж далек тот день, когда она увеличится вдвое.

Успешно сооружается гигант монгольской промышленности — медно-молибденовый горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт». Строятся заводы, фабрики, железные дороги, электростанции, жилые дома и научно-исследовательские институты. И во всем этом социалистическом преобразовании страны ведущей силой является молодой монгольский рабочий класс, который создает облик новой Монголии.

В 1974 году на праздновании 50-летия III съезда МНРП и провозглашения МНР в Улан-Баторе товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Советские люди помогают своим монгольским братьям строить новую жизнь. В свою очередь и монгольские товарищи помогают нам.

...Исключительно важное значение мы придаем развитию экономических связей... Мы получаем от вас теперь не только традиционную продукцию вашего животноводства — мясо, шерсть и другое, но и изделия ваших новых промышленных предприятий...»

Да, с каждым днем меняется привычное представление об укладе жизни монгольских скотоводов-аратов. Они становятся к станкам, управляют сложными машинами, ведут научные исследования, лечат больных и обучают студентов. А те, кто остался верен земле, объединились в трудовые кооперативы. Они поднимают никогда не знавшую плуга целину, выращивают богатые урожаи пшеницы и, разумеется, по-прежнему пасут бесчисленные отары среди неоглядных степей с синеющими у горизонта острыми хребтами гор.

Я знаю, что где-то далеко за этими горами лежит Архангайский аймак. И там, в Долине простора, где катит свои прозрачные воды по каменистому руслу голубой Тамир, на берегу реки, укрылось от буйных ветров небольшое пастушеское стойбище. Вокруг него по склонам гор бродят длинношерстные добродушные яки-сарлыки, пасутся отары овец, которых зорко стерегут желтоглазые степные овчарки.

Стоит в этой долине юрта чабана Цэцэнху. В его семье подрастает дочка, которую зовут Алтантуя. В переводе это означает Золотая Заря. Она пока еще слишком мала, чтобы ходить в школу или помогать своим родителям. Кроме них, ближайшей родни да, пожалуй, соседей, о ней не слышал никто. Однако я уверен, что великие преобразования, которые происходят на ее родине, откроют для дочери чабана Цэцэнху, для всех граждан республики новые горизонты счастливой жизни.

С. БАРЧЕНКО

Хоккеисты ЦСКА выиграли у «Бостон Брюинс» со счетом 5 : 2. Владислав Третьяк, как всегда, начеку.

Заключительный матч хоккеисты «Крыльев Советов» выиграли у команды «Нью-Йорк Айлендерс» со счетом 2 : 1. Борьба у ворот Александра Сидельникова.

Телефото АП — ТАСС.

СУПЕРПОБЕДА!

Позади восемь труднейших матчей, которые провели за океаном хоккейные команды ЦСКА и «Крылья Советов» с сильнейшими клубами канадо-американской профессиональной лиги НХЛ. «Суперсерия-76» — так назвали эти матчи американские журналисты. Суперотчетами были заполнены газеты, суперпередачами — эфир. Огромные ледовые дворцы Нью-Йорка, Монреаля, Питсбурга, Филадельфии, Буффало, Бостона, Чикаго не могли вместить всех желающих. Миллионы любителей хоккея не отрывали глаз от телевизионных экранов. И не только американские и канадские любители. Встречи советских и американских хоккеистов транслировались во многие страны. И наши болельщики благодаря прекрасно организованной работе советского телевидения, делегировавшего за океан своего ведущего спортивного комментатора — Николая Озерова, имели возможность стать свидетелями всех восьми встреч, причем две телепередачи были прямыми.

Сейчас, когда «Суперсерия-76» завершена, всем ясно, что она стала огромным спортивным событием. Специалисты еще долго будут анализировать все детали, досконально изучать видеомагнитофонные записи, оценивать действия каждого хоккеиста, но уже сейчас для всех ясен основной вывод: советская школа хоккея не уступает школе канадской. Советские хоккеисты могут побеждать хоккеистов-профессионалов не только на уровне сборных, но и клубных команд.

Хоккеисты ЦСКА и «Крылышек» выиграли пять матчей, одну встречу свели вничью и только дважды потерпели поражение. Общий счет шайб — 35 : 31 в пользу хоккеистов СССР.

Конечно, наиболее трудная борьба выпала на долю чемпионов страны, четырнадцатикратных чемпионов мира армейских хоккеистов, и они-то порадовали нас двумя наиболее интересными матчами. Один из них был проведен с командой «Монреаль Канадиенс» и закончился со счетом 3 : 3. Во время встречи с этим лучшим профессиональным клубом отлично проявили себя многие хоккеисты ЦСКА, и нападающие и защитники, но героем этой встречи (и не только этой) стал страж армейских ворот — Владислав Третьяк (фотоочерк о нем смотри на страницах 22—23 этого номера).

К сожалению, второй по спортивному интересу матч между ЦСКА и двукратными обладателями кубка Стенли хоккеистами «Филадельфия Флайерс» был испорчен недопустимо грубой игрой хозяев поля. Лучше всего вскрыли обстановку этого матча сами американцы. Вот что писала газета «Нью-Йорк таймс»:

«Филадельфия Флайерс» поддержала репутацию зала «Спектрум» как места разрешенного мордобоя. Торжество террора над стилем не могло быть более наглядным, даже если бы банда Аль Капоне напала на танцоров Большого театра».

Американская и канадская печать, тренеры, хоккеисты высоко оценили мастерство советских спортсменов. И если тренер «Филадельфия Флайерс» Фред Широ в свое время не постеснялся заявить, что многому научился у советских тренеров, то после окончания так неудачно сложившегося матча в Филадельфии капитан команды Бобби Кларк без всяких обиняков сказал: «Не дайте себя одурачить, русские по-настоящему великолепные игроки». А тренер «Монреаль Канадиенс» Скотти Боуман считает: «В конце концов я вижу в этих встречах предвестие регулярных международных турниров. НХЛ и русские играют в два лучших вида хоккея в мире. Болельщики повсеместно хотели бы, чтобы соревнование развивалось».

Советские любители хоккея хотят того же, и в том, что положены основы дальнейших наших контактов, главная роль «Суперсерии-76».

ПАНОРАМА

МЕЖДУНАРОДНАЯ

ПАНОРАМА

1

2

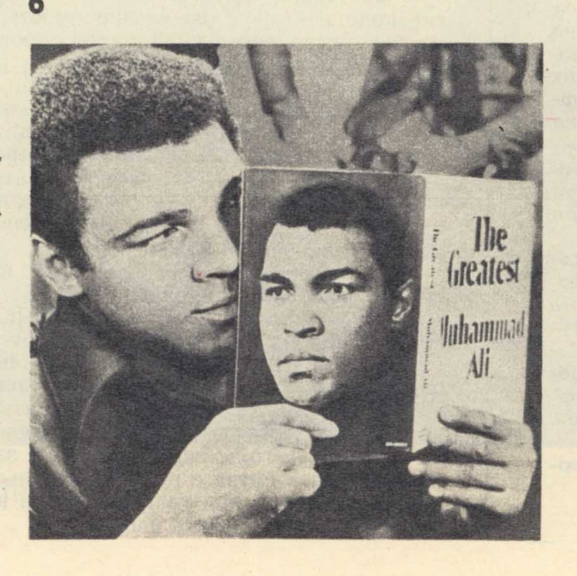
3

4

5

6

7

1

Так выглядит одна из улиц Бейрута. В городе и его окрестностях продолжаются бои с применением различных видов оружия. Столичные дороги и улицы объявлены опасными для движения. Жителям по-прежнему рекомендуется не выходить из домов. Все въезды в город закрыты.

2

С первого взгляда эти снимки кажутся хорошо знакомыми. Мы видели, не могли не видеть эти стальные каски, примкнутые штыки, десятки марширующих ног в кованых сапогах, лица профессиональных убийц. Эти кадры могли быть сделаны в столице гитлеровского «третьего рейха», на нацистских парадах в Нюрнберге, в оккупированных фашистами странах Европы — всюду, где побывали носители коричневой чумы.

Необычность этих фотографий в том, что они сделаны сегодня, в наши дни. «Герои» снимков — Аугусто Пиночет и его свора. Место действия — Чили.

3

Из Ольстера поступают сообщения о все новых жертвах. Только за пять дней нового года от пуль террористов там погибло 19 человек. Всего же со времени вступления в провинцию английских войск жертвами террора стали более 1400 человек.

На снимке вы видите последствия взрыва в одном из магазинов Белфаста.

4

Профсоюзы и демократические организации Японии проводят кампанию протеста против попыток реакционеров пересмотреть действующую избирательную систему, выступают в защиту суверенных прав японского народа и парламентской демократии.

5

Венский театр «Ди Комедиантен» оказался в затруднительном финансовом положении. Чтобы добыть средства для дальнейшей деятельности, труппа решила провести первую в истории столичных театров распродажу реквизита, бутафории, сценического оформления. Этот единственный в своем роде «базар» продолжался несколько дней.

6

Трудно отказать чемпиону мира по боксу среди профессионалов Мохаммеду Али в выдающихся спортивных достижениях, но, пожалуй, еще труднее — в скромности. Своей книге-биографии боксер-профессионал дал название... «Величайший».

7

В таиландском городе Сурин ежегодно устраивается фестиваль слонов. Тысячи жителей страны и зарубежных туристов собираются на большой открытой площадке, чтобы посмотреть редкое зрелище — соревнование слонов. Сотни дрессированных животных выполняют различные работы, с удовольствием и азартом соревнуются в игре в футбол и беге.

Фото ТАСС и Камера Пресс

ВДОХНОВЛЯЮЩАЯ ПОДДЕРЖКА

«Что вы думаете о взаимосвязи между успешным осуществлением Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, и национально-освободительной борьбой в Африке!»— с таким вопросом обратился по нашей просьбе к заместителю генерального секретаря Организации африканского единства (ОАЕ) Питеру ОНУ корреспондент Советского телевидения и радио в Эфиопии Вадим ЛОБАЧЕНКО.

— Советская Программа мира нацелена на укрепление всеобщего мира, а это значит, что ее реализация создает условия для созидания лучшего будущего народов всех континентов. Как представитель независимой Африки, я думаю, что африканские страны особенно нуждаются в мирных условиях. Много веков мы томились под гнетом колониализма, и африканским народам потребуется немало времени для укрепления и развития национальной экономики без страха перед опустошительной мировой войной. Даже если первоначально она вспыхнет где-либо вне Африки, то непременно заденет и наш континент. И если есть возможность сохранить и укрепить всеобщий мир — а именно этого и добивается советская Программа мира,— это хорошо и для нас и для наших детей.

Нынешний процесс деколонизации в Африке в огромной степени связан с эффективной помощью СССР национально-освободительным движениям на континенте. Именно бескорыстная советская помощь бойцам за освобождение в бывших португальских колониях содействовала их победе, появлению в Африке новых независимых государств. Правда, после деколонизации в Анголе возникли серьезные осложнения, в немалой степени вызванные агрессивными действиями расистского режима ЮАР против этой страны. Но мы оптимисты и уверены, что вскоре будет найдено решение и ангольской проблемы.

Я совершенно искренне хочу подчеркнуть, что советская помощь играет решающую роль в освободительной борьбе на африканском континенте. Эта борьба еще не закончена. На юге Африки еще существуют бастионы колониализма и расизма. Однако нас это не пугает, ибо мы твердо уверены в решимости Советского Союза продолжать помощь африканским борцам за свободу и независимость. Опираясь на эту помощь, африканские народы сметут последние следы расизма и колониализма с карты Африки.

Аддис-Абеба.

ВРАГИ И ДРУЗЬЯ АНГОЛЫ

Олег ИГНАТЬЕВ

В начале второй декады января внимание международной общественности было привлечено к проходившей в столице Эфиопии чрезвычайной ассамблее Организации африканского единства (ОАЕ), на повестке дня которой стоял один вопрос — положение в Анголе.

Всего лишь немногим более двух месяцев минуло с того дня, как на карте Африки появилось новое государство — Народная Республика Ангола, завоевавшее в результате многолетней борьбы против колонизаторов и их приспешников свободу и независимость. И с первого момента своего существования НРА пришлось вести тяжелейшее сражение с иностранными интервентами, фашистскими наемниками, бандами платных агентов, пытающихся свергнуть законное правительство, навязать народу страны неоколониальный режим.

Образование НРА стало возможным благодаря вооруженной борьбе, которую с 1961 года вело против фашистского, колониального режима Португалии Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), выражающее интересы всего ангольского народа.

В необъявленной неоколониальной войне против суверенного государства — Народной Республики Ангола — империалисты не брезгают ничем для достижения своих целей. В арсенале используемых ими средств и массовые поставки оружия марионеточным организациям, и финансирование Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов таких марионеток, как Холден Роберто и Жонас Савимби, и вербовка, натаскивание и отправка в Анголу карателей-наемников, имеющих опыт ведения военных действий во Вьетнаме, и наглый нажим по дипломатической линии, и угрозы в адрес африканских стран, поддерживающих законное правительство Народной Республики Ангола.

На днях нигерийская печать предала гласности документ. В нем США диктовали свои условия, на которых может быть прекращена открытая интервенция ЮАР в Анголе. В связи с получением этого документа правительство Нигерии опубликовало заявление, в котором отмечает: «На протяжении всей героической борьбы наших ангольских братьев американское правительство оказывало фашистскому португальскому правительству моральную, материальную и всякую другую поддержку».

Лондонская газета «Обсервер», ссылаясь на попавший в ее руки секретный документ, сообщила, что самолеты США принимали непосредственное участие в операциях на Центральном фронте Анголы, сбрасывая боеприпасы для южноафриканских интервентов. «Обсервер» писала, что официальные лица в Вашингтоне знали о предстоявшем вторжении войск ЮАР в Анголу с территории Намибии. Опубликованный в «Обсервер» документ свидетельствует, что Пентагон и южноафриканские расисты действовали в полном согласии, развязывая против Народной Республики Ангола неоколониальную войну.

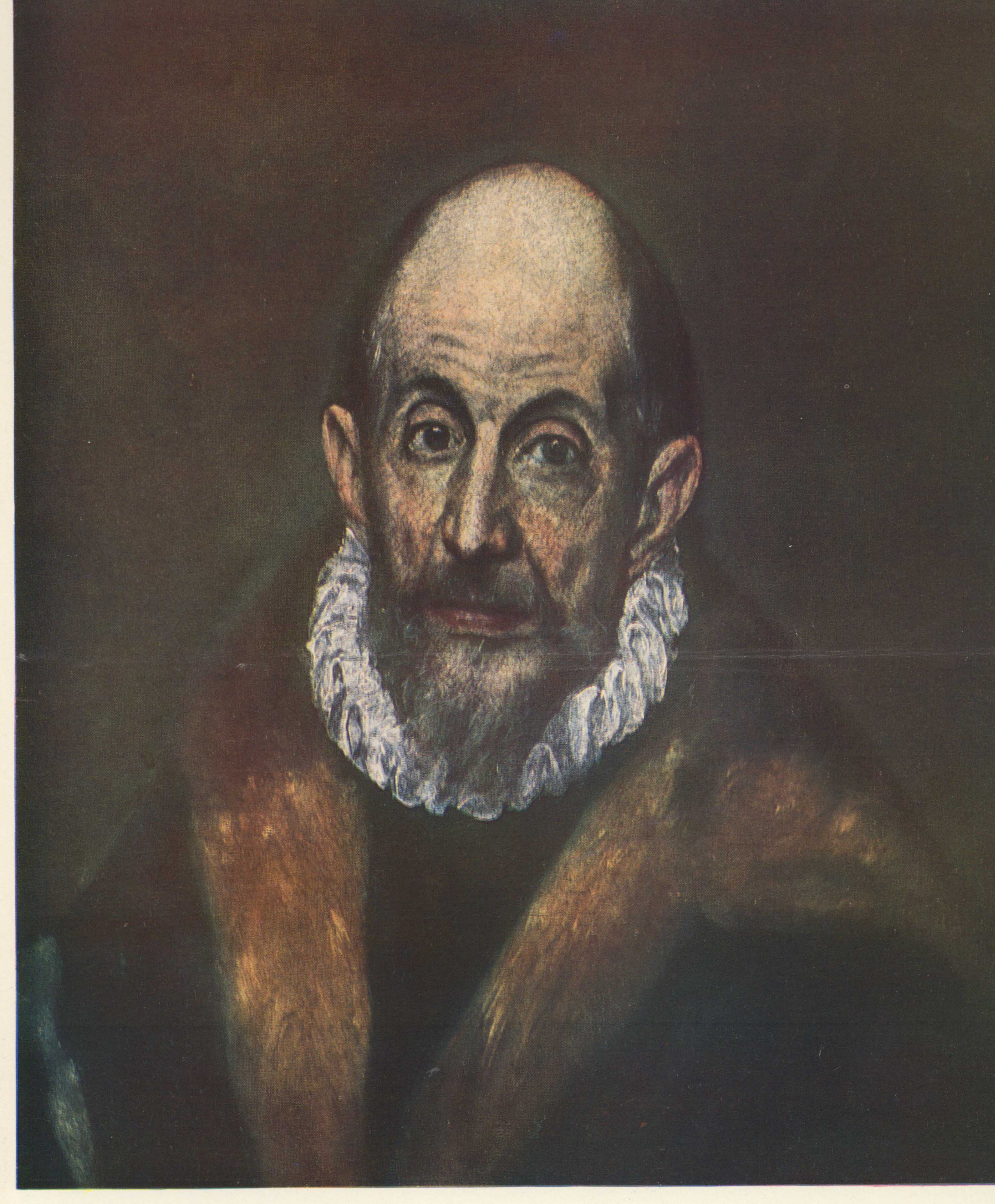
На земле Анголы льется кровь. На земле Анголы идет бескомпромиссная борьба народа этой страны против империалистических сил и их пособников, ведущих разбойническую, неоколониальную войну. И в этой борьбе солидарность всех прогрессивных сил нашей планеты — на стороне Народной Республики Ангола и ее авангарда МПЛА.

Советский Союз оказывал помощь народу Анголы, когда он сражался против колонизаторов, за независимость. Мы продолжаем оказывать эту помощь сейчас, когда ангольский народ, провозгласивший свое суверенное государство, ведет сражение против интервентов, развязавших неоколониальную войну. 3 января газета «Правда» писала в своей редакционной статье: «В настоящее время помощь СССР законному правительству Народной Республики Ангола, оказываемая по его просьбе, призвана оградить страну от агрессивных посягательств извне, способствовать защите ее суверенитета, независимости и территориальной целостности». На чрезвычайной ассамблее ОАЕ многие из выступавших подчеркивали интернационалистическую позицию Советского Союза, который оказывает братскую помощь Народной Республике Ангола в полном соответствии с нормами международного права.

Чрезвычайная ассамблея ОАЕ не приняла никакого окончательного решения по обсуждавшемуся вопросу. Ее участники не пошли на поводу тех стран, которые, выступая против НРА, выполняют роль проводников империалистической политики Соединенных Штатов и служат прикрытием для грязных целей расистов из ЮАР. Однако чрезвычайная ассамблея ОАЕ не вынесла также и решения о полной и безоговорочной поддержке правительства Народной Республики Ангола и не голосовала за принятие НРА в члены организации. Рассмотрение ангольского вопроса будет продолжено в согласительной комиссии.

Народ Анголы ведет сражение за свою свободу на фронтах. В то же время продолжается битва с врагами ангольского народа на политическом и дипломатическом фронтах. Мы уверены, что в конце концов правое дело патриотов Народной Республики Ангола победит.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

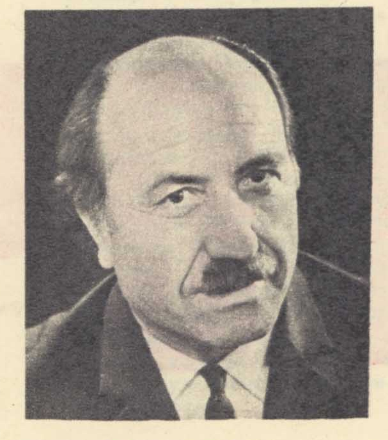
Эль Греко. 1541—1614. АВТОПОРТРЕТ. Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Диего де Сильва Веласкес. 1599—1660. ПОРТРЕТ ГЕРЦОГА ОЛИВАРЕСА. Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Кайсын КУЛИЕВ

СОЛНЦЕМ ДАЛЬ СОГРЕТА

●

Я человек среди людей,
Они мне подставляют плечи,
Они меня порою лечат
В беде иль в немощи моей.

Делил я с ними боль и страх
В иные дни, в иные ночи,
Мы вместе пели на пирах
И защищали край наш отчий.

И камень тот, что и с трудом
Не сдвинуть одному, быть может,
Ты сдвинешь с кем-нибудь вдвоем
И в стену здания уложишь.

Когда мы вместе, мы народ,
Страдающий от общей боли,
И если кто-то упадет,
Другой потом допашет поле.

Людским порокам нет числа:
Тот алчен, этот славы жаждет,
Но в большинстве, едва ль не в каждом,
Добро куда сильнее зла.

Что люди злом ослеплены,
В том, что порой неправо судят,—
Частица и моей вины
Не потому ль, что все мы люди.

Вкусил я по людской вине
Несправедливости немало,
Но все ж без их подмоги мне
Не одолеть бы перевала.

Без них бы не росла трава,
Взошел бы в поле хлеб едва ли,
И сказанные мной слова
В пустом безлюдье бы пропали.

И пусть я уставал не раз,
С людьми общаясь ежечасно,
Уединение подчас
Бывает сладостно для нас,
Но одиночество — ужасно!

ЛЮДЯМ МОЕЙ ЗЕМЛИ

Вы взрастили для меня зерно,
Чтоб согрелся, бурку мне сваляли,
Нацедили терпкое вино,
Спели песню, сказку рассказали.

Вы трудились в снегопад и в зной,
Гнули спину вы, живя на свете,
Вы мне дали мой язык родной,
Не поблекший за тысячелетье.

Все, чем я владею, все, что есть,
Получил от вас я, и не скрою,
Может быть, не по заслугам честь
Вы оказывали мне порою.

Чем же я в ответ вам послужил,
Отплатил ли тем, что ожидали,
Много ль радости вам подарил,
Много ли отвел от вас печали?

Я слова одалживал у вас,
Вашу речь подслушав. И за это
Пропускал сквозь сердце и подчас
Прибавлял чуть-чуть тепла и света.

С вами я делил мою печаль,
Я без вас не сделал бы и шага.
Не дарил я вам много блага,
Только долг платил и то сполна ль?..

●

Камень — мера стойкости вовек.
Терпит пламя и разливы рек
Камень скал и камень на могилах.
Но того, что терпит человек,
Даже камень вытерпеть не в силах!..

●

Морозной ночью выпал иней,
И дерева белым-белы.
Но снова солнце в небе синем
Взошло и растопило иней,
А я запомнил этот иней,
Запомнил белые стволы.

Еще недавно были сплошь
Белым-белы дубы и сосны.
Я сам люблю тепло, и все ж
Мне жалко белизны морозной!..

●

Старик, взрастивший сад трудом своим,
И буйвол, переживший столько зим,

И мул, видавший снега слишком много,
И вол, его арба, его дорога,

Чинар в горах, которому, как милость,
Тепло весны зимой холодной снилось,

Гора, где выли вьюги и метели,—
Теперь дождались все тепла в апреле!

И я тебя, апрель, благодарю,
Твое тепло я славлю и зарю!

Благодарю тот звездный час природы,
Когда копают люди огороды,

И все мы — от велика и до мала —
Как будто начинаем жить сначала!..

СТРОКИ, СКАЗАННЫЕ ЖЕНЩИНЕ

1

Ты приходишь вечером весенним,
И с тобою входит в дом весна,
И опять земля одарена
Запахом цветов и птичьим пеньем.

И когда я на тебя смотрю,
Подходя к тебе все ближе,
Кажется, я пред собою вижу
Белые вершины и зарю.

Далеко в предгорьях тает снег,
Зацветают вишни белым цветом,
Будто бы зиме не быть вовек,
Впрочем, мы не думаем об этом.

Кажется, на свете нету бед,
Все цветет от края и до края.
Говорю: «Тебя красивей нет!»
Ты мне улыбаешься в ответ,
За любовь меня вознаграждая.

2

Ты домой приходишь летним днем,
И давно обещанное лето
С вечным признаком тепла и света
За тобою следом входит в дом.

Никнет злак под тяжестью зерна,
Зреет плод, и солнцем даль согрета,
Красота твоя одарена
И озарена покоем лета.

Слились, кажется, сейчас в одно
Красота твоя и лета зрелость,
И поется птицам, как давно
Или вовсе никогда не пелось,
Кажется, что все завершено,
Что природе завершить хотелось.

Сколько в мире света и тепла!
И блаженно, может быть, некстати
С наших губ срывается хвала
Щедрости земной и благодати!

3

Вижу я: ты снова входишь в дом.
Снова без какой-либо корысти
Полыхает осень за окном —
Время красных роз и желтых листьев.

Слышно, как вдали течет, кротка,
Ставши и спокойнее и глуше,
Умиротворенная река
После паводков и летней суши.

После всех забот и всех трудов,
После наших трудных лет и весен
Ты глядишь на золотую осень —
Время сбора хлеба и плодов.

Пусть приходят и уходят сроки,
Но не все увянет, и опять
В небесах любви, всегда высоких,
Все же будут ласточки летать.

4

Ты домой приходишь зимним днем,
Будто бы с собой приносишь замять,
Пусть зимой мы холодеем сами,
Все-таки я думаю о том,
Что не стали хуже мы с годами.

Мне напоминают до сих пор
(Будто бы мы встретились впервые),
Темные глаза твои большие
Большеглазых ланей наших гор.

За окном все бело от снегов,
Ветры все порывистей и злее,
Но от взгляда твоего и слов
Мир вокруг становится теплее.

И хоть за окном густеет тьма,
Все же кажется мне, как бывало:
За зимою вслед придет весна
И опять начнется все сначала...

Перевел с балкарского
Н. ГРЕБНЕВ.

2. Огон. 3.

ТОЧНОСТЬ

См. 2-ю стр. обл.

С. КАЛИНИЧЕВ, фото Н. КОЗЛОВСКОГО, специальные корреспонденты «Огонька»

За четырнадцать лет работы Виктор Никитич не помнил такого «марафонского» совещания. День отгорел и погас, на длинном столе остались обрывки бумажек, переполненные пепельницы.

Позвонила жена. Сняв трубку, он сказал:

— Да, да. Уже иду...

Но не двинулся с места. Что-то задерживало его здесь, в опустевшем, прокуренном кабинете.

Хорошо поработали. Такой день — как семестр в вузе. И все же четыреста вопросов остались, как говорится, открытыми. Четыреста! В лучшем случае на три года работы. И это для того, чтобы создать один-единственный станок. Станок, предназначенный для обработки роторов сверхмощных турбин, в которых будущее нашей атомной энергетики.

Сейчас директор завода Виктор Никитич Покасюк пытался представить себе, какими будут этот станок и зажатая в его центры деталь величиною с вагон электрички.

Взгляд задержался на одном из листков. Жирный вопросительный знак стоял на строке: «Шпиндельная бабка. Литье». Где отлить эту бабку весом в 65 тонн? Переоборудовать свою литейку? Но придется ломать стену: бабка больше цеховых ворот. Заказать заготовку в Ульяновске? В Коломне? Не возьмутся, да и как ее оттуда везти... Надо делать на месте. А может, у соседей, на Новокраматорском? Только рискнут ли? Ей же потом в земле остывать почти месяц. Мало ли что может случиться! При остывании в металле создаются колоссальные напряжения: толчок, перепад температуры — появится трещина, и вся работа насмарку. Кому охота рисковать. Но... можно и иначе. Послать к соседям своих литейщиков. Тогда, пожалуй, не откажут. Это идея!

«Смотри,— улыбнулся директор,— теперь осталось «всего» триста девяносто девять нерешенных вопросов...»

* * *

В Краматорске, на заводе тяжелого станкостроения, которым руководит Виктор Никитич, полным ходом шла подготовка к изготовлению токарного гиганта, но не было решено, на каком оборудовании вести механическую обработку его наиболее крупных деталей. Министерство предложило взять для этой цели уже готовый продольно-фрезерный расточный и шлифовальный станок Ульяновского завода. Этот универсал имел кое-какие недоделки и так и не был пущен в работу. И хоть стоил он больше миллиона рублей, Покасюку предлагали взять его бесплатно — с баланса на баланс.

Дареному коню в зубы не смотрят. Через некоторое время в Краматорск стали прибывать специальные платформы с узлами нового, прекрасно задуманного, но не «дотянутого» станка.

Новичка надо было где-то пристроить: отвести площадь, рыть котлован, закладывать фундамент... А ведь все цехи работают с предельным напряжением, тысячи рабочих заняты текущим планом, за который каждый месяц, каждый день отчитайся.

Подходящую площадку нашли. В одном из цехов сохранился старый фундамент. Для какого станка его готовили, никто не знал: завод вошел в строй весной 1941 года, а через три-четыре месяца оборудование пришлось демонтировать и вывезти в тыл.

Старый фундамент требовалось срыть, углубить котлован, но ничего не выходило: из этого монолита отбойные молотки и специальные буры только высекали искры. За несколько дней тяжелейшей работы удалось обнажить лишь выходы стальной арматуры. А глубина фундамента, как показал замер, была больше двух метров.

В который раз Виктор Никитич собирал свой инженерный штаб. Большинство склонялось к тому, что фундамент надо взорвать. В действующем цехе это сделать сложно, однако специалисты готовы сесть за расчеты...

Время, которое было дано на отработку этого варианта, Виктор Никитич и главный механик Иван Пантелеевич Рева использовали для всестороннего изучения старого фундамента. Дали на него нагрузку в несколько сот тонн и по приборам определили, что железобетонный пласт прогнулся на 0,8 миллиметра. Но когда нагрузку сняли, фундамент спружинил и занял прежнее положение — вышел на ноль.

И тогда Виктор Никитич решился:

— Там, где обнажились выходы арматуры, наварим новую и нарастим на старый фундамент еще метровый слой железобетона. Заложим анкера под новый станок и установим его.

Это был риск — поставить станок весом в 500 тонн на неизвестного происхождения фундамент. Можно выиграть несколько месяцев, но можно и потерять больше года, не говоря уже о затратах материальных. Инженерное чутье подкреплялось тщательной проверкой. И наконец на ульяновский станок поставлена на строжку первая деталь. Смонтирован он за четыре месяца и десять дней...

Так разрешился еще один из четырехсот вопросов, оставшихся после того памятного заседания.

* * *

Я давно хотел встретиться с Покасюком. Рассказывали, что это еще молодой, но талантливый и смелый руководитель. Мы познакомились. Виктор Никитич оказался высоким, крепким, собранным человеком. Мне кажется, что главное в его характере — широта мышления, умение каждую конкретную цель рассматривать как часть общих задач нашей экономики.

Блестяще окончив Киевский политехнический институт, он попросился в Краматорск, где сосредоточены наши «заводы заводов», те, что всегда находятся на главных направлениях технического прогресса.

Мне, естественно, хотелось как можно больше узнать о новом токарном гиганте, но Виктор Никитич сказал:

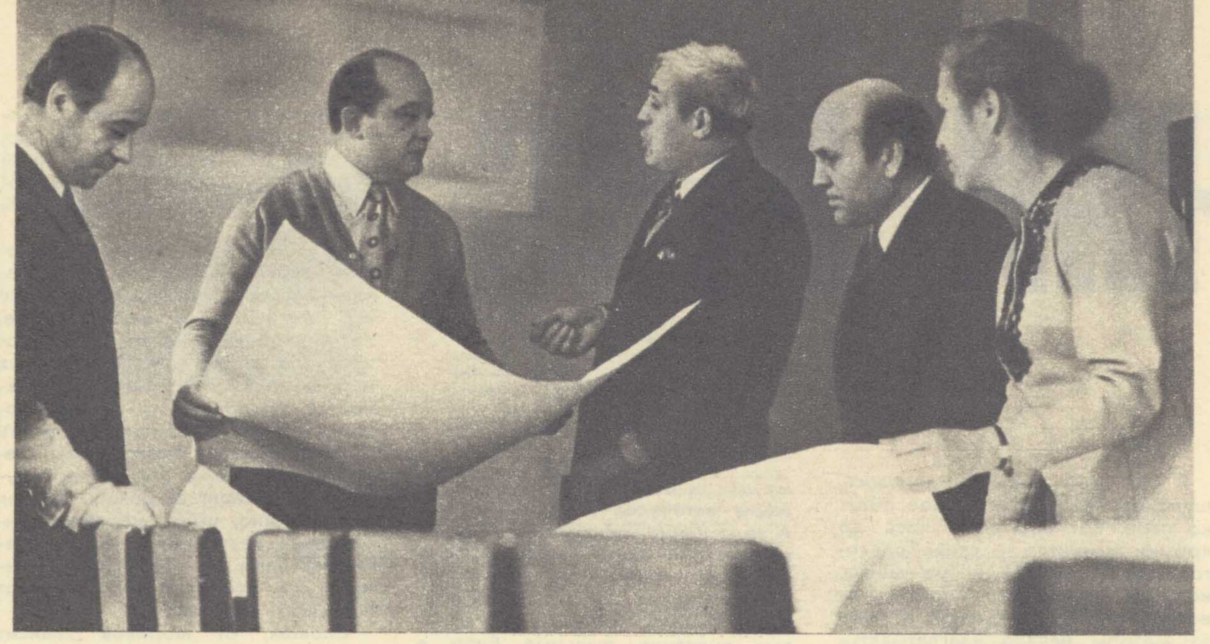
— Нам трудно будет разговаривать, если вы не увидите хотя бы основных участков завода.

В огромных и кажущихся безлюдными цехах меж работающих станков лежат циклопических размеров детали: шестерни с полуметровыми зубьями, суппорты, похожие на колпаки дотов, валы. На одном из станков рабочий обтачивал латунную гайку. Чтобы замерить ее внутреннюю резьбу, ему приходилось залезать в середину гайки.

— Подобных заводов в мире всего три,— говорит Виктор Никитич,— наш, «Вальдрих Зиген» в ФРГ и «Шкода» в Чехословакии. Японцы, англичане предпочитают покупать станки таких типов за рубежом, в том числе и у нас. А некоторые станки нам заказывают и западногерманские фирмы и фирмы еще тридцати стран. Посмотрите, вот станок, похожий на тот, которым вы интересуетесь, только он раза в два меньше...

На весу в специальных зажимах вращалась стальная болванка толщиной с колонну Исаакиевского собора. Легко, как кожуру с апельсина, резец снимал толстую стружку.

— А на этом станке, чтобы замерить деталь, микрометр надо подносить подъемным краном. Резец тоже без специального подъемника не заменишь. Приезжали к нам деловые люди из ФРГ. Показывали мы им все это. Но масштабами их не удивишь. Значит, точность, надежность... Очень большие нагрузки получает суп-

Обсуждается проект нового станка с программным управлением. На снимке: руководитель группы В. А. Лозович, директор завода В. Н. Покасюк, заместитель главного конструктора Д. Д. Кулик, начальник группы электрооборудования станочной лаборатории Б. И. Дубров, инженер-конструктор Л. А. Мальцева.

порт. А у нас он движется плавнее, чем часовая стрелка. Вот токари и предложили поставить на него ребром металлический рубль. Попробовали — получилось. Увеличили подачу, стали снимать стружку сечением уже в сто квадратных миллиметров, а рубль все стоит и не падает. Гости долго не могли понять, в чем дело. Потом один из них поплевал на ладонь и ткнул в нее пальцем: монета, мол, приклеена к суппорту. Я предложил гостю взять этот рубль на память. Тот взобрался на станок, потянулся к рублю, рука чуть дрогнула, и тогда монета упала. Немец взял ее, осмотрел, спрятал в карман и вытащил оттуда какую-то свою. Долго пытался установить ее на ребро. Поставил и осторожно отвел руку — не падает. А суппорт движется, резец ведет стружку...

Теперь мы выполняем заказы и для фирм ФРГ. Ведь, несмотря на то, что наши станки в десятки, а то и в сотни раз крупнее обычных, точность обработки деталей на них, как и на малых станках, измеряется микронами.

Человеку, далекому от техники, трудно представить себе разницу между величинами в тридцать или триста микрон. Организатор первого в нашей стране промышленного производства синтетических алмазов В. Н. Бакуль, пытаясь наглядно объяснить, что же это за величина — микрон, привел такой пример. Если микронную частицу алмаза уронить со стола и воздух будет абсолютно недвижим, то частица окажется на полу только через две недели!

А создаваемый краматорцами гигант должен обрабатывать деталь диаметром четыре-пять метров с точностью до нескольких микрон.

Завожу разговор об инженерном творчестве, поиске, праве на риск.

— На наш завод,— говорит Покасюк,— работает около десятка проектно-конструкторских организаций, но заводскому инженеру все время приходится что-то додумывать, предлагать свои варианты. Сейчас многие рабочие мыслят, я бы сказал, по-инженерному. Без их творческой помощи невозможно осуществить самую блестящую идею. Техника настолько усложнилась, что каждый шаг вперед требует полной отдачи и от конструктора, и от инженера, и от рабочего. Взять, например, долговечность...

Тут я возразил, сказал, что в наше время, когда через каждые шесть — восемь лет происходит старение оборудования, его замена, стоит ли одной из первых проблем называть долговечность? Виктор Никитич наморщил широкий лоб и отрубил:

— Стоит! В Советском Союзе больше трех миллионов станков. Чтобы все их заменить, при существующих объемах производства понадобилось бы пятьдесят лет. Как правило, лишь очень немногие станки приходится бросать в мартен. В основном их модернизируют, оснащают более совершенными приспособлениями. Станок должен жить долго. От станка всегда будут требоваться прочность, надежность, самая высокая точность обработки. Точность!

Это слово «точность» прозвучало в устах Виктора Никитича звонко, я бы даже сказал, с вызовом. И я уже совсем иначе взглянул на его безукоризненный костюм, чистый стол, подчеркнутую аккуратность во всем — от геометрически правильного узла галстука до привычки на неделю вперед расписывать каждый свой шаг: от восьми до восьми. И понял, почему он потребовал оборудовать классы технического училища, которое готовит кадры для завода, новейшими автоматами, станками с программным управлением и электронными приборами контроля: каждый парнишка, будущий рабочий, должен сразу окунуться в атмосферу самого современного производства.

И я легко представил себе, каким он бывает в роли председателя Государственной экзаменационной комиссии Краматорского индустриального института...

Говорят, что работать с ним и трудно и легко. Почему трудно, понятно: он требует полностью подчинять себя делу. А легко потому, что всегда знает, чего хочет, и готов помочь, и не боится взять на себя ответственность. При всей занятости находит время, чтобы следить за новинками в своей отрасли, читать, знакомиться с зарубежным опытом.

И, наконец, мы вернулись к тому разговору, с которого начали, к суперстанку.

— Ульяновский станок, который мы взяли с баланса на баланс, «дотянули» на месте. Очень точным оказался он в работе. Правда, не все еще операции выполняет, но со временем дожмем. Острогали мы на нем направляющие своего гиганта. Дальше по технологии их шлифовать надо. А на чем? Длина станка — сорок пять метров, для шлифовки таких поверхностей нет еще в мире техники. Не придумали. Можно шабрить вручную, до «десяти масляных пятен на квадратный дюйм» — есть и такой древний, но верный способ. Однако тогда надо пятнадцать лучших слесарей на месяц полностью занять этой работой. И рискнули мы вообще обойтись без шлифовки. Предыдущая операция — строжка — сделана с большим запасом точности. А применив гидростатическую разгрузку, добились того, что многотонный суппорт можно просто рукой перегнать с места на место.

— И какова точность?— спросил я.

Виктор Никитич, кажется, впервые улыбнулся и доверительно сообщил:

— У заказчика, у харьковских турбостроителей, пока нет инструмента, которым они могли бы проверить точность работы этого станка. Но, как говорят, тут все по-честному. Мы ручаемся — они нам верят.

* * *

После того, как станок был отгружен, в газетах появилась короткая заметка «Станок-универсал». В ней говорилось, что краматорские станкостроители отправили в Харьков станок, уникальный не только по своим габаритам. В нем, впервые на таких гигантах, удалось применить программное управление. И еще одна особенность: станок столь точен, что на нем можно будет вести не только получерновую и чистовую обработку 200-тонной детали диаметром до пяти метров, но и шлифовать ее и полировать. С него будут сходить готовые валы сверхмощных турбин для будущих атомных электростанций.

Еще много лет назад, когда Виктор Никитич решил связать свою инженерную судьбу с Краматорском, он понимал всю сложность и ответственность будущей работы. То, что здесь изготавливается или готовится к выпуску сегодня, через два-три года в других местах будет считаться новинкой, последним словом технического прогресса, потому что продукция здешних заводов — Новокраматорского, Старокраматорского, завода тяжелого станкостроения — это новые промышленные предприятия, вернее, основное тяжелое оборудование для них и уникальные станки.

...В эти дни краматорцы несут предсъездовскую вахту. Одно из многих обязательств было сформулировано так: досрочно изготовить, отладить, испытать и поставить заказчику трубоотрезной станок 2К 361.

Пункт, мало что говорящий человеку непосвященному, а сколько надо инженерного труда, творческих поисков, смелых, а порой и неожиданных решений, чтобы обеспечить его выполнение! Дело в том, что таганрогские металлурги обязались до конца девятой, теперь уже завершенной пятилетки ввести в строй мощнейший трубосварочный агрегат. Этот чудо-стан автоматически сваривает, сворачивая в трубу, бесконечную, непрерывно наращиваемую стальную ленту. И делает это с большой скоростью.

Для того, чтобы поделить выходящую из стана трубу на заранее заданные прогоны, а проще сказать, куски, в технологический поток стана встраивается летучий трубоотрезной станок. Пять-шесть секунд — вот те жесткие рамки времени, в которые должен укладываться весь цикл его работы. Но краматорские станкостроители нашли другое решение. Они поставили на движущуюся платформу своего станка сразу две отрезные головки, в результате чего одновременно отсекаются два прогона. Выигрыш во времени почти вдвое!

Остается добавить, что в 1975 году выпуск этого станка не планировался. По нормам срок его изготовления — больше года. Но, разворачивая предсъездовское соревнование, рабочие решили выполнить заказ за пять с половиной месяцев! И выполнили.

Директор завода держал эту работу под особым контролем. Но Покасюк не был бы самим собой, если бы в круговерти будней, помогая другим успешно завершить девятую пятилетку, забыл о своем коллективе и его техническом вооружении. Уже сейчас конструкторский отдел завода занят техническим проектированием нового обрабатывающего комплекса. У него, собственно говоря, нет еще и общепринятого названия. На чертежах пишут «КЖ 1682 ФЗ — токарного типа».

Это будет станок и даже не станок, а своеобразный набор станков на одном основании для комплексной автоматизированной механической обработки наиболее сложных и точных деталей весом до 40 тонн. Такой обрабатывающий центр с автоматизированной сменой самодействующих суппортов любого технологического назначения создается впервые в практике мирового станкостроения.

ГОРЯЧИЙ РЕЙС

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

Сначала все шло нормально: в шесть утра теплоход «Степан Маркелов» отвалил от причала Камыш-Бурунского порта и вошел в Керченский морской канал. На небе чеканно вырисовывалось розоватое солнце, с кубанских степей дул холодный норд-ост. Но когда на траверзе показалась Керчь и мы вошли в самое узкое место пролива, ветер заметно посвежел. И хотя качка усилилась, а волны принялись колотить в правый борт судна, капитан Виктор Филиппович Иванов не менял курса и только тревожно поглядывал на небо.

— Боитесь, что ветер еще усилится? — спросил я.

— А-а! — отмахнулся он.— Что нам ветер?! Дождя боюсь. А пуще того — тумана! Ну, метеорологи, ну, злодеи, опять наколдовали! Двадцать лет плаваю, побывал на всех морях и океанах, а никак не привыкну к их шуточкам... Все, хватит! — оборвал он сам себя.— Спустил пар, и ладно. Надо готовиться к горячему рейсу...

— А при чем, собственно, дождь? — удивился я.— У вас же не бумажный кораблик.

Виктор Филиппович усмехнулся:

— Увидите, что станет с нашей стальной громадиной, как только на нее прольется дождь... Боцман! — скомандовал он.— Кончай смывать палубу и проверь будку впередсмотрящего.

Откуда ни возьмись на небо высыпал табун лохматых туч, и из них посыпался искрящийся крупный горох. Нет, это был не град, а самый настоящий сильный дождь. Окно рубки запотело, и я решил его протереть. Но тут же отдернул руку! Стекло было горячим. Протер стекло платком, но все равно не увидел даже носа нашего теплохода.

В открытом трюме ворочалось, шипело и урчало огромное облако пара. Вот оно дотянулось до кромки комингса — своеобразного порога высотой в три метра, который защищает трюм от волн,— сползло на палубу и метр за метром начало «заглатывать» теплоход. Дождь между тем усилился, облако стало еще плотнее, и вот уже исчезли сигнальные огни, пропала мачта, мостик и в конце концов само судно.

Теперь я все понял: и тревогу капитана и то, чем чревата малейшая оплошность экипажа. Ведь на борту теплохода особый груз: мы везем... огонь. Он притаился под чуточку остывшей сероватой коркой, а внутри сохраняет температуру 800 градусов! На железорудном комбинате в Камыш-Буруне в трюм «Степана Маркелова» погрузили четыре с лишним тысячи тонн раскаленного агломерата. А на противоположном берегу Азовского моря, в Жданове, домны «Азовстали» ждут этот агломерат, чтобы превратить его в чугун.

Четырнадцать лет назад была сделана первая попытка перевезти раскаленный агломерат из Камыш-Буруна в Жданов. И хотя его температура была не слишком высокой, не приспособленные для такого груза суда в буквальном смысле слова сгорали. Пытались возить на лихтерах — тоже плохо. Наконец, на верфях в Навашине, что под Горьким, построили специальные суда-агломератовозы. Эти надежные, всепогодные теплоходы типа «река — море» стали своеобразной транспортерной лентой между Камыш-Буруном и Ждановом. Каждый день они перевозят десятки тысяч тонн агломерата, причем курсируют по такому четкому расписанию, которому могли бы позавидовать пассажиры автобусов и троллейбусов. А ведь длина «ленты» — 130 миль, и Азовское море начинено сюрпризами, которые не встретишь даже в океане. Здесь бывают ураганы, смерчи, извержения грязевых вулканов, пыльные бури, а зимой иногда складывается сложная ледовая обстановка.

Но процесс выплавки чугуна непрерывный, доменные печи остановить нельзя ни на минуту, поэтому агломератовозы выходят в море даже тогда, когда пассажирские лайнеры прячутся в портах. Шторм нашему судну действительно не страшен, а вот дождь, да еще с туманом,— беда. Не приведи бог сесть на мель: ведь для того, чтобы вытащить судно на глубокое место, надо освободить его от груза. А груз-то перенести, скажем, на баржу, практически невозможно.

— Все, канал позади! — довольно сказал Виктор Филиппович.— В открытом море спокойнее.

Мы спустились в кают-компанию, выпили заваренного по-морскому чаю, и капитан повел меня знакомиться с теплоходом. Везде традиционная флотская чистота. Все медяшки надраены, поручни трапов блестят. И, что очень важно, в каютах и коридорах прохладно: всюду работают кондиционеры.

— Хорошо, правда? — с гордостью сказал капитан.— На палубу страшно высунуться, а здесь полный комфорт. Раньше не могли избавиться от металлической пыли — проникала сквозь малейшую щель. Жизни от нее не было. Теперь эту проблему решили: внутри кают и служебных помещений судна давление чуть выше наружного; этого достаточно, чтобы защитить нас от пыли.

Пыль... Не так уж просто справиться с ней. Я вспомнил разговор, который состоялся перед рейсом с директором «Азовстали», Героем Социалистического Труда В. В. Лепорским.

— На камыш-бурунском агломерате работают три доменные печи,— рассказывал он.— Чем выше его температура, тем быстрее, легче и эффективнее идет процесс плавки. Но при бесконечных перегрузках агломерат измельчается, превращается в пыль, которая в печи спекается, и продуть ее невозможно. Поэтому мы стараемся прямо с судна перегружать агломерат в домну. А для этого нужно, чтобы корабли приходили своевременно. Пока моряки работают отлично. Очень важно и то, что горячий агломерат дает мало шлаков.

Словом, от моряков зависит очень многое. Они это понимают и работают предельно четко. Но море есть море. Вот и сейчас, пока мы ходили по каютам, опустился туман.

— Включить локатор! — приказал капитан. А потом вдруг обернулся ко мне и предложил: — Не хотите прогуляться по палубе? Для полноты ощущений полезно.

Я шагнул за дверь рубки. Ощущение знакомое: парилка. Из открытого трюма пышет жаром, тело лижет горячий пар, сверху сыплет дождь...

— Капитан, подходим к Ждановскому каналу! — крикнул из рубки вахтенный штурман.— Пора вызывать «Раскат», а то наш локатор слабоват.

Виктор Филиппович вернулся в рубку и взял микрофон.

— Капитан портнадзора. Я «Степан Маркелов». Прошу на связь. Включите береговую радиолокационную станцию «Раскат».

— Я «Раскат»! Беру на проводку. Канал занят. Станьте на якорь справа от приемного буя.

Загрохотала цепь. Якорь бултыхнулся в воду, и теплоход замер. Воспользовавшись передышкой, боцман вызвал палубную команду, и ребята второй раз за день начали окатывать судно из брандспойтов. Все так и засияло, а на борту проступила предостерегающая надпись: «Осторожно! Раскаленный груз».

Через час нас вызвал «Раскат»:

— «Степан Маркелов», вы в миле от приемного буя. Курс — триста.

Быстро подняли якорь и двинулись вперед. Вскоре снова раздался голос оператора:

— Приближаетесь к оси канала. Осталось пятьдесят метров... Тридцать... Вы на оси канала.

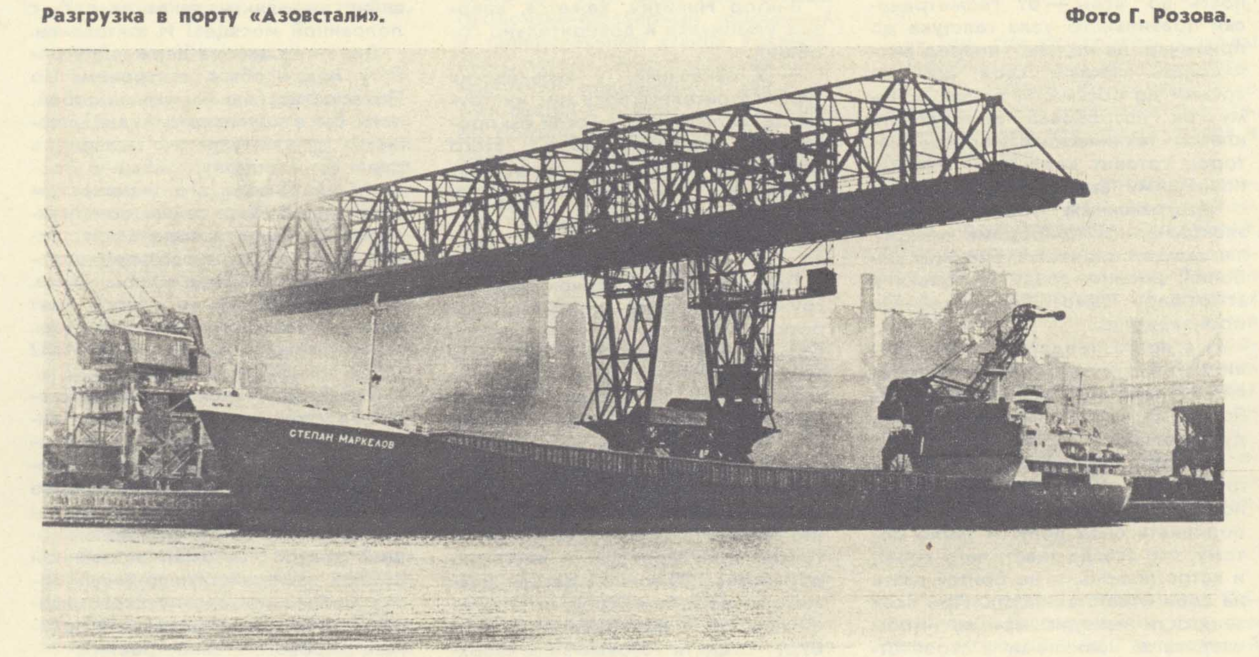
Капитан сдвинул фуражку на затылок и облегченно вздохнул:

— Порядок. Вошли в канал... Так что тут не зевай!

«Маркелов»! Чуть влево! Вы в десяти метрах от оси канала... Хорошо, вы на оси...

А вскоре показались трубы «Азовстали». Мы вошли в гавань и четко ошвартовались. Гигантские краны тут же начали хватать агломерат и забрасывать его в чрева доменных печей.

— Вот и все! — довольно вздохнул Виктор Филиппович. — Сто двадцатый рейс «Степана Маркелова» закончен, как всегда, за сорок четыре часа. Разгрузимся — и назад. По всем приметам туман рассеется, и быть попутному ветру. Но... на всякий случай надо справиться у метеорологов.

Разгрузка в порту «Азовстали». **Фото Г. Розова.**

ВЕСТИ ИЗ АКАДЕМИЙ

РИГА

ФОРМУЛА СМЕРЧА

Хотя в Латвии смерчи случаются редко, сотрудники Института физики Академии наук республики заинтересовались этим метеорологическим явлением, причиняющим человечеству еще больше ущерба, чем землетрясения. Ученые объяснили механизм буйного вихря с точки зрения магнитной гидродинамики — основного направления научных поисков института. Согласно их гипотезе, электрический заряд, стекающий с грозового облака по стенкам воронки смерча, взаимодействует с собственным магнитным полем и образует электромагнитную силу. Она-то и порождает восходящие потоки воздуха, которые достигают большой скорости. При этом электрический ток может проходить по сложной траектории, вызывая вращение самой воронки вокруг ее оси.

Математическая модель, разработанная в институте, дает представление о том, как именно электрическая энергия облака преобразуется в разрушительную силу движущегося воздуха, и, кроме этого, она позволяет учитывать индивидуальные особенности различных смерчей. Расчеты латвийских ученых помогут изучению этого коварного явления природы в самых разных частях света.

Отдельные элементы гипотезы нашли неожиданное применение в исследованиях, не имеющих прямого отношения к метеорологии. Ученые воспользовались своей теорией для анализа и совершенствования некоторых технологических процессов, где наблюдаются свойственные смерчам явления магнитной гидродинамики. Это касается, в частности, электродуговой плавки и электрошлаковой сварки металлов.

Семен ШПУНГИН

ФРУНЗЕ

В ОБЪЕКТИВЕ — ДНО ИССЫК-КУЛЯ

Голубому Иссык-Кулю — миллионы лет, но еще ни разу не проникал в его глубины человеческий глаз. И вот яркая молния фотовспышки прорезала темноту и вырвала на мгновение четкие очертания дна, начало причудливого каньона, обломок скалы...

Пройдет несколько часов, и сотрудники биологической станции Академии наук Киргизской ССР под руководством кандидата биологических наук А. О. Конурбаева, расположенной на побережье высокогорного озера в районе поселка Чолпон-Ата, затаив дыхание будут изучать очередное наглядное «донесение», добытое с помощью автоматической глубоководной фотокамеры, сконструированной младшим научным сотрудником биостанции В. М. Букиным. Снимки, полученные с помощью уникальной фотокамеры, отличаются высокой четкостью изображения.

— Раньше мы считали,— говорит заместитель директора Института биологии АН Киргизской ССР А. О. Конурбаев,— что дно Иссык-Куля на таких глубинах гладкое. А на самом деле вон какие овраги! Над их происхождением придется поломать голову.

Автоматическая камера для глубоководных съемок, взятая на вооружение учеными, может помочь и в разгадке многих других тайн уникального озера, в том числе и истории человеческих поселений, остатки которых обнаружены на дне Иссык-Куля.

Виктор КОРОТКИХ

МОСКВА

МОЛЕКУЛЯРНОЕ СИТО

Сегодня для человеческого организма создано уже несколько десятков запасных частей, которые вживляются в него и многие годы успешно заменяют естественные органы. И все-таки при всей своей изобретательности человек пока не в силах соперничать с природой в искусстве создания таких сложнейших и в то же время миниатюрных органов, как, например, почка.

Наш сегодняшний рассказ — об искусственной почке, созданной во Всесоюзном научно-исследовательском институте медицинской техники. Оговоримся сразу: этот аппарат по внешнему виду ничего общего с естественным органом не имеет, а по размерам близок к пианино. Называется он «Диацентр-1».

Этот аппарат предназначен для удаления шлаков из крови человека. Но функции почек он выполняет не постоянно, а лишь недолгое время, на которое его подключают к организму больного. Делают это, например, в ожидании операции по пересадке почек, когда больной орган уже не справляется со своими обязанностями, а здорового, предназначенного для пересадки пока нет. Вот тогда-то на помощь и приходит искусственная почка, которая позволяет сохранить жизнь человека.

«Почка» представляет собой стопку скрепленных пластин из органического стекла, испещренных каналами сложной конфигурации. Между пластинами зажаты по два листка целлофановой пленки. Насос перекачивает кровь из артерии, расположенной на запястье больного, в искусственную почку. Здесь кровь проходит между листками целлофана. А с внешней стороны эти листки омываются очищающим раствором.

Целлофановые листки пронизаны тончайшими капиллярами. Это своего рода молекулярное сито и к тому же очень «умное»: из крови в раствор оно пропускает только низкомолекулярные соединения шлаков, а из раствора в кровь — необходимый ей кислород.

Кровь, очищенная от шлаков и обогащенная кислородом, возвращается в организм человека и смешивается с венозной кровью.

Аппарат «Диацентр-1» рассчитан на одновременное обслуживание восьми пациентов. Сеанс очищения продолжается около шести часов и проводится раз в три-четыре дня. Этого достаточно, чтобы организм человека, лишенный почек, обрел возможность полноценной жизни.

Кроме того, искусственная почка часто применяется и при отравлениях, заражениях крови, ожогах. В этих случаях достаточно нескольких сеансов, чтобы спасти пострадавшего от смерти.

В. ЛЫСОВ

КИШИНЕВ

ЛУЧ ПЛОДОРОДИЯ

Еще Тимирязев писал, что каждый луч солнца, не уловленный растениями на земле,— это богатство, которое мы теряем навсегда. Но ведь из той огромной энергии, что падает на поверхность Земли (а это в 30 тысяч раз больше энергии, потребляемой человечеством для своих нужд), на фотосинтез растений затрачиваются доли процента.

В лабораториях многих стран мира пытаются решить проблему, как заставить растения более «разумно» использовать для своего роста энергию солнечного света. Определенных успехов добились ученые Молдавии. В Институте прикладной физики Академии наук республики разработана установка для светоимпульсного облучения растений.

Попросту говоря, это рама с закрепленным на ней вогнутым зеркалом. При концентрации солнечного света, отраженного от такого зеркала, образуется яркий луч, в котором световая энергия усиливается в 50 и более раз. Если такой солнечный «зайчик» навести на семена, овощи или другие растения, то он может их испепелить. А вот если луч постоянно прерывать с помощью несложного устройства (обтюратора), то он может принести неоценимую пользу.

Как показали опыты, проведенные сотрудниками Института физиологии и биохимии растений АН МССР, под воздействием такого импульсного облучения повышается, например, сахаристость свеклы, крахмалистость клубней картофеля, в плодах томатов возрастает содержание аскорбиновой кислоты, на 20—30 процентов увеличивается урожайность огурцов. Опыты, проведенные в Подмосковье, доказали, что облучение семян томатов дает повышение раннего урожая на 25 процентов.

Импульсное облучение светом обладает еще одним очень ценным свойством — способностью изменять наследственность растений. При воздействии луча на семена или пыльцу возникают новые формы с хозяйственно ценными признаками: скороспелостью, улучшенным качеством плодов и зерна, более высокой урожайностью. И, что интересно, эти признаки передаются по наследству.

С. МИХАЙЛОВ

АШХАБАД

ПУСТЫНЯ СТАНОВИТСЯ ДРУГОМ

Пустыня... Мы нередко думаем о ней как о бескрайнем нагромождении пересохшего песка, как о бесплодной и бесполезной части нашей Земли. А между тем она очень богата. Богата нефтью, газом, цветными металлами, природными солями. Пустыня дает треть мирового сбора хлопка, почти сто процентов каракуля и фиников. К тому же в год можно снимать по три урожая: такое здесь щедрое солнце.

Как утверждают ученые, пустыня по своему хозяйственному потенциалу выше любой другой зоны. И сегодня она все больше и больше втягивается в сферу экономической деятельности человека. Но, к сожалению, это не всегда проходит безболезненно.

Говорит академик, президент Туркменской Академии наук Агаджан Гельдыевич Бабаев:

— Очень часто приходится слышать: покорение пустыни, ее завоевание и тому подобное. Но ведь пустыня не покоряется, она мстит. Мстит за бездумное, бездушное к ней отношение.

Жаль, конечно, но человек не всегда задумывается над завтрашним днем. А чтобы освоить пустыню, надо знать, и очень хорошо, те законы, по которым она живет. Задача ученых — основываясь на этих законах, помочь человеку сделать пустыню своим другом.

Вот уже 13 лет в Ашхабаде существует единственный в нашей стране Институт пустынь. Его работы известны во многих странах мира. Сегодня сотрудники института решают непростую задачу — как лучше встретить воду сибирских рек. Ведь, по подсчетам ученых, через полтора десятка лет нынешние источники воды в Средней Азии будут использоваться на сто процентов. К этому времени и предполагается направить сюда часть воды из Иртыша и Оби.

— Мы готовимся к этой воде, работаем над тем,— говорит А. Г. Бабаев,— чтобы можно было избежать заболачивания, искажения ландшафта, засоления почвы.

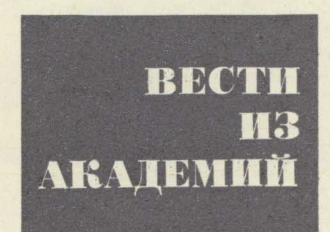
Сибирские реки, конечно же, не смогут решить все вопросы, связанные с нехваткой воды в пустынной зоне. Но ведь можно брать воду и из-под земли.

Миллиарды квадратных километров — таковы запасы грунтовых вод в Средней Азии. Только они очень соленые, и их надо опреснять. Или подбирать такие растения, которые могли бы питаться этой водой. Вот еще одно направление работ института.

Если вода для пустыни — это проблема номер один, то проблема номер два — солнце. В Туркмении за год выдается до 200 солнечных дней. Море энергии. Как заставить ее работать на человека? В институте создана экспериментальная установка, которая позволяет использовать солнце для охлаждения домов летом и для обогрева их зимой. Работает она по принципу обычного холодильника.

И еще одна интересная новинка родилась в стенах ашхабадского института — ветрогелиоопреснитель. Эта установка для опреснения воды использует энергию ветра. Если ветра нет, то машину приводит в движение солнце, жаркое солнце пустыни.

Сергей ВЛАСОВ

РАССКАЗАТЬ О РЕЖИССЕРЕ...

Н. ТОЛЧЕНОВА

— Нам кажется, редко появляются на экране новые советские проблемные фильмы вроде тех, какими были «Председатель», «Твой современник»... Может быть, просто дело в том, что меньше мы теперь знаем о картинах, над которыми работают кинематографисты, особенно молодые! Хочется, чтобы журнал рассказывал о творчестве режиссеров кино, об их замыслах.

Вот такое пожелание высказали на БАМе участники одной из встреч «Огонька» с читателями.

Запомнив просьбу, мы, признаться, тогда же подумали об Алексее Салтыкове, поскольку постановка фильма «Председатель», всем зрителям хорошо запомнившегося, была осуществлена именно этим молодым режиссером, недавним выпускником ВГИКа.

Впрочем, если рассказывать, как рождается режиссер, то надо начинать сначала, а значит, не с фильма «Председатель», где сказались не только потенциальные возможности Салтыкова и его дарование, не только понимание того, что дали учителя, но уже выступила на первый план и заявила о себе драгоценная первооснова всякого творчества: стремление сказать **свое слово о жизни**, выразить свое к ней отношение. Да так, чтобы затронуть сердца и души людей, вызвать мощные живые отклики, пусть даже чье-то несогласие, споры...

С «Председателем» все именно так и было.

Напомню, однако, что еще раньше на экране прошли три фильма Алексея Салтыкова, явно незаурядные по манере, я бы сказала, отчетливо-реалистические, а вместе с тем на редкость звонкие, полные воодушевления и романтики, молодой веры в человека, в красоту сущего. Я думаю, что эти картины — «Ребята с нашего двора», «Друг мой, Колька!», «Бей, барабан!» — тоже остались у людей в памяти. Уже в первой из них герои жили, а не позировали перед кинокамерой. Они становились «всамделишными», эти прекрасные ребята с наших дворов; причем убедительность, жизненная достоверность, к которой был устремлен Алексей Салтыков, выступила как главная черта и во всех последующих его фильмах. Он почти всегда заранее видит, **чувствует** героя своих произведений, а не ищет его наугад в предварительных кинопробах.

Всем ныне известен актер Савелий Крамаров; свою теперешнюю жизнь в кино он успешно начал как раз в «Ребятах с нашего двора». Но мало кто знает, что до этого Крамаров был лесным инженером; он служил в армии вместе с Салтыковым, но вовсе и не помышлял о кинематографе, подобно Салтыкову, влюбленному в кино. И все же именно Крамаров, а не кто-нибудь другой, нужен был Алексею для съемки в «Ребятах». Сначала Салтыков настойчиво уговаривал друга сыграть роль в картине, а когда уговоры не помогли, он буквально силой «умыкнул» Крамарова и привез на съемку... Впрочем, силы тогдашнему чемпиону спортивного общества «Крылья Советов» по боксу Алексею Салтыкову было не занимать...

Конечно, он тогда созорничал! Хотя известную долю озорства, наверное, можно считать и сегодня одной из примет его натуры, его русского характера, ясного, доверчивого, открытого. Да и когда еще озоровать, как не в пору всепобеждающей юности! Фильм-то, сразу вышедший на всесоюзный экран, был даже не дипломом, а всего лишь курсовой работой студента Салтыкова, что, кстати сказать, вообще не имело прецедентов. А дипломный фильм «Друг мой, Колька!» (совместно с А. Миттой) получил в Лондоне приз как лучшая картина года. Третью по счету картину, «Бей, барабан!», зрители и теперь смотрят на экранах ТВ.

А. Салтыков на съемке...

Так шел Алексей Салтыков к «Председателю».

Задумаемся: откуда же взялись — до «Председателя» — эти чудесные молодежные салтыковские «первенцы», фильмы, полные самоотвержения и доброты? Ведь уже и к ним надо было идти во всеоружии, отыскивая дорогу не на ощупь.

Безусловно, ответ на это дает как трудное военное детство Алексея, так и несколько рабочих профессий, которые были им освоены параллельно с учебой в вечерней школе.

Такой же была и вся студенческая жизнь Салтыкова во ВГИКе, где начиная с 1-го курса ему пришлось, как он теперь вспоминает, «вкалывать вовсю». И не просто ради практики, но опять-таки ради хлеба насущного. Чтобы хоть немного помогать матери Елизавете Сергеевне.

И вот тут, возможно, кроется начало всех начал в творчестве А. Салтыкова, как и вообще во всяком творчестве. Ибо все возникает и образуется именно здесь: в первозданных и пока еще бессознательно воспринимаемых нами, но духовно и физически неотторжимых от нас влияниях семьи — тех самых близких людей которые определяют наш будущий облик — нравственный прежде всего.

Судьба Елизаветы Сергеевны Салтыковой, выражаясь специфическим языком темы, уже сама по себе «киногенична». Ей было четырнадцать лет, когда она, не скрываясь больше от отца, упрямо надела красную косынку. Отец Лизы, священник, выгнал непокорную дочь из дому. Но она знала, на что шла, и ничего уже не боялась.

Вместе со своим мужем, чоновцем Григорием Наполовым, она сражалась против басмачей в Средней Азии,— кстати сказать, в тех самых страшных песках Каракумов, где путь своей матери, не в переносном, а в прямом смысле слова путь — повторил Алексей, когда уже после «Председателя» снимал такую же проблемную, большую и серьезную свою картину «Директор»...

В мирные годы Елизавета Сергеевна стала учиться на врача. После гибели мужа это было нелегко,— да она всю свою жизнь строила заново... Двоих детей она родила Александру Салтыкову; сына назвали Алексеем, а дочь Наташей. Но и эти дети выросли сиротами.

Алексею было всего шесть лет, когда отец, талантливый инженер, участвовавший до войны в строительстве Мавзолея Ленина, погиб в декабре 1941 года при бомбежке Севастополя.

Второй раз оставшись вдовой, мать сумела вырастить своих ребят честными, работящими, увлеченными...

Мне думается, как раз увлеченность, умение зажигаться так, чтобы до конца, до самой последней кровинки чувствовать полную душевную принадлежность тому, что делаешь, ради чего живешь,— это еще одна примечательная, очень и очень нужная современности, очень советская черта характера Алексея Салтыкова. Необходимая всякому художнику, она как-то особенно ярко и счастливо определяет именно ему принадлежащий и вполне уже выявившийся путь в кино.

Безоглядной преданностью Салтыкова большой теме жизни был порожден «Председатель» — одна из этапных лент советского кинематографа, составляющих славную его историю. Но о трудном, или, скажем мягче, непростом, возникновении «Председателя» опять же мало кто знает. А фильм создавался и впрямь непросто, несмотря на все усилия молодого режиссера, который был прямо-таки одержим темой героического восстановления хозяйства, порушенного войной. Он справедливо видел здесь великий подвиг народа и думал об этом с тех самых пор, как прочел в «Огоньке» об Орловском, возглавившем после войны один из белорусских колхозов...

Настойчиво искал молодой режиссер возможности выразить в кино эту тему, не раз обращался с предложением создать фильм о послевоенной деревне... И вдруг — поистине, кто ищет, тот всегда найдет! — Юрий Нагибин вручает Салтыкову для постановки свой сценарий, который тогда даже еще и не назывался «Председателем»... Почему-то сценарий этот не увлекал маститых режиссеров, и один только Салтыков ясно увидел в нем возможность осуществить свою мечту, ярко выразить тему, владеющую им неотступно. И начал съемку картины...

Приоткрою еще один секрет. Почему-то Михаил Ульянов в заглавной роли казался некоторым руководителям студии «неподходящим»! Салтыков работал с ним на свой страх и риск, не оглашая, разумеется, своего самовольства. И оказался прав.

Таким же острым, жизненно крупным стал и фильм «Бабье царство», где, приглашенная А. Салтыковым, Римма Маркова блистательно сыграла простую «деревенскую бабу», как презрительно именовали оккупанты советских колхозниц, не сдавшихся, не покорившихся врагу... Перед съемкой Алексей Салтыков знакомился под Курском с Татьяной Петровной Дьяченко и другими замечательными русскими женщинами, невыдуманными героинями... Благодаря этому в фильме снова не оказалось «проходных», маленьких ролей, все исполнительницы были, по существу, главными. А Римма Маркова на кинофестивале в Сан-Себастьяне (Испания) получила приз.

В фильме «Сибирячка», поставленном А. Салтыковым по сценарию А. Салынского, на первый план столь же убедительно вышла Валерия Заклунная. В заглавной роли она донесла ту духовную це-

леустремленность коммунистки, которую на протяжении всей своей жизни Алексей видел рядом с собой в поступках собственной матери, ее друзей и соратников...

В облике Марии — Заклунной простота и скромность умной, прекрасной женщины великолепно уживаются с творческой, созидающей энергией нашей современницы...

Когда завершалась работа над «Сибирячкой», Салтыков «открыл» для себя прозу Анатолия Калинина — проблемную, насыщенную острым исследованием жизни, ее психологических и обязательно социальных, классовых ситуаций.

Благодаря упорным, постоянным поискам материала жизненного, истинно современного молодой мастер снова обрел здесь для себя какой-то новый, объемный, глубоко волнующий его образный мир.

Калининская проза покорила режиссера характерами серьезными, таящими в себе истоки коренные, а не те приблизительные сюжетные «завязки», не те поверхностные «коллизии», какие порою бывают выношены, с позволения сказать, без отрыва от письменного стола, без истинного знания темы, какую дает художнику подлинному только народ, одна только народная жизнь.

Здесь в известной мере кроется, пожалуй, и ответ на тот немаловажный для наших зрителей вопрос: почему, мол, меньше вроде бы стало на экране крупных, проблемных фильмов. Их ведь, скажем прямо, не так-то уж легко бывает сделать. Подобные фильмы создаются, как всякое искусство, дорогой ценой. Они возникают благодаря усилиям художников мыслящих, а не суетным карьеристским тщанием модного приспособленчества, отыскивающего способ «пойти в ногу с современностью». Правда, известная сложность тут еще и в том, что убогие эти попытки тоже иногда приносят кое-кому видимость удачи.

Наверное, слишком насыщенна, плотна, переизбыточна проблемами современная наша жизнь! А эти проблемы нельзя подменить поверхностной «похожестью» или просто информацией, ибо в них живут подлинные связи с действительностью, связи прямые и обратные, все более расширяющиеся, порой неохватные...

Кинематограф, возможно, не всегда поспевает за всей этой проблематикой. И тут он вполне справедливо обращается к советской литературе. А ей семидесятые годы — и это у всех на глазах — принесли множество произведений, где нынешний день народа предстает неотрывно от общего хода жизни страны, в широком историческом опосредовании и обязательно в свете главных проблем, важнейших нравственных задач современности.

Творчество Анатолия Калинина, воодушевленное бытием советского народа, дарящее нам яркое ощущение своеобразия людей донской земли, стоит в этом же ряду. Калинин зорко всматривается в самые потайные, самые нелегкие процессы формирования человеческой души, открывая их неслучайность, их корни... Вспомним великолепно сыгранную Нонной Мордюковой Антонину, героиню калининской повести «Возврата нет»...

— Не буду скрывать: люблю этот образ! Быть может, даже больше других,— говорит Анатолий Вениаминович.— Это как бы сама Донщина, добрая, честная, неизбывная в своей душевной самоотдаче и сердечной щедрости,— такой именно ее сыграла Нонна Викторовна, актриса замечательная. А сейчас она вместе с Алексеем Салтыковым задалась целью вылепить образ резко противоположный — Варвару Табунщикову из повести «Эхо войны». Ну что ж, им решать. Я спорить не буду...

А у них уже давно все решено, все готово к съемке. Подготовлены не только актеры, есть уже эскизы костюмов и декораций. На хуторе Пухляковском председатель колхоза Тимофей Иванович Вороновский, высоко ценящий творчество Анатолия Калинина, тоже готовится к началу съемок: выделяет виноградные участки, подбирает наиболее живописные места среди своих колхозных владений...

Неисправимый же этот упрямец Алексей Салтыков — опять-таки на свое творческое усмотрение — снова собрал отличный, думается, съемочный коллектив. Что уж говорить о Мордюковой: она уверена — и вполне справедливо! — что Варвара — это ее и только ее роль! Конечно же, неповторимая эта актриса в комплиментах не нуждается: так и видишь ее Варварой Табунщиковой, слышишь даже голос, интонации Н. Мордюковой, читая сценарий.

Но ведь и все остальные исполнители тоже обещают результаты интересные в фильме «Эхо войны». Николай Еременко и Владимир Тихонов будут сниматься в ролях сыновей Варвары Табунщиковой — Павла и Жорки, Клара Лучко — в роли учительницы Марии Егоровны.

Невестку Варвары Табунщиковой, жену Павла, Надю, сыграет Ольга Прохорова, актриса многообещающая. Мы видели и запомнили ее по фильму «Возврата нет», где она создала интересный образ Ирины... Мне показалось, что в жизни Ольга выглядит если не более красивой, чем Ирина, то, во всяком случае, более юной, светлой, радостной. Но именно такой и должна быть Надя в картине «Эхо войны». Самая юность ее многозначна и победительна: это скорее внутренняя чистота, личностное духовное качество героини, не потерявшей себя даже рядом с затаившимися врагами колхозного строя — Табунщиковыми. Они ведь подспудно вынашивают ту черную измену, которая в дни войны породила змеиное племя полицаев, а после войны — пусть бы даже и одного только Сахарова,— так ведь есть еще жиденькая группка его подручных...

О зловещих истоках микроба измены надо знать — пусть недоброй — истину возникновения... Эта истина и в произведении Калинина, а теперь и в режиссерских планах Алексея Александровича Салтыкова носит, как я уже сказала, вполне отчетливый классовый характер.

И тут снова все закономерно: эту истину не обойдешь. Она выстрадана народом. Продиктована верой в победу народа. Выявлена самим ходом жизни, непрекращающейся борьбы за эту жизнь, за ее дальнейшее поступательное движение.

И можно только пожелать успеха студии в этой новой большой работе.

«ОГОНЕК» НА БАМе

ИСПЫТАНИЕ МОРОЗОМ

Лимарий СЕМЕНОВ

В интервью с корреспондентом «Огонька» (№ 48 за 1975 год) начальник «Главбамстроя» К. В. Мохортов указывал на ряд претензий бамовцев к поставщикам жилья — предприятиям Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности. Наш корреспондент побывал в Нововятске на комбинате древесных плит, а позднее встретился с заместителем министра Николаем Александровичем Серовым.

...Разошлись по комнатам и пытались вести разговор, но едва слышали друг друга. Между тем комнаты, в которых мы находились, не имели потолка — над нами сияло небо. Комнаты пахли свежеспиленным лесом.

Сергей Васильевич Русских, директор Нововятского комбината древесных плит в Кировской области, показывал мне новую продукцию — дома-общежития для строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Им предстоит нынешней зимой первое испытание на тепло, прочность и уют в суровых условиях тайги.

— Хорошо сработано, все тщательно продумано конструкторами. Дом прочен, морозоустойчив. Взгляните на пол. В жилье, особенно деревянное, холод забирается снизу. Этот недостаток был присущ и некоторым «первенцам», выпускавшимся предприятиями нашей отрасли. Их справедливо критиковали строители БАМа. Здесь же,— Сергей Васильевич нагнулся и измерил руками свежий срез,— тройная, специальная обшивка, никакой мороз не пролезет. Мы брали во внимание градусов этак шестьдесят — семьдесят.

— А как окна?

— В оконные блоки, как мы их называем, вставляем три стекла. Задумано так, что морозные узоры не появятся. Бамовцам уже отправлены сотни таких домов. В общежитии будут жить 27—30 человек. Полезная площадь на каждого — двенадцать — пятнадцать метров. Некоторые дома с видоизмененной планировкой предназначены для молодых семей. Производство таких домов начнется в ближайшее время.

Нелегко было коллективу комбината выполнять заказ БАМа. Тридцать новых машин, семь линий смонтировали и пустили в эксплуатацию за какой-нибудь месяц. Новые дома сейчас монтируются из утепленных деревянных панелей. В дело пошла самая высококачественная древесина.

— Но именно ее, высококачественной древесины, порой и не хватает нам,— сетует С. В. Русских.— Дома у нас, как говорится, на потоке, все отлажено. Новейшее оборудование — в руках опытных мастеров. Однако взятый темп несколько замедляется из-за срыва поставок материалов Слободским и Пермским фанерными комбинатами и Саранским заводом минераловатных изделий.

Зима прошлого года на БАМе была суровой. Трещали морозы,— продолжал Сергей Васильевич,— а теплого жилья не хватало. Зима наступившая должна быть «уютной», теплой для тех, кто вернется вечером с работы из тайги. Мы будем внимательно следить за тем, как поведут себя наши дома в морозы. Ведь это их первая зимовка...

...Все новые и новые эшелоны с жильем отправляет Нововятск. Я видел состав железнодорожных платформ, на которых расположился один дом. Он пошел «зеленой улицей».

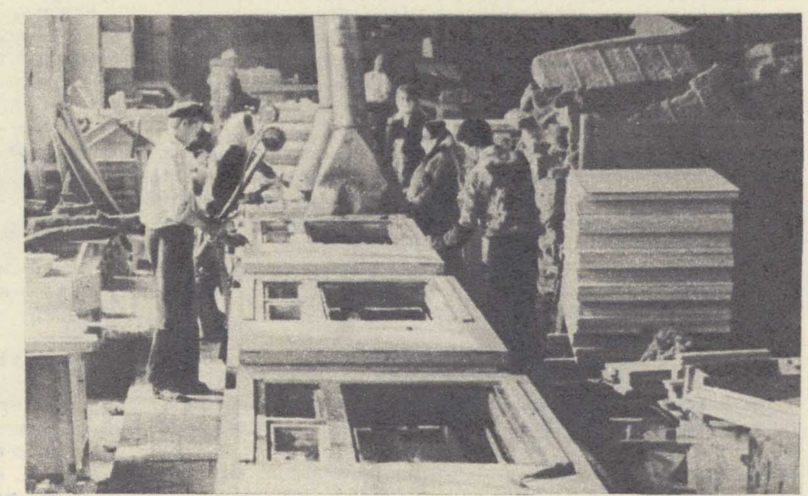
В Министерстве лесной и деревообрабатывающей промышленности создана специальная комиссия по координации и ускорению строительства жилья для БАМа. Ее возглавляет заместитель министра Н. А. Серов.

— Трем лучшим предприятиям,— говорит Николай Александрович,— Пермскому домостроительному комбинату, Хорскому деревообрабатывающему комбинату, это в Хабаровском крае, и Нововятскому комбинату древесных плит — поручено было в начале 1975 года в срочном порядке освоить производство новых домов. Я хорошо знаю возможности нововятичей. В Кировской области проработал немало лет и за последнее время неоднократно бывал там. На комбинате хорошо, я бы сказал, творчески, организовано социалистическое соревнование. Первый дом из большой «бамовской» серии сооружали в январе семьдесят пятого сообща и конструкторы и рабочие. В крайне сжатые сроки коллектив перестроился на производство домов нового типа. «БАМ ждет дома!» — вот лозунг, который был и остается главным для нововятичей. И не только для них. 600 панельных общежитий общей площадью свыше 196 тысяч квадратных метров отправлены бамовцам. На трассу прибыло еще несколько эшелонов с домами. Им предстоит серьезное испытание. Учитывая пожелания строителей, мы постараемся дать им как можно больше панельных домов для семейных.

В заключение Н. А. Серов сказал:

— БАМ — стройка всенародная. И со страниц «Огонька» я обращаюсь к Министерству промышленности строительных материалов РСФСР, Минмонтажспецстрою СССР, Минпромстрою СССР, Минэнерго СССР с просьбой оказать всяческое содействие комбинатам нашей отрасли в создании прочного, теплого, благоустроенного жилья для тех, кто строит Байкало-Амурскую магистраль.

Дом на конвейере. **Фото В. Глазырина.**

КАМЕНЬ ПЛОДОРОДИЯ

К. ЧЕРЕВКОВ,
фото Н. АНАНЬЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

МОНЧЕ-ТУНДРА

Апатит нужен хлеборобам не менее, чем дрожжи хлебопекам. Поэтому сразу же после гражданской войны в Хибины, в безжизненную тундру, была послана экспедиция под руководством академика Александра Евгеньевича Ферсмана. Ее изыскания обосновали организацию первого горнопромышленного предприятия на Кольском полуострове.

Наше знакомство с первопроходцами Хибинских гор началось в Ленинграде, на Выборгской стороне, где живет старый большевик Павел Петрович Семячкин. Кто видел кинофильм «Встречный», тот знает, что прообразом одного из главных героев его послужил П. П. Семячкин, человек, активно причастный к первому в стране встречному техпромфинплану. Сергей Миронович Киров хорошо знал Павла Петровича, восхищался его неуемной энергией, творческой инициативой. Павел Петрович вспоминает:

— Поезжай в Хибины,— сказал мне Киров.— Там очень нужны стойкие люди, коммунисты. Не скрою, трудностей встретишь немало...

В Хибинах П. П. Семячкина избрали секретарем горкома партии.

— Душой всех практических дел, связанных с развитием апатитовой промышленности,— продолжал Павел Петрович,— оставался Сергей Миронович Киров. По его инициативе стали строить заполярный комбинат и город. Под Новый, тридцатый год Киров приехал в Хибины. В деревянной избе у подножия Апатитовой горы собрались пионеры освоения тундры. Вместе рассмотрели план размещения рудника, обогатительной фабрики, рабочих поселков. Ту новогоднюю ночь и принято считать днем рождения Хибиногорска.

С деятельностью академика А. Е. Ферсмана связаны многие научные открытия. Когда в ноябре двадцать девятого года был образован трест «Апатит», сразу создали горную научную станцию Академии наук СССР. Горстка ученых во главе с Ферсманом развернула кипучую деятельность. Сейчас это Кольский филиал Академии наук СССР, в который входят шесть институтов. А тогда веселый, жизнерадостный Ферсман заражал своим оптимизмом немногих первопроходцев сурового края.

— Однажды,— вспоминает Семячкин,— мы отправились на оленьих упряжках в Монче-тундру. Там мы разместились в двух закопченных избах. Растопили железные печурки. Зажгли свечу, разложили спальные мешки. На ящике появились мясные консервы, хлеб, бутылка водки. Поужинав, забрались в меховые мешки на ночлег. И вдруг Ферсман предложил послушать «Евгения Онегина». Начал он тихо, уверенно читал на память главу за главой, читал все громче и громче. Более часа в лопарской избе, в глухую полярную ночь, лежа в спальных мешках, мы слушали Пушкина.

Глубокий след в Хибинах оставил молодой геолог, коммунист Григорий Степанович Пронченко. Он приехал из Москвы с первой геологической партией научного института удобрений — НИУ. Отряд Пронченко должен был на самой высокой отметке заснеженной горы Юкспор пробурить пять скважин глубиной в тысячу шестьсот метров. Проложили дорогу. На своих плечах, частично на лошадях, проваливаясь в сугробах, геологи тащили на вершину лебедки, моторы, металлические конструкции, детали домика...

ГОРОДА — РОДНЫЕ БРАТЬЯ

...Станция Апатиты. На этом месте когда-то был разъезд Белый, тот самый, куда вступил отряд геологов Григория Пронченко. Они рядом, города-братья — Апатиты и Кировск, бывший Хибиногорск. Оба города своим рождением обязаны бурному развитию добычи хибинских горных сокровищ, и прежде всего апатитов. Каждый по-своему красиво вписан в горный ландшафт. В этих городах современные, многоэтажные здания, дворцы культуры, кинотеатры, гостиницы, научные институты. Расстояние между городами — всего двадцать пять километров, но микроклимат их разный: в Апатиты весна приходит раньше, снег здесь сходит в мае, а в Кировске в эту пору еще катаются на лыжах, бушует сильный ветер. Вырвавшись из ущелья, он с огромной силой мчится в сторону Апатитов, но на полпути стихает. Загадка природы! В самом центре Кировска цветочный магазин — гладиолусы, астры, гвоздики, выращенные в полярных условиях. Два города роднят крепкие экономические связи и общее дело: жители их заняты добычей и переработкой камня плодородия.

«ГОРЫ КОРМЯТ»

Так говорят хибиногорцы. Тут нет преувеличения. Запасы апатитов огромны. Более половины руды тут добывают открытым способом. Себестоимость намного ниже, а производительность труда в три-четыре раза выше, чем при подземном способе.

Рудник Центральный расположен на плато Расвумчорр — это более тысячи метров над уровнем моря. И прежде чем отправиться на плато, мы поинтересовались, какова погода.

— Торопитесь,— ответили нам,— ожидается снежный буран.

«Газик» взбирался вверх по снежной вьющейся дороге. По правую ее сторону стена из снега высотой метра в три, слева — обрыв. Навстречу ползет бульдозер. За рулем Валентин Кожинов, страж снежной дороги. Он же очищает карьеры, забои, поднимает вверх оборудование, горючее, взрывчатку.

— Коллектив у нас прекрасный,— рассказывает начальник Центрального рудника Виктор Григорьевич Колесников.— И мы не знаем, что такое текучесть кадров.

Стоим на снежной вершине. Внизу рудник без крыши. Карьер. Оттуда доносится шум экскаваторов, буровых машин, самосвалов. Добытая горная масса транспортируется к глубоким рудоспускным отвалам, передается в капитальные железнодорожные тоннели, грузится в стотонные бункера.

— Нас донимают сильные ветры, густые снегопады и нулевая видимость,— говорит Виктор Григорьевич.— Конечно, привыкли, закалились, но снег — наш враг номер один. Много сил отнимает. Едва подготовим площадку к взрывным работам, глядишь, она уже под снегом.

МИНЫ ПРОТИВ СНЕГА

Представьте: вы у подножия высокой, заснеженной горы, а с нее, грохоча, сползает лавина... В прошлом лавины уносили жизни смельчаков, первых покорителей Хибин. Четыре года Г. С. Пронченко сражался со свирепой стихией и погиб под снежной лавиной...

В Хибинах меня познакомили с Борисом Михайловичем Беленьким, одним из тех, кому чудом удалось тогда спастись.

— Была полярная ночь,— рассказывает он.— Люди спали, не ведая, что надвигается беда. Только гул поднял спящих, но было уже поздно. Лавина накрыла дома, людей, смела линию электропередачи.

Наука тогда еще не могла предложить такие эффективные приемы борьбы со стихией в Кольских горах, как теперь. Чтобы горняки могли безопасно жить, в Хибинах создана специальная противолавинная служба, разработаны методы прогнозирования и управления снежными обвалами. Служба эта оснащена мощными вездеходами и минометами. Начеку люди и приборы. Все сто два очага лавин нанесены на карты-схемы. И как только дозорные подадут сигнал тревоги, все средства борьбы выходят на передний край.

— Иногда,— говорит начальник противолавинного цеха А. В. Бобрышев,— мы провоцируем лавины до созревания, чтобы рассеять их в зародыше. А то выкатываем миномет и расстреливаем снежные глыбы.

ДА БУДЕТ ХЛЕБ

До открытия Хибинского месторождения в стране не было отечественного производства фосфорных удобрений. Теперь проблема решена. Мы побывали на обогатительной фабрике № 2. Сюда руда поступает на обогащение. Фабрика по своему оснащению не уступает современным предприятиям мира. На десятках гектаров — более двадцати корпусов. Здесь новейшее отечественное оборудование. Людей почти не видно, трудоемкие работы механизированы. На всех этапах технологического процесса — забота о качестве. Обе обогатительные фабрики достигли высоких показателей.

В цехе, где обогащается руда, мы задержались у флотационной машины. Ее создали здешние инженеры во главе с директором производственного объединения «Апатит», доктором технических наук, Героем Социалистического Труда Георгием Александровичем Головановым.

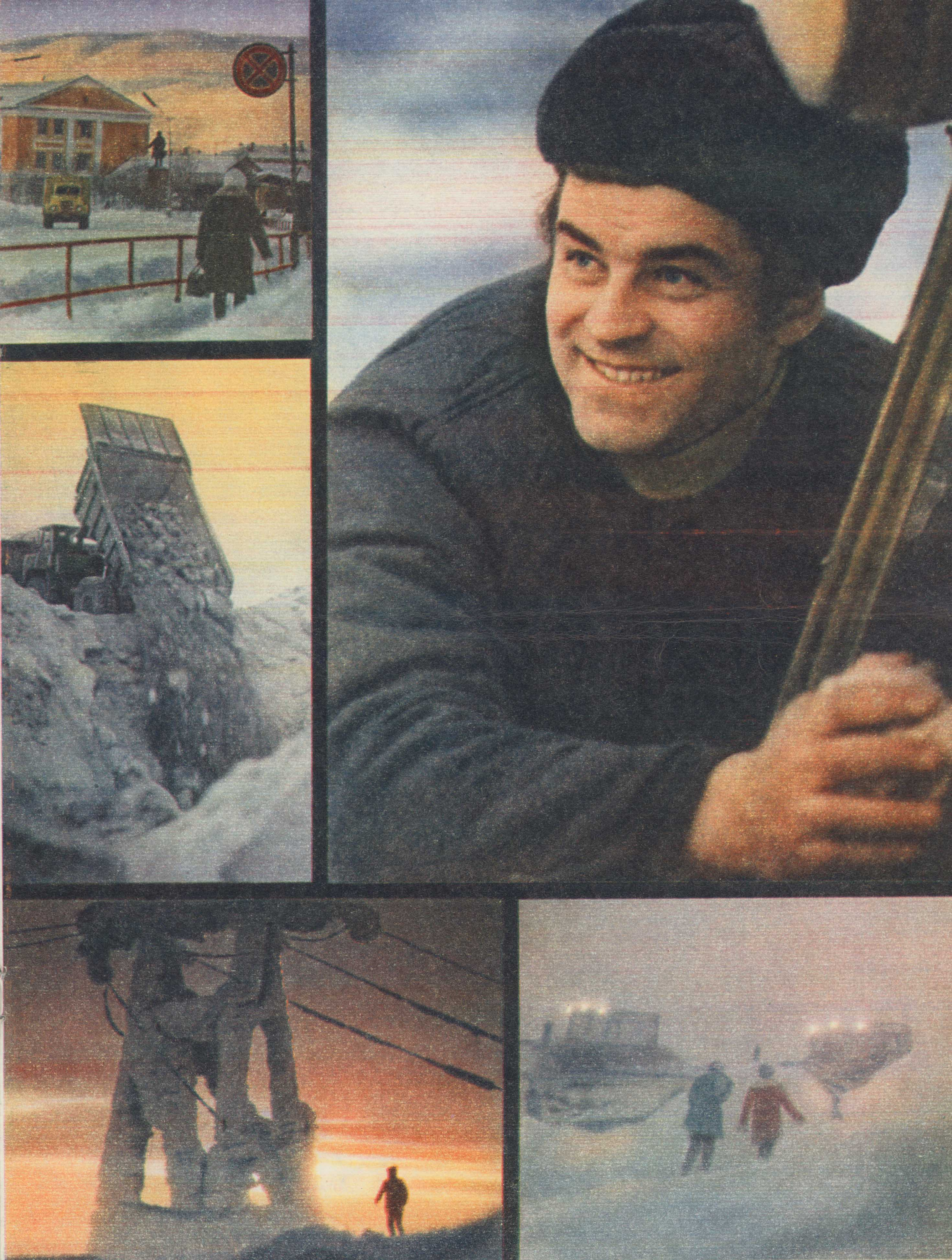
Каждые сутки объединение отгружает полторы тысячи вагонов апатитовых концентратов. В девятой пятилетке заполярные горняки дали стране сверх плана один миллион семьсот тысяч тонн апатитовых концентратов. В новой пятилетке производство ценнейшего сырья возрастет на 24 процента. Вступит в строй новая, еще более производительная отечественная техника.

■

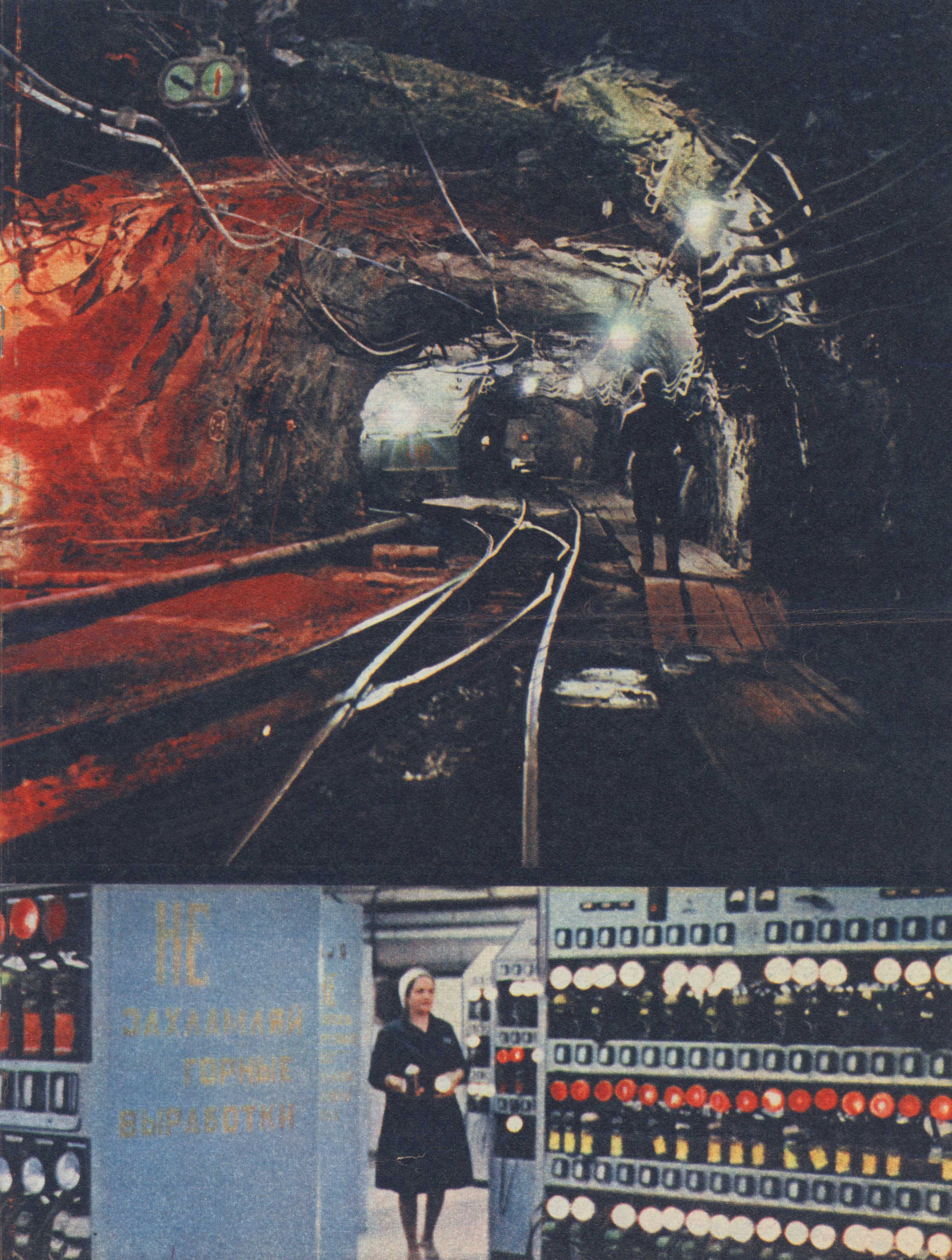
У подножия Хибинских гор. ❊ Рудовозы. ❊ Центральный рудник — впереди. ❊ В пургу. ❊ Бульдозерист Валентин Кожинов.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Бригада проходчиков В. Н. Борисевича первой на Кировском руднике выполнила пятилетку. На снимке (снизу вверх): М. А. Морозов, В. Н. Борисевич, Н. И. Трубкин, А. А. Морозов. ❊ Откаточный штрек. ❊ Ламповая Кировского рудника.

НЕ
ЗАХЛАМЛЯЙ
ГОРНЫЕ
ВЫРАБОТКИ

ДИПЛОМ ВДНХ—НИЖНЕТАГИЛЬСКОМУ КОМБИНАТУ

Под рубрикой «Пять лет трудовой жизни» вы печатаете рассказы молодых современников. По годам меня к молодым не отнесешь (мне 67 лет), но я живу полнокровной жизнью: продолжаю трудиться, часто выступаю с лекциями и докладами, сотрудничаю в газетах и журналах.

Я комсомолец двадцатых годов, 43 года в партии. Награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета» и восемью медалями, ударник коммунистического труда.

Когда мне исполнилось 63 года, я ушел на пенсию. Казалось бы, все хорошо. Живи себе на здоровье, пользуйся заслуженным отдыхом. Но... через несколько месяцев я затосковал по настоящему делу. И когда мне предложили заняться организацией нового для нашего комбината дела — профориентацией,— я с радостью согласился (до ухода на пенсию я работал начальником отдела техучебы).

В кабинет профессиональной ориентации каждый день приходят школьники подшефных школ. За три года их побывало более 12 тысяч. Я им рассказываю о комбинате, о людях «огненной профессии» — горновых, сталеварах, операторах прокатных станов, о деле, которому посвятил 48 лет своей жизни.

Я доволен, что занят полезным делом: помогаю школьникам разобраться в многообразии рабочих профессий, правильно сориентироваться в выборе жизненного пути.

Общение с ребятами как бы передает мне частицу их молодого задора и энергии, и я забываю о своем возрасте.

Самым счастливым и радостным днем моей жизни в этом году был день, когда за достижения в области профориентации и трудового воспитания учащейся молодежи комбинат был награжден дипломом I степени, а 7 работников — медалями ВДНХ. Это наш подарок XXV съезду КПСС.

В. АШЕВСКИЙ,
зав. кабинетом профориентации, заслуженный ветеран Нижнетагильского металлургического комбината

АВТОГРАФ ПОЛКОВОДЦА

Наши мысли о мире и счастье неотделимы от воспоминаний о суровых годах Великой Отечественной войны.

На мою долю выпало много испытаний: я потерял отца — он погиб в битве за Москву. Лишился обеих ног.

Прошло тридцать мирных лет. Наша страна поднялась из пепла и разрушений, стала могущественной и процветающей державой. Я окончил школу, затем институт, работаю переводчиком.

Вместе со всем народом я свято храню память о славных советских солдатах и полководцах, ценою жизни своей завоевавших свободу нашей Родине.

Когда вышла из печати книга Маршала Советского Союза, четырежды Героя Советского Союза Г. К. Жукова, я с большим интересом прочитал ее и написал автору письмо-отзыв.

Какова же была моя радость, когда я получил от Георгия Константиновича в подарок юбилейную почтовую марку, выпущенную к 25-летию Победы. Марку с автографом выдающегося советского полководца! Мне думается, что читателям «Огонька» будет интересно посмотреть на нее.

Игорь МИХАЙЛУСЕНКО

ПОЭТЫ ОБ ИСТОРИКЕ

Есть крылатое выражение: «Поэтами рождаются, ораторами делаются». Историками, как и ораторами, в отличие от поэтов обычно делаются. Но среди них есть и такие, какими сделаться нельзя, надо родиться. Таким историком был Евгений Викторович Тарле, столетие со дня рождения которого мы недавно отметили.

Историк с мировым именем, действительный член АН СССР и Норвежской академии наук, член-корреспондент Британской академии, почетный доктор Сорбонны, университетов в Праге, Брно, Осло, Алжире, Евгений Викторович Тарле состоял и членом Союза советских писателей. Можно сказать о нем, что он был первым в СССР историком среди писателей и первым писателем среди историков.

Писатели Корней Чуковский, Галина Серебрякова, Евгений Ланн, Александр Дымшиц оставили о нем восторженные воспоминания. Ярко характеризуют Тарле и посвященные ему стихи С. Я. Маршака и Т. Л. Щепкиной-Куперник.

...На торжественном заседании в АН СССР по случаю 75-летия Е. В. Тарле С. Я. Маршак приветствовал юбиляра такими стихами:

В один присест историк Тарле
Мог написать (как я в альбом)
Огромный том о каждом Карле
И о Людовике любом...

И если спросите вы, стар ли
Евгений Викторович Тарле,
Любой студент ответит: — Нет,
Он сверстник нашей молодежи,
И многих юношей моложе
Седой историк и поэт!..

Саратов.

Н. А. ТРОИЦКИЙ,
доктор исторических наук

СТУДИЯ ВО ДВОРЕ

Художественную студию при жэке № 15 (Москва) организовал художник-керамист Е. Е. Мачкин. Вот уже 12 лет занимается Евгений Емельянович с детьми, щедро делясь с ними своим мастерством. Он учит их не только лепить и обжигать керамические фигурки, но и рисовать. Рисуют сначала цветными мелками, затем карандашом и кистью, акварелью, гуашью, маслом.

В изостудии уютно, интересно: много репродукций картин известных мастеров, барельефы, гипсовые маски, керамические сосуды, детские рисунки. Не удивительно, что ребята идут сюда охотно. Е. Мачкин встречает их радушно, заинтересованно. Чувствуется, что занятия приносят радость не только ребятам, но и их руководителю.

«Я совершенно убежден,— говорит Евгений Емельянович,— что плохих детей нет, нет и ни к чему не способных. Нужно лишь суметь заинтересовать их. Я не только учу детей, но и сам постоянно учусь у них: их неистощимой фантазии, их радостному, изумленному восприятию окружающего мира. Если они научатся понимать прекрасное, то не смогут стать плохими людьми».

Детские работы студии Е. Мачкина были представлены в Манеже, во Дворце пионеров, в кинотеатрах и клубах. Повсюду они получали восторженные отзывы посетителей.

А. МАКСИМОВА

читатели рассказывают

Из минометa — по лавине. ❄ Взрывную зону охраняет Нина Филатова. ❄ Готовится очередной взрыв.

Георгий БЕРЕЗКО

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Бутылка коньяка была наполовину опорожнена, и Сведомского разобрало желание выговориться и объясниться с обступившими его призраками. Не зная еще точно, в чем он грешен, он стремился уже защититься от их обвинений, которых смутно ждал. И даже нынешняя беда — этот безвременный финал его деятельности, как-то был предопределен, казалось, ее давнишним началом...

— ...Нет, я не могу сказать, что я мало работал... Может быть, я работал слишком много. Афиши, афиши, афиши... Множество афиш на разных языках. На моей даче весь холл увешан ими. Афиши... и великолепные папки с юбилейными адресами.

Сведомский — он был уже без галстука, в расстегнутом воротничке виднелась его тонкая, в морщинистых, будто тряпичных складках шея — привстал и потянулся через стол к Колоколову.

— Что делают с папками — сафьяновыми, крокодиловой кожи?.. Не слышали? — Он сощурился, недобро веселясь. — Я тоже понятия не имею. А музыка, музыка!.. Но это секрет — это между нами.

И он огляделся, как бы желая удостовериться, что в номере, кроме их двоих, никого нет.

— Музыка... — Он не смог, однако, сразу же, без обиняков, признаться в своей главной беде. — Что-то как будто выключилось и... перестало светить. Я ничего не утратил из того, что умел, а может быть, все-таки утратил? Я не помню себя без музыки. А она ускользает от меня, уходит. — Сведомский даже попытался сострить: — Она бежит, как разлюбившая жена. Почему? Или я стал другим? Да, постарел, постарел! Пока никто еще, кажется, не догадывается, что она изменяет мне. Но завтра это услышат все.— Он странно, как бы удивляясь, улыбнулся.— Я стал бояться рояля.

Сведомскому было уже мало дела до того, что он рассказывает все это чужому человеку. Он исповедовался не перед ним — перед собой, перед тем главным, что жило в нем, что носило знаменитое имя: Сведомский. Это главное соединяло в себе его прошлое со всеми надеждами и его настоящее со всеми разочарованиями. И не все ли равно, кто его сейчас слушал, если его судили призраки, таившиеся до поры в нем самом, а сейчас вышедшие на свет и заговорившие.

— Что же это такое — музыка?.. — недоуменно спросил он. — Из чего она рождается? Это ведь только на первый взгляд вы извлекаете ее из своего инструмента. Мой учитель когда-то говорил: все существующее может стать музыкой. Но что для этого обязательно? Я не знаю, или я забыл. Это ужасно, это — как забыть свое имя. Мне твердят: вы устали, вам надо хорошенько отдохнуть. Но я-то не обманываюсь, нельзя отдохнуть от самого себя... Я давно уже ничего не сочиняю, не пишу... А все чего-то от меня ждут — мои критики, даже моя жена. Мне говорят: ты должен! А я никому ничего не должен... Никому ничего!.. Никому ничего! — выкрикнул вдруг зло Сведомский. И собственный крик испугал его, он надолго умолк.— Вот так, товарищ полковник! Вы первый человек, которому я...

— Весьма тронут, Евгений Александрович! — серьезно проговорил Колоколов. — Но что я могу вам, Сведомскому, сказать? Позволю себе лишь выразить уверенность, что это у вас временное. Вообще-то я не осведомлен в вашей области.

— Да, да, понимаю.— Сведомский устыдился своей чрезмерной, разоблачительной откровенности. — Еще по рюмочке, товарищ полковник! Я так и не спросил вашего имени-отчества.

— Николай Николаевич — имел честь докладывать.

— А, да... Простите, запамятовал, склероз... И я подозреваю, Николай Николаевич, моя исповедь уже наскучила вам. Тем более что в данном случае, — неясное, словно бы сочувственное выражение промелькнуло в глазах Сведомского, — я едва ли вправе рассчитывать на ваше снисхождение. Чем же все-таки я могу быть вам полезен?

Он разлил по рюмкам коньяк.

— «Жизнь проходит, как скорый...» — где-то я слышал это. Да что там скорый! Как космическая ракета! А в конце — пустота, Пальмира, пустыня...

Колоколов деликатно подождал немного.

— Глубоко сожалею, что вынужден обеспокоить вас в такой момент, — проговорил он.

— Я слушаю, слушаю... — сказал Сведомский.

— Не столь давно, Евгений Александрович, мне стало достоверно известно... Еще раз прошу прощения!

— Все, что будет в моих силах, — сказал Сведомский.

— ...мне стало известно, что тапер из ресторана «Пальмира» и народный артист Сведомский — одно и то же лицо. Еще одна замечательная метаморфоза. И я осмеливаюсь... Я подумал: Сведомский, возможно, что-либо знает о судьбе Полины Короленко. Анна Тимофеевна, нынешний директор гостиницы, утверждает, что вы были заключены все вместе здесь в номере.

— Так оно и было.— Сведомский кивнул, теперь он слушал с тревожным вниманием.

— Продолжаю, с вашего позволения... У нас, на Самарской, я Полину уже не застал. Их флигель стоял заколоченный. И моя матушка не смогла мне ничего объяснить, а возможно, не захотела.

— Вы тогда так ничего и не узнали? — Сведомский подивился.

— Решительно ничего. Немного позднее мне удалось установить, к моему крайнему и, скажу больше, горестному удивлению, что Полина Короленко арестована... Как активная большевичка.

И вновь ожесточение охватило Сведомского.

— Это была наша последняя встреча! — воскликнул он. — В этом самом номере гостиницы, именно здесь, в гостинице, превращенной вами и вашими соратниками в застенок!

Теперь замолчал Колоколов, он был озадачен.

— Последняя, вы говорите... Но это, прошу прощения, заставляет предполагать, что ей предшествовали другие встречи. Или я ошибаюсь?..

— Нет, не ошибаетесь! Мы встречались и раньше — всю ту зиму и летом, почти что целый год... Боже мой, как это было хорошо! — забывшись, с силой сказал Сведомский.

Всем своим существом он — обиженный, захмелевший, чувствующий себя глубоко несчастным — рванулся сейчас к тому, что так зримо возникло сию минуту перед ним! И у него тут же выскочило из головы все то, что четверть часа назад он услышал от сидевшего перед ним человека.

— Знаете, где мы познакомились с Полей? На моем концерте... На одном из самых поразительных моих концертов, — спеша заговорил он. — Это было в Мариинской гимназии. Там находился тогда госпиталь. И меня — счастливый случай! — меня послали выступить перед ранеными красноармейцами. А Поля — она была сестрой милосердия — устраивала этот концерт.

— Поля пошла сестрой? — переспросил Колоколов. — Понятно!

— Она была еще секретарем комсомольской ячейки. Необыкновенный концерт: в зале с беломраморными колоннами и при керосиновых лампах, в махорочном промозглом тумане. Я вижу все, как сейчас... Я играл Бетховена, «Патетическую», играл Баха... — Сведомский ерошил и оглаживал тощенькие остатки своих кудрей, привставал, садился — его будто лихорадило. — Люди, до глаз заросшие щетиной, какие-то темноликие, бородатые подвижники, стучали костылями, выражая свое одобрение. А у меня от холода стыли пальцы... Но Поля была очень довольна. И она повела меня в столовую, в подвале там была столовая, и роскошно накормила супом с воблой... Потом я часто сиживал в этом подвале.

Он посмотрел на Колоколова так, точно спрашивал: «Что же вы не радуетесь вместе со мной?»

— Годы были голодные, понятно, — после паузы сказал тот.

— А иногда ночью мы пробирались в актовый зал, где был клуб. И я играл для Поли. Это было совсем волшебно! Огромный зал, месяц в морозном окне... И Бетховен, и Бах, Лист, Моцарт в этом доме страданий, в армейском госпитале. Я и свое играл, я много сочинял тогда... И Поля поверила в меня безгранично! Вы не знаете, как это было важно для меня!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—2.

— Музыку Поля обожала, совершенно верно, — отчеканил твердым голосом Колоколов.

— А Полю нельзя было не полюбить! — воскликнул Сведомский. — Она плакала, когда я играл, или веселилась — так искренне, открыто! Может быть, я никогда потом так не играл... В те ночи я набросал свою «Поэму мужества», ее и сейчас еще иногда исполняют, несколько песен, маршей. И не скажу вам, кого Поля больше любила — меня или мою музыку. О, простите великодушно!

Только сейчас Сведомского озарило, что у его гостя может быть свое, совсем иное отношение к его счастливым воспоминаниям.

— Я немного увлекся. Но все так живо встало!.. Да и время, время! Когда все это было?!

— Почему же я должен вас прощать? — ответил Колоколов. — В чем вы или Поленька виноваты? Кажется, я больше виноват — и непоправимо! — перед ней.

— Время — оно как песок, сыпучий, вечный, неистощимый... — попытался смягчить свой удар Сведомский. — Время все хоронит. Я хотел сегодня поехать, поглядеть на тот дом, на гимназию за мостом. Но сохранился ли тот дом?

— Теперь там городской Дом пионеров,— сказал Колоколов.

— Да, финита!.. Наступает день, когда приходится сказать: «Занавес!»

— Я вроде бы вскорости утешился тогда, потеряв Поленьку,— после долгого, неловкого молчания сказал Колоколов,— очень еще молодой был. А теперь ночей не сплю. Все думаю: как же так получилось, что я допустил? Я понимаю, Евгений Александрович, вам тоже, конечно, тяжело об этом... Но я покорнейше прошу: облегчите вы мою душу, ответьте мне. Когда вы встретились здесь с Поленькой, в какой момент? Что она, как выглядела? И почему, как она погибла?

ОТСТУПЛЕНИЕ В ПРОШЛОЕ. СВЕДОМСКИЙ.

Он втянул голову в плечи и припал головой к стене. Если бы он мог, он вжался бы в эту стену, ушел в нее, чтобы ничего не видеть и самому стать невидимым.

По коридору вели пленных красноармейцев, там тащились и раненые: одни едва брели на подгибавшихся ногах, других поддерживали товарищи. Ночь кончалась, но в коридоре было еще темно, и лиц людей было не рассмотреть — мимо Сведомского проплывали белесые пятна с черными провалами глазниц, со щелями открытых черных ртов. Вся группа перемещалась очень медленно, будто в темной воде, текущей навстречу,— и конвоиры в фуражках с кокардами ярились. Они ненавидели своих пленных даже за их бессилие, за их несчастный вид, диким образом раздражавший конвоиров, даже за безгласие своих жертв, прерывавшееся вскриком, когда удар прикладом приходился по спине, по затылку...

Сведомский закрыл глаза, стиснул веки, придержал дыхание... «Только бы меня не зацепили...» — взывал он к кому-то мысленно. И клял себя за попытку пробраться в номер, который занимал сам, чтобы взять свою одежду. Когда медленное шарканье, ругань и стоны стали затихать на лестнице, ведущей на верхний этаж, он, не отрываясь спиной от стены, боком двинулся в сторону номера, только что неосторожно им покинутого. Туда он вбежал и плотно притворил за собой двери в прихожей и в «гостиной».

— Пленных гонят... Ужас!.. — крикнул он. — Надо сейчас же уходить!

В номере было посветлее, и там уже суетились Павла Дмитриевна с дочкой Аней, собирая пожитки.

— Анютка, не надрывайся! Не поднимай, не надо тебе! Господи милостивый, царица небесная! — молила старуха.

— Скорее вы! Дайте помогу, — выкрикивал Сведомский. — Ведь совсем утро... Черт с ними, с вещами!

И тут, шлепая босыми ногами, в номер ввалился страшный на вид человек. На его широченной груди атлета лоскутьями висела изорванная сорочка «зефир», в полоску, кровоточила сизо-багровая ссадина на скуле, руки, заломленные назад, были связаны на запястьях; вплотную за ним, приноравливаясь к его тяжелому шагу, шел солдат с винтовкой.

Павла Дмитриевна опешила, вся обмякла и опустилась бессильно на свой узел.

— Что они с вами?! Господин Полупанов!.. Как же можно?.. — тихим голосом выговорила она.

Человек со скрученными руками покачивался, переступая с ноги на ногу.

— Развяжи! — трудно, со свистом дыша, потребовал он у конвоира.

— Развяжите его! Это же Полупанов! — истерически выкрикнул Сведомский.

— Нельзя.— Конвоир осклабился в улыбке; у него было ребячье славное лицо, светлые, едва пробившиеся усики. — Господин капитан не приказывали. Вы уж потерпите, господин артист, — посоветовал он связанному.

— Кому говоришь? Холуй! Раб! — набычившись, напрягши плечевые мышцы так, что они шарами вздулись под лохмотьями сорочки, сказал тот.

— Артист, а ругаетесь, — миролюбиво попрекнул конвоир. — Будете сидеть, как полагается, тихо — развяжут вас.

Он повесил винтовку "на ремень" и перед тем, как уйти, попрощался со всеми:

— Доброго здоровьица!

Человек, называвшийся Полупановым, исподлобья огляделся; бугристые плечи его шевелились будто сами по себе.

— Развяжи кто-нибудь, — попросил он.

Павла Дмитриевна очнулась, всплеснула руками:

— Как же допустимо с вами так! Грубый народ, ни совести, ни уважения.

— Я спал у себя,— угрюмо проговорил Полупанов,— а он мне, капитанишка этот: «Предъявите документы!..» Я ему: «Иди к..! Меня знает весь юг России». А он свое: «Ваш документ!» А я бешеный становлюсь, когда меня будят... Ну, не договорились.

Он криво, одной, не ушибленной стороной лица усмехнулся.

Сведомский сделал было шаг к нему и остановился, заколебавшись.

— Затянули крепко, сволочи! Режет — невтерпеж,— сказал Полупанов.

И Павла Дмитриевна, опершись о колени, трудно поднялась с узла.

— Не могу такую муку видеть, — как бы оправдываясь, сказала она. — Что со мной, со старухой, сделают?!

Но только она взялась за веревку на багровых, вспухших запястьях Полупанова, как закричала Аня:

— Мама! Вы хотите, чтобы и нас и меня... Вы слышали, что не приказано.

— Ужасно, ужасно... — упавшим голосом повторял Сведомский. — Но вас не имеют права, товарищ Полупанов!.. Вас обязательно должны освободить, снять веревку.

Павла Дмитриевна вдруг заплакала.

— Соседями были... я вам всегда кипяточек... — Слезы беззвучно скатывались по ее обвисшим щекам.— Не обижайтесь на нас, господин Полупанов! Люди на людей непохожие стали. А моя Анюта вот-вот разродится.

— Дикий произвол!— стыдясь и ужасаясь, выкрикнул Сведомский.

От толчка из коридора опять распахнулись двери, и конвоир впустил в номер еще одного арестованного. Этот, лет под семьдесят старик, с растрепанной, скошенной на сторону бородкой, в соломенной шляпе и в мягких, комнатных туфлях, в пальто с бархатным воротником, накинутом прямо на пижаму, тоже, как видно, был взят в постели.

— Анекдот! — в крайнем возбуждении и оттого, казалось, даже весело сказал он солдату. — Доложите своему командиру: а-некдот! Гомерический хохот на весь цивилизованный мир!

— Служба, отец! Должно, ты сам не служил. Нам что прикажут... Доброго здоровьица! — со своей славной улыбкой попрощался конвоир.

Озираясь на оставшихся, он вышел, и старик приподнял шляпу над лысой головой.

— С добрым утром, господа!

— Вы еще способны шутить, — пробормотал Сведомский, удрученный, с розовыми пятнами стыда на лице.

— Защищайтесь юмором, молодой человек. Рад познакомиться: Колпаков, Юрий Константинович, профессор Московского университета! Простите, что некоторым образом неглиже. Вчера только приехал, поближе к хлебу с маслом, и вот взят в узилище. С кем имею честь?..

Сведомский не ответил: он и плохо слушал.

— Бабушка Павла, надо уходить! — переминался он подле старухи. — Поздно будет... Да перестаньте вы возиться!

— Нет, вы только послушайте! — Профессор настойчиво обращался к Сведомскому. — Это достойно щедринской сатиры. Я предъявляю мандат, в котором черным по белому: командируется в археологическую экспедицию Академии наук...

— Бабка, дайте мне вашу корзину, — перебил его Сведомский, — дорогá каждая минута. Вы же видите, что тут творится.

— ...А на моем мандате... Вы послушайте,— не унимался профессор. — На мандате штамп: «Совет Народных Комиссаров». И меня тут же хватают, даже не дают одеться.

Но Сведомский уже подхватил бабкины узлы, понес их к дверям. И профессор обернулся в поисках другого слушателя, его взгляд остановился на Полупанове.

— Позвольте, человек связан? Что это значит?

— Развяжи, отец! Руки режет — спасу нет... — Полупанов все стоял на месте, покачиваясь с ноги на ногу, поджимая от боли пальцы.

— Представляю себе. Это черт знает что!— Старик оглянулся на всех находившихся в номере. — Человека истязают на наших глазах...

— Защищайтесь юмором, господин профессор! — откликнулся Сведомский, спеша от дверей за другими пожитками. — Бабка, Аня, вы, наверно, хотите остаться...

— Идем, идем, Бова Королевич! Кружку мою прихвати, на подоконнике стоит, от мужа память. Чайник оставь, пригодится тут людя́м,— сказала Павла Дмитриевна.

— О чем вы? Кружки, ложки, плошки!.. — Сведомский схватил оловянную кружку. — Смотрите, утро уже, а мы еще здесь.

В номере и правда было уже совсем светло; в щели меж портьерами проникли первые солнечные теплые лучи. Павла Дмитриевна обернулась к остающимся, к Полупанову, к московскому профессору, и низко поклонилась.

— Прощайте, люди хорошие! Дай вам бог до семей ваших вернуться. А нас не судите...

Нагруженные узлами, мешками, связками кухонной посуды, все трое, гремя кастрюлями, потащились к выходу; Сведомский, сгибаясь в одну сторону, волок большую корзину, в другой, отставленной руке зажал кружку.

А навстречу им вновь широко раскрылись двери, и появилось сразу несколько человек. Первым, засунув руки в карманы серой, обмятой тужурки, шел Снегирь — председатель ревкома, за Снегирем вошли Махов и Диомидов — ревкомовцы, потом еще двое: начальник финотдела Камушкин и красноармеец Коротеев. Тот же конвоир, полный живейшего интереса к происходившему, по-доброму улыбаясь и любопытствуя, пересчитал всех, тыча в каждого грязным пальцем с панцирным ногтем; слышались еще шаги — кто-то подходил по коридору.

— Господин капитан приказал вас сюда... По другим помещениям ровно гороха в стручках, сидят голова к голове. А тут ничего — просторно, — словно бы поздравил конвоир с удачей.

— Здравствуйте, товарищи! Вашего полку прибыло, — сказал ровным голосом Снегирь.

Было видно, что он вконец измучен: под глазами лежали сизые полукружия, губы запеклись, и он поминутно облизывал их.

— Располагайтесь, товарищи, в ногах правды нет, — с тем же спокойным, неизъяснимым выражением обратился он к своим спутникам.

— Поживем еще, братки, по-купецки, на мягких диванах, — сказал Махов; правая рука его была обмотана платком в красно-бурых, мокрых пятнах.

Сведомский попятился, не выпуская из рук корзины, и неотрывно, словно загипнотизированный, смотрел, как эти люди устраивались: кто на креслах, кто прямо на полу, на ковре,— они были сумрачны, подавленны, молчаливы, но, казалось, ничему не удивлялись, и это поражало его. Второй конвоир впустил впереди себя еще двоих арестованных — мужчину, продкомиссара Батюшкова, и девушку с красным крестом на рукаве армейской гимнастерки... Сведомский лишь скользнул по ней взглядом и не узнал, не понял, кто это, — так он был ошеломлен и так не ожидал увидеть здесь эту девушку.

Она сейчас же подошла к Снегирю и о чем-то заговорила. Второй конвоир остался за порогом в коридоре.

— Советую, товарищи, немного поспать, — сказал Снегирь. — Я должен хотя бы часок, валюсь с ног. А там будем решать. Это что же такое?

Не закончив, он решительно направился к Полупанову, словно и не жаловался только что на усталость.

— Кто вы? Почему вас так?.. А ну, повернитесь, — тоном приказа сказал он.

Полупанов часто задышал, повернулся спиной, подставляя свои руки, и Снегирь принялся развязывать веревку.

— Э-эй! — окликнул его первый конвоир. — Нельзя, господин товарищ! Не приказано.

Но Снегирь даже не покосился на солдата.

— Кто вы? — снова спросил он у Полупанова. — Крепко вас, однако... А, черт, не поддается! Да стойте вы спокойно, не дергайтесь!

— Втроем навалились, сволочи, — сквозь зубы, ощерившись, процедил Полупанов, — а я спал.

— Так ведь это Черная Маска, Волжский богатырь! — со смехом в своем гулком голосе сказал Махов. — В парке у нас выступал. Эх ты, чемпион греко-римской борьбы, как же ты позволил себя?!

— В постели меня — и штык к горлу. — Полупанов замычал от боли. — Печет... аж до кости...

— Сейчас, сейчас... Черт, пальцы сломать можно! — сказал Снегирь.

Конвоир, тупо наблюдавший минуту-другую за происходившим, очнулся и вскинул свое оружие «на изготовку».

— Отойдить! — не совсем уверенно проговорил он. — Господин капитан приказали, ежели что...

— Ну вот, наконец!..

Снегирь помахал веревкой, снятой с Полупанова, и протянул ее солдату.

— Передайте от меня своему господину капитану. Скажите, что Снегирь... — он ловко набросил веревку на штык, направленный в него — ...Снегирь посылает ему эту веревку.

— Чтобы он, иуда, повесился на первой осине, — продолжил Махов и оглушительно, хотя и невесело, захохотал; даже улыбки не появилось на его большом, толстом лице с ясными, голубыми глазами.

А Полупанов вытянул перед собой руки, исполосованные на запястьях, повернул тыльной стороной, рассматривая, потом свел багровые, набухшие кровью пальцы в булыжные кулаки.

— Ну, гляди... дерьмо белогвардейское! — сипло выговорил он.

Конвоир озирался — его с разных сторон обступали люди, и их сумрачные взгляды не сулили ничего хорошего. Выставив штык, на котором покачивалась веревка, он попятился к дверям.

— Митька! — криком позвал он напарника. — Товарищи бунтуют!

Но второго конвоира не оказалось уже на месте — может быть, улепетнул за подмогой. И первый — откуда проворство взялось? — выскочил в переднюю и дальше в коридор.

Тотчас же, выйдя из своего столбняка, Сведомский устремился к дверям; в одной руке — корзина, в другой — кружка. Женщины — Павла Дмитриевна и Аня — тоже взялись за свои узлы. Но створки дверей, выводивших в коридор, плотно уже сомкнулись, и звонко щелкнуло в замке.

Сведомский уперся грудью в белую плоскость, несколько секунд он оставался неподвижным в этой позе...

А к нему подбежала Поля — девчоночьего росточка, в гимнастерке, с красным крестом на рукаве, в черной сатиновой юбке до щиколоток, в стоптанных туфельках; полурассыпавшаяся коса была кое-как закручена на затылке. И даже эта бессонная, жестокая ночь не смыла румянца с ее литых щечек. А ее альтовый голос прозвучал удивительно чисто после всех криков, хриплых команд, брани, выстрелов, железного топота:

— Женя! Бедный мой! Женя!

И Сведомский в это первое мгновение даже не пошевелился — таким неожиданным и необъяснимым было ее появление.

— Какое счастье! — Поля порывалась его обнять, но ей мешала корзина.— Мы вместе!

— И ты... тебя тоже, — пробормотал он.

— Я сама не своя была, все думала, что с тобой. Я так боялась за тебя! Женечка мой! — восклицала она, точно никого, кроме них, здесь не было. — Но почему тебя взяли?

— Ужас, что-то кошмарное... Я ничего не понимаю, — со всей искренностью своего страха стал пенять ей Сведомский.

Он так привык обращаться к Поле со всеми заботами и бедами, что и сейчас готов был едва ли не упрекать ее. Ведь до сих пор она так хорошо умела все устраивать в его жизни.

— Подлая, черная измена! — своим чистым голосом воскликнула она. — Предательство, какого свет не знал!

Она выглядела такой же, как всегда,— ее свежесть, живость, энергия были непобедимы.

— Я уж подумал, что это конец. Это конец, да? — потребовал он ответа.

Она ответила, как отвечают ребенку:

— Для эсеров это, конечно, конец, они разоблачили себя. Ты понимаешь, на фронте прорвались белоказаки, а они ударили нам в спину, подняли мятеж. Эсеры полностью разоблачили себя как партия контрреволюции. Пойдем, Женечка, сядем, поставь корзину!

— Для эсеров конец, а пока что взяли вас... — сказал он. — Как вас взяли?

— Меня с комиссаром госпиталя вызвали в ревком. И нас всех захватили там врасплох — ворвались и наставили винтовки. Я даже ни разу не выстрелила, моего комиссара ранило, я только успела его перевязать... Пойдем, Женя, поставь куда-нибудь свою корзину! Что ты с ней носишься и с этой кружкой? А где ты был ночью?

— Здесь и был... Зашел вот к соседям чаю попить.

Сведомский оглянулся на Павлу Дмитриевну — женщины стояли с узлами в ожидании.

— Бабушка Павла! — крикнул он.— Я сейчас... я не знаю...— Его ударила мысль, что он сию минуту должен будет расстаться с Полей.

— Нас арестовал — ты только вникни! — наш же начальник гарнизона, Владиславлев,— горячилась Поля, переживая события этой ночи.— Сядем, Женечка, у меня ноги не стоят!.. Прикинулся честным военспецем... Ах, Женечка, как ужасно, что нельзя доверять людям!

— Да уж, нельзя никому...— выдавил из себя Сведомский, чувствуя какое-то жаркое удушье: он не знал, как ему сейчас быть. Бросить здесь Полю было бы, наверно, величайшим свинством... Но в его ушах еще раздавались прерывистые стоны и вскрики пленных красноармейцев, он слышал тупой стук окованных прикладов, которыми били в человеческие спины, в головы. И кто-то, казалось, упрямо втолковывал ему, что, оставшись здесь с Полей, он ничем ей не поможет, а только заставит ее страдать еще сильнее.

— Неужели никому нельзя верить? — изумляясь, спросила она.

— Никому,— в отчаянии повторил Сведомский.

В этот момент он решился было, несмотря ни на что, остаться с Полей, не уходить. И он тут же озлился на то, что все так ужасно для него получалось!

— Ты понимаешь, Поля, мне с этими женщинами — они жили тут в номере — сказали, офицер сказал, чтобы мы убирались,— высоким голосом, злясь и словно бы жалуясь, заговорил он.— Ты понимаешь? Но все равно я тебя никогда не оставлю,— ужаснулся он тому, на что решился.— Пусть будет что будет!.. Пусть! Давай сядем, почему мы стоим?..

Стараясь не смотреть больше на Павлу Дмитриевну и Аню, он прошел мимо них, поставил на пол корзину, на корзину — кружку. И Поля подвела его за руку к кушетке под «Святой Инесой».

— Какая девушка красивая! — восхитилась она.— А волосы как водопад! Что с ней хотят сделать?

Она села и потянула за собой Сведомского.

— Я сниму туфли, можно?

Сбросив одну запыленную туфельку, другую, она поджала под себя маленькие ноги в коричневых грубых чулках и облегченно вздохнула.

— Прямо блаженство... Садись же.

Сведомский присел на край кушетки, готовый вот-вот вскочить; чистым безумием представлялся уже ему этот самозабвенный его порыв — бесполезный для Поли и гибельный для него.

— Ваш Снегирь тоже попался,— сказал он,— ваш великий вождь.

С неприязнью — кто же, как не председатель ревкома, был повинен в случившемся? — Сведомский посмотрел на Снегиря... Тот устраивался в кресле — молодой, лет 22—23, круглолицый, кудрявый, с веснушками на носу,— ни дать ни взять деревенский парень, одетый в студенческую тужурку, под которой была черная косоворотка; он отвалился на спинку, вытянул ноги в заляпанных подсохшей грязью сапогах, смежил веки с пушистыми ресницами — приготовился поспать. И это намерение вконец возмутило Сведомского...

— Ты напрасно,— сказала Поля.— Его зовут Снегирем, а если бы ты знал, какой он! Он настоящий орел! И если б ты слышал, как он говорит! Железная логика, убедит кого хочешь.

— Что же он вашего военспеца не убедил?! — зло сказал Сведомский.

— Вчера только он вернулся из губернии. Они были там с Батюшковым, тоже замечательный большевик. Они хлеб гнали в Москву.

— А здесь все прошляпили. Ах, Поля! Что же теперь будет? Неужели же?..

Сведомскому хотелось теперь молить ее: «Помоги мне, Поля, отпусти меня сама...»

— Арестован почти весь ревком, это верно. Вот тот, что на ковре улегся, Махов,— зашептала она,— Махов из Чека, ужасно хладнокровный: пока нас вели, грубил конвоирам, смеялся. А тот, что на диване, товарищ Диомидов, он из ревтрибунала... Женечка, ты ужасно бледный!

С нежностью она наклонилась к нему.

— Дай я тебя поцелую. Поцелуй меня!

— Но здесь люди...— Сведомский отстранился.

— Пусть люди. Теперь уже можно, Женечка! — с ясной убежденностью сказала она.— Ведь мы, наверно, все умрем.

— Что ты говоришь?! — Сведомский привстал.— Почему мы все умрем?

— Нет, нет, я не о тебе! — забеспокоилась Поля.— Ты не должен умереть. А мы... а нас, коммунистов, эти бандиты не помилуют. Нас взяли с оружием в руках, Махов даже выстрелил, кого-то ранил.

Сведомский утратил всякую власть над собой.

— Знаешь, Поля, ты послушай, нам приказали!..

Она с упрямой категоричностью проговорила:

— Я б эсеров тоже не простила, никого!

Он усилил голос:

— Послушай же, Поля!

Она перебила его — в непостижимом упоении, а может быть, от незнания, от инстинктивного неверия в свою гибель.

— Я вообще давно решила, что моя жизнь будет короткая, как у большинства революционеров.— Она даже улыбнулась.— Я никогда не загадывала надолго, не строила планов,— самое большее на месяц, ну, на три месяца...

И Сведомский, как за помощью, обернулся к женщинам, все еще поджидавшим его у дверей.

— Софья Перовская тоже умерла молодой,— сказала Поля.

А от дверей к нему дошел тихий, просительный голос Павлы Дмитриевны:

— Идемте, господин тапер! Что же вы?

— Но ты — ты совсем другое,— с величайшей искренностью сказала Поля,— ты слишком большой талант. Ты обязательно должен жить. Ты гений, а мы все просто люди, все, кроме Снегиря... Женечка, любимый мой! Мы что-нибудь придумаем, ты не волнуйся. Мы обязательно что-нибудь придумаем.

Она кинула взгляд по сторонам и, близко нагнувшись, прошептала:

— Мы устроим тебе побег.

— Зачем, не надо...— начал было Сведомский.

— Нет, надо, надо...

— Ах, Поля!

Он рванулся к ней, обнял, она вытянула навстречу свои розовые, полноватые полуоткрывшиеся губы, и он коротко ее поцеловал.

— Поля, я хочу сказать... ничего не надо, никакого побега,— поспешно заговорил он.— Милая! Мы сами свободно можем уйти — я и эти две женщины... Я просто в отчаянии! Но нам приказали, чтоб и духу нашего...

— Тебя выпускают? Это правда? — Поля не смела поверить.

— Нас выгоняют. Нас еще вчера хотели...— Сведомский едва сдерживал охватившее его нетерпение.— И мы не можем больше ни минуты здесь.

Он вскочил с криком:

— Но как же будет с тобой?

Поля тоже вскочила. Стоя в одних чулках, она доставала только до подбородка Сведомского.

— Тебе позволили? Ты можешь уйти? — Она вся словно засветилась.— Это же чудо!

— Я просто в ужасе,— выкрикнул он,— я не могу без тебя... Дай я тебя еще поцелую.— Никогда еще он так сильно не любил ее.

Она встала на цыпочки, он чмокнул ее и опять оглянулся на женщин у дверей.

— Что же ты молчал? Это такое, такое счастье! — воскликнула она.

С усмешливым выражением прислушивался к ним Махов, приподнявшись на локте; Снегирь полулежал в кресле, бессильно бросив на подлокотники руки, но глаза его приоткрылись — он тоже слушал, не спал.

— И не думай, что должен остаться со мной...— увещевала Сведомского Поля,— ты... ты все-таки особенный — один на сто тысяч, на двести. И ты уходи. Сегодня же уходи из города.

— Но я не хочу уходить!

И Сведомский всхлипнул — он был до потрясения растроган. Никогда уже — мелькнула у него и эта мысль — не встретится ему такое... Покидая Полю, он словно бы обрекал себя на одиночество, отдавая, как выкуп за себя, ее любовь. И в то же время он никогда потом не стремился так от кого-либо уйти.

— Нам пригрозили... их офицер пригрозил, что если мы не уйдем...— Он не договорил, глотая слезы.

— Ну, вот видишь! Уходи же! — попросила она.

— Но я не хочу, не хочу, не хочу!..— плохо уже соображая, повторял он с закапанным слезами лицом.

— Ну будь умницей,— уговаривала его Поля.— А то эти убийцы вдруг передумают. Ты обязательно расскажешь нашим о нас — это страшно важно! Может быть, они еще смогут что-нибудь сделать... Наверно даже смогут — освободят нас.

Она прикусила губу, боясь, что тоже расплачется.

Уставшая ждать, Аня склонилась к уху матери:

— Пойдем сами, мама. Ты видишь, что у них. А я каждую минуту могу...

— Господин тапер! — робко окликнула Павла Дмитриевна.— Может, останетесь, раз такое дело. Мы уж сами, мы понимаем, господь с вами!

— Он идет, идет! — крикнула Поля и легонько оттолкнула Сведомского.— Не мучайся, скорее уходи! И ты обо всем расскажешь...

— Да, да, я расскажу, конечно! — с жаром пообещал он.— Обязательно расскажу, все! Немедленно!

Он ухватил за веревку корзину и подцепил пальцем кружку.

— Не терзай себя... Я так рада, так рада!

— Конечно, наши освободят вас. И мы увидимся, еще увидимся! — крикнул он.

Поля кусала губы, морщилась и улыбалась, улыбалась... А Сведомский вновь поволок корзину к выходу, и Павла Дмитриевна и Аня опять подняли свои узлы.

Перед сомкнутыми створками дверей Сведомский, собираясь с духом, постоял и негромко, согнутым пальцем вежливо стукнул. Это не произвело никакого эффекта — за дверями стояла тишина. Он постучал еще раз и еще — ничего не изменилось, и он попробовал открыть двери, они оказались запертыми. Пугаясь, Сведомский заколотил кружкой, все сильнее, с размаху. И лишь тогда щелкнуло в замке, створки разошлись, и в образовавшейся щели показался молодой солдат-конвоир.

Его было не узнать — видно, ему крепко досталось от командира. И уже ничто в его простоватом лице со щелочками сузившихся голубеньких глаз не говорило о миролюбии.

— Чего расшумелись? Ну...— хмуро спросил он.

Торопясь, Сведомский заговорил, как только мог, учтиво:

— Извините, пожалуйста! Нам сказали, чтобы мы утром освободили номер... Выпустите нас, пожалуйста!

— Кого выпустить? — спросил конвоир.

— Нас. Меня и этих гражданок. Нам приказали...

— Чего, чего? — Солдат сразу же рассвирепел.— А ну, назад! И бабы тоже назад!

— Позвольте, я все объясню.— Сведомский чрезвычайно спешил.— Господин подпоручик, который... он ночью был здесь — господин подпоручик Колоколов приказал нам освободить номер. Пожалуйста! Мы убедительно просим...

— Ловко придумали.— Солдат достал из кармана шинели спутанный клубок веревки и показал его.— Господин капитан велели передать, что у него на всех вас веревки хватит.

— Послушайте, одну минутку! Ради бога!..

Сведомского объял ужас, его голос утончился и срывался:

— Подпоручик Колоколов, молодой такой, высокий... под ним была убита лошадь Халиф. Подпоручик приказал, чтоб и духу нашего... Вы можете проверить. Господин солдат, пожалуйста! Да вы послушайте, мы вас не обманываем...

И он бессознательно шагнул вперед.

— Назад! — разъярившись, скомандовал солдат.— Стрелять буду!

— Ой, сыночек! — взмолилась Павла Дмитриевна.— Что ты такой сердитый?

— По местам! — Солдат стукнул затвором, досылая патрон.— И чтобы тихо!

Все, толкаясь, подались назад. Павла Дмитриевна встала впереди дочери, заслоняя ее. Сведомский прикрыл лицо кружкой.

А за их спинами раздался громкий смех сидевшего на ковре Махова.

— Вот и решилось все. Вот и не расстались птенчики,— смеясь, проговорил он.

Продолжение следует.

Третьяк готовится.

О. СПАССКИЙ
Фото А. БОЧИНИНА

ТРЕТЬЯК

Сколько можно играть без замены?

Сколько можно выезжать на одном вратаре?

Не загубят ли талант, не уйдет ли Третьяк из хоккея раньше срока?

О судьбе знаменитого вратаря спорят поклонники хоккея, говорят журналисты. Основания для беспокойства очевидны. Пять сезонов Владислав Третьяк — первый. Первый вратарь ЦСКА. Первый вратарь сборной. На роль второго, дублера, претендуют не многие. И без особого успеха. Пять сезонов во всех главных, и не только главных, матчах выступает Третьяк.

Нагрузки велики, и хотя знаменитому стражу ворот всего двадцать три года, уже трудно представить себе историю нашего хоккея без этого симпатичного молодого человека с мягкой, застенчивой улыбкой.

Третьяк играет с удовольствием и замены не просит. Так в чем же секрет его неисчерпаемости?

Ответы разные. Одни утверждают, что секрет молодого и вместе с тем маститого вратаря в том, что он прекрасно физически подготовлен и может запросто вальсировать с чугунными блинами по залу. Другие видят причину в нервной уравновешенности. Третьяк, пропустив шайбу, огорчается. Но неудачи его не гнетут. Он знает свою силу и потому тут же успокаивается. А третьи убеждены, что Третьяку помогает его скромность. Несмотря на то, что слава к нему пришла рано, он остался тем же скромным, увлеченным хоккеем парнем, для которого немыслимо пропустить тренировку, нарушить суровый режим.

Чемпионом мира Третьяк стал в марте семидесятого. Тогда партнеры называли его не Владиславом, а Владиком, ему не было и восемнадцати. Помню весенний Стокгольм. Помню первый матч Третьяка. Он дебютировал не в первый день турнира. Начало чемпионата оказалось трудным: финская команда уступила будущим чемпионам мира всего одну шайбу — 1:2, и Владислав, дублер многоопытного Виктора Коноваленко, на лед не выходил. Зато во втором матче, со сборной ГДР, который начинался непривычно рано, в 11 утра, Третьяк защищал ворота с первой минуты.

Только на тридцать шестой минуте матча, когда наши вели уже со счетом 5 : 0, Третьяк пропустил шайбу, но форварды команды ГДР как бы напомнили юному вратарю, что это не юношеский турнир (Третьяк к тому времени успел уже трижды сыграть на молодежных первенствах Европы).

Тогда, в Стокгольме, многие воспринимали решение тренеров сборной СССР Аркадия Ивановича Чернышева и Анатолия Владимировича Тарасова привезти на мировой чемпионат столь юного вратаря как слишком рискованный эксперимент. Но тренеры не рисковали ничем... Спустя два года Виктор Коноваленко передал свой свитер с цифрой «20» Владиславу Третьяку.

С той поры Третьяк — первый. Он олимпийский чемпион и пятикратный чемпион мира. А кто же он вне хоккейной площадки? Офицер Советской Армии, член ЦК комсомола, один из руководителей клуба «Золотая шайба».

Третьяка без маски узнают повсюду — на улице, в театре, в магазине. Но он равнодушен к славе, утверждает Анатолий Фирсов, стародавний партнер Владислава по клубу и сборной команде страны, а ныне один из трех его тренеров.

— И в игре, и на тренировке, и за пределами хоккейной площадки он ведет себя так, будто и не помнит вовсе о своих званиях и медалях,— говорит Анатолий Фирсов.— Он даже своим партнерам — защитникам никогда замечания не сделает. «Как можно: они же великие игроки!» — смущаясь, объясняет Владислав.

Как-то первого вратаря страны попросили дать несколько советов юным хоккеистам. Вот что он сказал. «Предела для совершенствования мастерства нет, и я советую чаще вспоминать о том, что вам пока еще не под силу, нежели о том, что вы уже освоили». В этих словах весь Третьяк. И на хоккейном поле, и в тренировочном зале, и дома он остается самим собой...

* * *

Этот фоторепортаж был задуман и сделан еще до отъезда хоккеистов ЦСКА в США и Канаду для встречи с лучшими профессиональными командами НХЛ. И, конечно же, за океаном, в воротах армейской команды мы увидели Владислава Третьяка. Он сразу покорил знатоков заморского хоккея. Какие только восторженные эпитеты не расточали ему журналисты! Может быть, ещё никогда не сваливалось на его голову столько похвал и никогда еще не приходилось ему так трудно. Только в матче с хоккеистами «Монреаль Канадиенс» Владислав отразил более трех десятков бросков невероятной силы и точности. Но и на этот раз Третьяку не понадобилась замена.

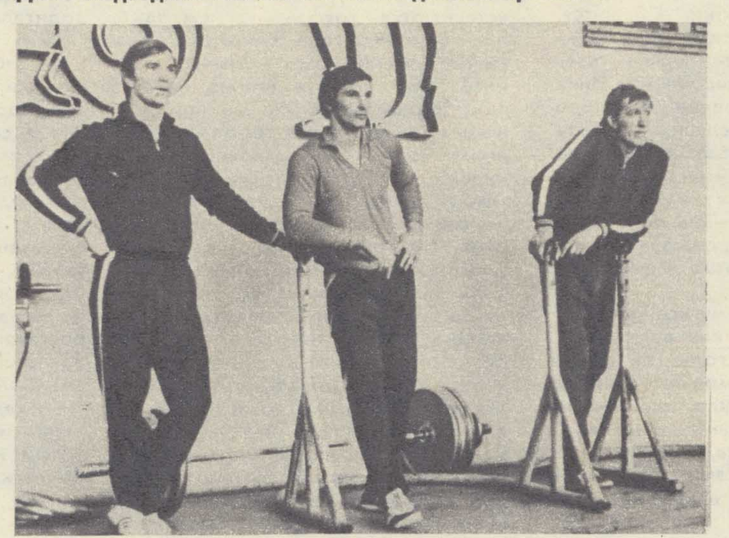
Вальс со штангой.

Растет еще один Третьяк.

Даже медведи-хоккеисты знают Владислава Третьяка.

Коллеги. Слева направо: В. Криволапов («Спартак»), В. Третьяк (ЦСКА) и В. Шеповалов (СКА).

И снова на льду.

БЕЗ МАСКИ

ОТЕЦ И ДОЧЬ

Жанна ОРЛОВА

В Ворошиловград я приехала читать цикл атеистических лекций и, как водится, поинтересовалась в областном отделении общества «Знание», какие религиозные направления имеются здесь. Мне назвали православных, баптистов и истинно-православных христиан (ИПХ): Поскольку последние в наше время встречаются довольно редко, я попросила рассказать о них подробнее.

— Есть такие и в самом Ворошиловграде,— подтвердил старейший атеист города Николай Иванович Абрамов.— Местная печать как-то сообщала о человеке, который впервые вышел на улицу, когда ему исполнилось тридцать пять лет. А до того почти всю жизнь он, представьте, провел... в яме, вырытой во дворе домика его матери-сектантки. Помнится, об этом в «Луганской правде» — так тогда называлась наша газета — рассказала очеркистка Инна Николаевна Тимофеева. А вскоре после этого мне случилось быть на тепловозостроительном заводе имени Октябрьской революции, и там я познакомился с рабочим Николаем Зубовым — очень симпатичным человеком, он-то и оказался тем самым отшельником из ямы.

В нашей жизни ему все казалось в диковинку, все его восхищало. Еще бы! Долгие годы он видел только сырые, мрачные стены своей берлоги, тускло освещенные чадным лучом каганца, а тут лампы дневного света, грандиозные цеха и, главное, сами люди — создатели известных всему миру тепловозов.

— А как потом сложилась жизнь Николая Зубова?

— Этого я не знаю. Давно уже не встречался с ним. Но если вы поедете на завод, вас, безусловно, с ним познакомят.

На следующий день как раз на этом заводе я читала лекцию «Психология современного верующего» и попыталась узнать о судьбе Николая Зубова. Но попытка эта не увенчалась успехом. Тут-то я вспомнила, что Николай Иванович Абрамов называл фамилию очеркистки, писавшей о Зубове, и решила разыскать ее. Это оказалось нетрудно. Инна Николаевна Тимофеева продолжала работать в той же газете — теперь она называется «Ворошиловградская правда». Она охотно встретилась со мной и подтвердила, что Абрамов не ошибается. Николай Зубов действительно работал на тепловозостроительном заводе с лета 1964 года, сначала в тепловозосборочном, а затем в контрольно-сдаточном цехе. Последний раз Инна Тимофеева видела его года четыре тому назад. К этому времени Николай освоил несколько специальностей, в частности, стал первоклассным плотником. Товарищи по работе отзывались о нем хорошо, хотя он ни с кем не сходился на короткую ногу, был сдержан. Женился на работнице того же завода, верующей. Ее родственники слыли активистами секты ИПХ.

— Где работает Зубов теперь, не знаю, но странно, что о нем забыли,— заключила Инна Николаевна,— ведь о том, как Николай загубил свою молодость, писала заводская многотиражка «Октябрьский гудок». Сейчас я позвоню к работникам завода, которые знают Зубова, и выясню, что с ним сталось.

Инна Николаевна звонила ветеранам завода. Полученные сведения уточняла и снова куда-то звонила. В конце концов она сообщила мне нечто такое, что отчасти объясняло поведение людей, поспешивших забыть Зубова. Тимофеева полагала, что некоторые, возможно, еще помнят Николая, но «стесняются» говорить о нем, так как в мае 1972 года Зубов уволился по собственному желанию и... исчез. Вот тут-то и пополз нелепый, страшный слух: не приняв жизни современного города, загадочно-молчаливый человек вернулся в яму. Слух, разумеется, никем и ничем не подтверждался, но его просто не хотели как следует проверить. Вдруг и впрямь окажется что-то не то? Тогда скандала не оберешься! Да и кому охота время тратить, выяснять, что сталось с работником, который больше на заводе не числится.

Мне захотелось встретиться если не с Зубовым, то хотя бы с кем-нибудь из его близких. И вечером того же дня я, получив старый адрес Николая, постучалась в свежевыкрашенную калитку частного домика на окраине города, в Каменнобродском районе.

Дверь открыла молоденькая, изящная блондинка с приветливым, открытым лицом. Ее изысканно модный домашний костюм и ультрасовременная манера держаться настолько не вязались со всем слышанным о Зубове, что я печально подумала: «Опять ошибка. Перепутали адрес».

Но оказалось, что я все же во дворе дома, принадлежащего тому самому Николаю Зубову, а гостеприимная блондинка, нынешняя хозяйка дома,— его дочь Маша.

На вид Маше лет двадцать. Если ее отец только в 1964 году впервые вышел к людям, непонятно, откуда у него, бывшего отшельника, взрослая дочь. Об этом я думала уже в комнате. У телевизора сидела одетая в черное и туго, несмотря на жару, повязанная темным платком старушка. Завидев нас, она встала, поклонилась и выскользнула из комнаты.

— Это бабушка, мамина мама, бывшая активистка секты,— объяснила Маша, уже знавшая, кто я.— Верить в бога бабушка, конечно, не перестала. Но уже не то. Куда там! Делает все, что я ей скажу. А прежде, вы даже себе не представляете, как она издевалась над мамой и надо мной — единственными близкими ей людьми. Бабушка заставляла нас перед каждой едой подолгу читать молитвы. Если я, устав, плакала, мне не давали есть, а мама не смела заступиться: она полностью зависела от бабушки и боялась ее, пожалуй, даже больше, чем я. По вечерам в нашем доме появлялись «братья» и «сестры» — сектанты. Вместе со всеми мама и я должны были стоять на коленях, участвуя в коллективных молениях. Мне тогда было шесть лет, маме — двадцать два года. Помню, я всей душой ненавидела этих злых людей и бога, которому они поклонялись, а мама была существом настолько забитым, что могла только плакать и шептать мне: «Молись...» Это моя-то мама, которая теперь носится на моторной лодке по реке Индигирке, обгоняя опытных водителей!

— А где тогда был папа?

— Этого я не знала. Я носила фамилию мамы — Свиридова. Так Свиридовой и в школу пошла. Когда я спрашивала, где мой отец, мама отвечала слезами, а бабушка отправляла молиться. Тогда я выдумала, что папа — летчик-испытатель и погиб при выполнении ответственного задания. Врать было трудно, ведь я даже не знала, как отца зовут, никогда не видела его фотографии. В школе над моими россказнями не смеялись: то ли поверили, то ли делали вид, что верят. Когда меня приняли в октябрята, бабушка в первый же день отобрала и выбросила приколотый к платью значок. Я очень боялась, что об этом узнают в школе, но там никто не спросил, почему я не ношу звездочку. Я училась хорошо, тайком от бабушки приносила в дом книги и читала их, спрятавшись в чулане. А когда подошло время вступать в пионеры, бабушка забрала меня из школы и увезла в деревню, к своей подруге, такой же религиозной фанатичке. По их понятиям, мне вообще больше не следовало учиться.

Я сбежала оттуда, пришла в школу и рассказала всю правду о своей жизни. Вот тогда-то за меня заступилась учительница, она строго предупредила бабушку и, представьте, сумела ее напугать. Я вступила в пионеры, стала звеньевой и наотрез отказалась читать молитвы. Бабушка больше не смела бить меня, не смела обносить за столом, но поглядывала с неприязнью и часто говорила: «отродье греха».

Всю свою злость она теперь срывала на маме, которая все чаще плакала, ходила с опухшими от слез глазами, но почему-то продолжала терпеть. Чувствовалось, что маму и бабушку связывает какая-то тайна, что-то такое, чего не знаю я, но знают многочисленные «братья» и «сестры», все еще продолжавшие, хотя и реже, посещать наш дом.

Я и прежде слышала, как они молились об отпущении грехов «великой грешнице», но только теперь вдруг поняла, что так называют мою бессловесную мать. Начав вникать в смысл их молитв и разговоров, я наконец узнала правду, которая меня ужаснула. Моим отцом оказался сектант-затворник Николай — сын вдовы Меланьи Зубовой, которая жила по соседству и часто бывала у нас.

О ее сыне люди знали только, что он окончил четыре класса начальной школы. Обучать его далее «дьявольским» наукам не пожелала мать, да и, «к счастью», помешала война. После войны Николай якобы ушел на заработки и больше к матери не вернулся. Но, оказывается, никуда он и не думал уходить. Члены секты уговорили 18-летнего юношу удалиться от мира, или, как они это называли, стать их «молитвенником» пред господом за грехи всех «братьев» и «сестер».

Под предлогом строительства новой уборной во дворе у Меланьи вырыли глубокую яму, а над ней поставили нечто, подобное уборной. Это сооружение на долгие годы стало обителью моего отца. Он должен был молиться и ждать, пока господь сподобит его благодати и даст возможность поведать единоверцам некое откровение.

Господь не спешил с благодатью, зато бедняга стал кашлять кровью, и сектанты разрешили ему иногда по вечерам вылезать из ямы и дышать свежим воздухом. За такой прогулкой его однажды застала какая-то посторонняя женщина, случайно заглянувшая во двор Меланьи. Сектанты переполошились и временно спрятали подвижника в доме нашей бабушки.

Вот тут-то с ним и познакомилась мама. Она очень жалела несчастного, тяжело больного паренька, постоянно занятого чтением священных книг, которые ему присылали руководители секты. Возможно, от жалости мама полюбила его и сама пожелала увидеться с ним наедине. Но их первое свидание было и последним.

Бабушка обо всем дозналась, и мама была ославлена перед сектой как совратительница святого. А папу немедленно водворили назад, в яму. Теперь уже благодати от него никто не ждал: слишком велик был грех. Но молиться, оставаясь затворником, он был обязан до конца своих дней. О Лиде (так звали мою маму) ему бы-

Франсиско Сурбаран. 1598—1664. ДЕТСТВО БОГОМАТЕРИ. Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Франсиско Гойя. 1746—1828. БОЙ БЫКОВ.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

ло запрещено спрашивать: папе даже не сказали, что у него родилась дочь.

Пока я не знала, кто мой отец, мне иногда мечталось, что он вдруг приедет за нами, заберет меня и маму из этого ада. А теперь стало ясно, что помощи ждать не от кого. Теперь каждый вечер я подолгу лежала без сна, забиралась с головой под одеяло и представляла... отца в яме. Мрак и тишина. Холодно и тесно. Лежать можно, только свернувшись калачиком. Что ему снится? Может быть, моя мама? Или просто залитая солнцем дорога, по которой можно идти, можно бежать, разминая окоченевшие, отекшие от вечной неподвижности ноги?

Мои попытки представить отца походили на кошмар. Постоянно мучила мысль, что он здесь, рядом, в ста шагах от меня, больной, одичавший, потерявший счет безликим годам.

В конце концов я решилась поговорить о нем с мамой. Впервые она тогда поняла, что может в чем-то на меня опереться, мы решили тайком проникнуть во двор к Меланье и постараться убедить отца в бессмысленности его заточения.

Так и сделали. Это было опасно. Но отчаяние придавало нам силы. К счастью, нас никто не заметил, и я увидела очень бледного, оборванного и все-таки совсем нестрашного человека, дремавшего сидя, привалившись к сырой, грязной стене дровяного сарайчика, куда он был временно переведен в связи с ремонтом прохудившейся «уборной».

Маму отец тотчас же узнал, а догадавшись, кто я, заплакал. Я тоже плакала и не знала, что ему сказать, хотя дома заранее подготовила речь, которая, как мне тогда казалось, должна была превратить любого отшельника в атеиста.

Оставаться с папой мы могли всего несколько минут, так как Меланья должна была вот-вот вернуться. Прощаясь, я обняла отца и сказала: «Нам очень плохо без тебя». А он ничего не ответил, только лицо его дрогнуло и глаза стали растерянными.

Твердое решение начать новую жизнь созрело у отца лишь после нашего ухода. Не привыкший таиться от единоверцев, он откровенно объяснил им, что больше не может молиться и должен покинуть яму. Но пастыри, до этого утверждавшие, что отшельничество угодно богу лишь как акт добровольный, категорически воспротивились осуществлению столь греховных помыслов.

— Это дьявол глаголет твоими устами,— строго заявили они. У отца отобрали остатки его ветхой одежды, и голого, чтобы не убежал, заперли в доме.

Но его уже ничто не могло удержать. Когда все заснули, он выломал ставни своей темницы и, завернувшись в первое попавшееся тряпье, побрел по городу, казавшемуся незнакомым. Он шел, не зная, где искать милицию, и не осмеливаясь спросить об этом редких прохожих. В конце концов он набрел на здание, где находилась милиция, и, удивляясь собственной смелости, открыл тяжелую дверь. Предстояло нелегкое объяснение: ведь он давно уже перестал считаться жителем Ворошиловграда.

Из милиции отец пришел к нам. Вскоре, получив необходимые документы, он смог жениться на маме и поступил работать на тепловозостроительный завод. Впервые он познал радость коллективного труда, впервые почувствовал себя нужным и на заводе и дома.

Я очень быстро подружилась с отцом. Мы вместе читали книги, вместе ходили в кино. Со своим религиозным прошлым он бесповоротно порвал. Отец выгнал из дома сектантов, осмелившихся прийти проведать «заблудшего брата», и даже сумел немножко перевоспитать бабушку. А может быть, это сделал за него телевизор, который отец купил на первую же зарплату.

— Сатану в дом пустили,— сказала бабушка, увидав нашу покупку, и демонстративно отказалась смотреть спектакль. Но постепенно телепередачи так понравились старухе, что из-за них она стала пропускать вечерние собрания сектантов.

Проведав о причине «прогулов», единоверцы стали ее срамить и добились результата довольно неожиданного: самолюбивая бабушка перестала посещать их сходки. Сейчас не ходит ни к ним, ни в церковь, молится только сама по себе, перед маленькой иконкой, а со мной ни о чем не спорит, можно сказать, слушается, потому что, уезжая, папа с мамой оставили здесь хозяйкой меня. Я тогда как раз поступила в Ворошиловградский техникум советской торговли, а сейчас уже окончила и работаю старшим продавцом в магазине «Турист». Профгрупоргом меня выбрали. В комсомол еще в школе вступила.

— А куда же уехали ваши родители?

— В Якутию. Там, на реке Индигирке, строится город. Строительство начиналось с небольшого поселка. Папа и мама — она стала там маляром-штукатуром — уже построили десятки новых красивых домов.

Маша показывает мне пачку писем и фотографий. Вот ее мать, веселая, счастливая, управляет моторной лодкой. А вот и отец, такой же веселый и счастливый, стоит на самой верхушке гигантской строительной вышки. Трудно поверить, что эти смелые, энергичные люди могли столько лет дрожать от страха, склоняясь в бесплодных молитвах.

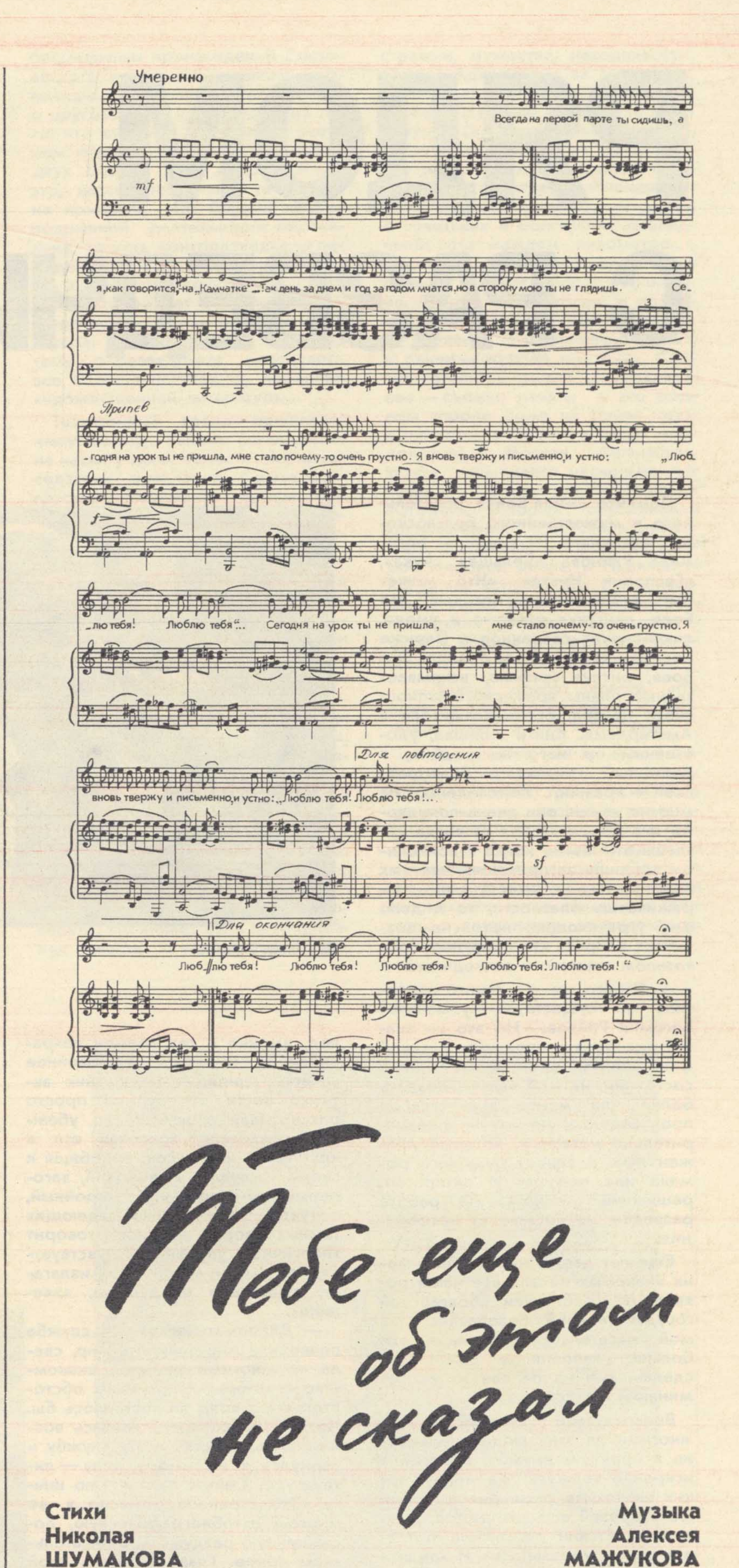
— Что же все-таки послужило причиной их переезда в Якутию?

— Особых причин не было. Просто оба они понимали, что лучшие годы своей жизни загубили зря. Им хотелось как-то наверстать упущенное — жить и работать интенсивнее, что ли.

На тепловозостроительном заводе папа получил специальность плотника. В цехе его хвалили за хорошее выполнение заказов, но ему всегда казалось, что он мог бы работать больше и, главное, там, где его труд особенно нужен. Так же думала и мама. Вот и подались они в Якутию.

Там папа получил уже две награды: сначала стал «Отличником социалистического соревнования», затем «Победителем социалистического соревнования». Вы не представляете,— улыбается Маша, показывая мне значки и дипломы,— как папа теперь счастлив, а главное, как счастлива и горда за него мама.

Прощаясь с Машей, я тоже испытывала огромную радость за эту семью, вырвавшуюся из мрака, обращенную к прекрасному, светлому будущему.

Тебе еще об этом не сказал

Стихи Николая ШУМАКОВА

Музыка Алексея МАЖУКОВА

Всегда на первой парте
ты сидишь,
А я, как говорится,—
на «камчатке»...
Так день за днем и год
за годом мчатся,
Но в сторону мою ты не глядишь.

Припев:

Сегодня на урок ты не пришла,
Мне стало почему-то очень
грустно.
Я вновь твержу и письменно
и устно:
«Люблю тебя! Люблю тебя!..»

Но этих слов тебе я не сказал,
Не знаю я, скажу ли их когда-то!
Боюсь, что догадаются ребята
Об этой тайне по моим глазам...

Припев.

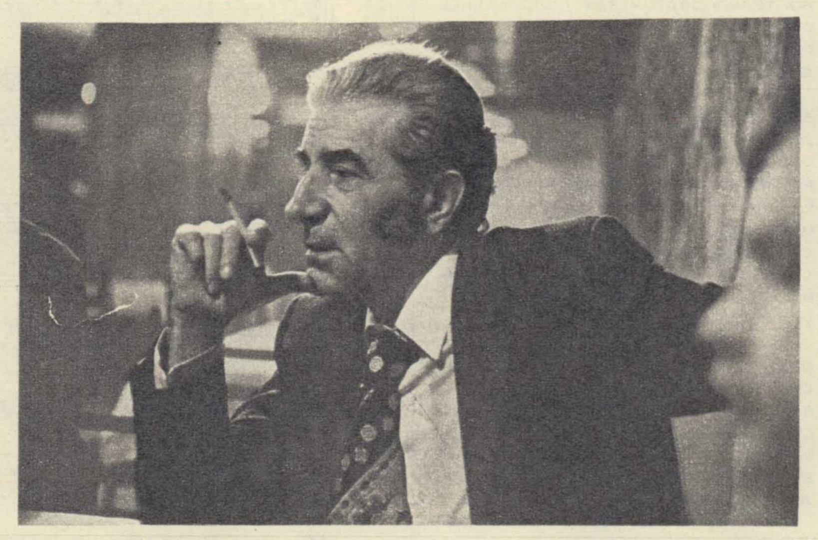
Еще зима вокруг белым-бела.
Еще экзамен сдать последний
нужно.
Веселым притворяюсь я искусно,
Но бьет капель во все колокола...

Припев.

РЯДОМ С РАЗВЕДЧИКОМ

Юрий КОРНИЛОВ

Помните Эмиля Боева, обаятельного и мужественного болгарского разведчика из романов Богомила Райнова «Большая скука», «Господин Никто», «Что может быть лучше плохой погоды»? Это Боев, действуя отважно и умело, ликвидирует созданное в Париже опасное эмигрантское гнездо. Это Боев, рискуя жизнью, вскрывает тайные планы вражеского шпионского центра, обосновавшегося в Амстердаме. Книги Райнова, удостоенные у него на родине, в Болгарии, высшей — Димитровской — премии, переведены на многие языки, они очень популярны и в нашей стране. И когда читаешь эти книги, когда с волнением следишь за приключениями их главного героя, вместе с ним переживаешь опасности, то и дело ему угрожающие, невольно возникает вопрос: кто послужил прототипом отважного разведчика?

Богомил Райнов. Фото В. Чейшвили.

— Строго говоря, такого прототипа не существует,— улыбается Богомил Райнов.— Но это не значит, что Боев — плод писательской фантазии. Ни один писатель не в состоянии, на мой взгляд, создать более или менее значительное произведение, не изучив предварительно материал, который должен лечь в основу будущего романа или повести. И литератор, решивший рассказать о работе разведки, не составляет исключения.

Еще лет десять назад среди моих знакомых начали все чаще появляться работники болгарской государственной безопасности, а мой писательский блокнот все больше заполнялся заметками, сделанными на основе их воспоминаний и рассказов.

Впоследствии знакомство со многими из этих людей переросло в прочную дружбу, которой я искренне горжусь. Да и круг таких знакомств расширился: среди моих друзей есть, например, бывший советский разведчик, болгарин по национальности. И каждый добавляет что-то свое к образу Боева...

Мы беседуем с Богомилом Райновым в его софийской квартире. Африканские маски на стенах, экзотические статуэтки на стеллажах напоминают о том, что владелец квартиры немало попутешествовал на своем веку. Райнов, активный участник антифашистского подполья, член Болгарской коммунистической партии с почти 30-летним стажем, длительное время находился на ответственной работе в министерстве иностранных дел. В его дипломатическом паспорте визы многих стран. Наверное, именно с тех времен сохранилось у писателя непременное качество дипломата — умение активно вести беседу, не просто рассказывая о чем-то, но убеждая слушателя, вовлекая его в круг своих интересов, приобщая к своим взглядам. Невысокий, загорелый, по-спортивному стройный, с густой шапкой уже седеющих темных волос, Райнов говорит энергично, уверенно — чувствуется, что мысли, которые он излагает, тщательно продуманы, взвешены.

— Дипломатическая служба позволила мне повидать мир, свела со многими людьми, знакомство с которыми при иных обстоятельствах вряд ли состоялось бы. Но как только представилась возможность, я оставил эту службу и вернулся к любимому делу — литературе. Сейчас заканчиваю книгу «Это странное ремесло...», во многом автобиографическую, посвященную раздумьям о писательском труде. Главная мысль этой книги вот в чем: писатель — единственная профессия на земле, которая предполагает глубокое, я бы сказал, научное исследование сокровенных тайников человеческой души...

Он помолчал, задумавшись о чем-то.

— Можно, конечно, возразить: дескать, человека изучают и представители других профессий, например, педагоги, психологи, следователи, наконец. Верно. Но во всех этих случаях речь идет об изучении, так сказать, со стороны, с позиций пусть и пристрастного, но все же стороннего наблюдателя. Писатель же не только не отделяет себя от своего героя, но, напротив, стремится как бы слиться с ним, чтобы ощутить, почувствовать внутреннюю логику его поведения. Часто бывает так, что литературный герой, созданный фантазией писателя, приобретает собственный характер и начинает вести жизнь, во многом независимую от его создателя. Так произошло и с Боевым: пока я лепил этот образ, наделяя его определенными чертами, склонностями, он был в моих руках. А потом наступил момент, когда я неожиданно почувствовал, что Боев мне больше не подчиняется: его характер сформировался, и стало очевидным, что в таких-то обстоятельствах он должен поступить именно так, а не иначе.

Он вновь помолчал.

— Профессия разведчика схожа с профессией пилота, летающего на сверхзвуковых самолетах: перегрузки, преждевременный износ... Известно: к людям таких профессий требования предъявляются особые. Если это учесть, должен сказать, что мне, например, отнюдь не все нравится в Боеве. Я, скажем, ценю иронию, но в меру, а у него она подчас граничит с нарочитостью, с бравадой. А женщины? Боев прямо-таки принципиальный противник жестких табу по этому вопросу, а подобную черту, да еще у разведчика, достоинством не назовешь. Но что делать: таков уж он, Боев! Можно, конечно, «не заметить» этих особенностей его характера, исключить их из повести. Но вместе с ними исчезнет и сам Боев. Останется персонаж-схема, может быть, сработанная с известным профессиональным умением, но все же схема, которая вдумчивого читателя не только не тронет, но скорее всего будет воспринята им как пустое, «вагонное чтиво»... А мне дорог живой Боев, со всеми его достоинствами и недостатками. У него, этого Боева, не все ладится: личная жизнь сложилась в общем-то неудачно, он лишен семейного уюта. Но по-своему он счастлив. Счастлив прежде всего своей работой, которая — он отчетливо понимает это — имеет важное значение для родины.

Писатель снял с полки несколько книжек в ярких обложках.

— Там, на Западе, подавляющее большинство творцов так называемой «черной литературы» ставят во главу угла оголтелый антикоммунизм. Вспомним хотя бы Яна Флеминга, миллионера, бывшего заместителя директора службы разведки при штабе британских военно-морских сил, который после войны, обосновавшись в собственном имении на Ямайке, решил взяться за сочинение шпионских романов и быстро приобрел широкую известность своими произведениями о пресловутом Джеймсе Бонде, «агенте 007». Создатель «агента 007» охвачен прямо-таки маниакальной ненавистью к коммунизму и в своих творениях, таких, как «Поцелуи из Парижа» или «Риск», договаривается до глупостей, граничащих с кретинизмом: «советские агенты» у него прячутся близ Парижа в специально вырытом убежище и передают банде английских гангстеров наркотики, дабы... «разложить капиталистическое общество изнутри»! И самое удивительное, что еще сравнительно недавно весь этот бред расценивался западной прессой как едва ли не вершина писательского мастерства. Наступившая в последние годы разрядка заставила западного обывателя более трезво взглянуть на своего вчерашнего кумира — «агента 007». А тут еще актер Шон Коннери, исполнявший роль Бонда в кино и получавший за каждый фильм фантастический гонорар в два с половиной миллиона долларов, вдруг откровенно объявил, что наотрез отказывается от дальнейших съемок, так как уже сорвал достаточный куш... В общем, «королю шпионов» скоро конец: слишком уж очевидно, что это голый король...

А вот другой пример западной шпионской эрзац-литературы — роман Жозефа Брюса «Берегитесь болгар», изданный не так давно во Франции. Герой романа, «суперагент ОСС-117» по имени Юбер, получает задание проникнуть в Болгарию под видом торговца-филателиста и восстановить там разгромленное шпионское гнездо. Задумано — сделано. Неотразимый Юбер оказывается в Софии, живет на нелегальных квартирах, то и дело пускает в ход увесистые кулаки, стреляет в милиционеров и «московских агентов», лично убеждается в том, что шпионская сеть восстановлена, и в конце концов, преследуемый по пятам, успевает пересечь всю страну от Софии до Дуная и исчезнуть за границей, унося в объятиях — в силу неизменного штампа — красавицу болгарского происхождения. И вот этот-то пасквиль, в котором принимается за аксиому, что наемные убийцы вправе свободно распоряжаться

всюду, в том числе и в независимой социалистической стране, с полной серьезностью пропагандируется на Западе в качестве литературы!

Но в целом «шпионский роман» стал ныне на Западе важной составной частью той идеологической войны, которую реакционные империалистические круги ведут против мира социализма. Подобно мутному водопаду, безостановочно низвергается на читателя поток низкопробных, «шпионских» произведений, пропагандирующих ужасы, убийства, садизм, и этот массовый культ грубой силы, приправленный антикоммунистическими небылицами и сопровождаемый бешеной рекламой, несомненно, оказывает влияние на определенные слои западного общества, на молодежь. Вот почему важно противопоставить созданному на Западе образу шпиона-гангстера, шпиона-сверхчеловека образ разведчика социалистической страны, который не уступает своему противнику ни в смелости, ни в изобретательности, но в отличие от него верит в высокие идеалы родины, свободы, предан идее, во имя которой готов пожертвовать всем, даже жизнью. Вот почему подлинно художественные, правдивые произведения о разведчиках, созданные в социалистических странах,— будь то первоклассный советский фильм «Мертвый сезон», отличная телевизионная повесть «Семнадцать мгновений весны», новелла или роман — следует рассматривать как важное и действенное оружие в той психологической войне, которую ведет против нас наш классовый противник.

Райнов продолжает говорить, а я слушаю его энергичную речь и думаю о том, как неразрывно связано творчество писателя с его биографией. Жизнь этого 56-летнего человека вместила в себя многое: и юношескую увлеченность строжайше запрещенным в старой Болгарии «большевистским агитатором»— Маяковским, и жаркие дискуссии в нелегальных марксистских кружках, и активное сотрудничество в подпольной антифашистской печати, и исполненную смертельной опасности работу связного в одной из партийных организаций Софии... Еще в довоенный 1938 год юный поэт Райнов писал, обращаясь к родине:

Я хочу, чтоб была ты веселой,
здоровой и доброй,
Чтобы радость была у крестьян,
и сукно, и овчины,
Чтоб не гнули рабочие на хозяев
безжалостных спины,
Чтоб фашистские псы на тебя
в подворотнях не лаяли,
Чтоб деревья цвели и чтоб зрела
богатая жатва,
Чтобы сгинули все похитители
жизни, и хлеба, и пота,
Чтобы светлую веру людей
не расстреливали из пулемета,
Чтоб кровавые струи не несла
на закате Марица...

Разве не закономерно, что именно этот юный поэт, чей труд и талант с годами вывели его в число самых популярных писателей своей страны, подает литературной молодежи пример того, как надо оружием литератора бороться за торжество нового строя?

— Иной раз приходится слышать, будто книги о разведчиках, как и детективы,— это как бы литература «второго сорта»,— говорит Райнов.— Нет ничего ошибочнее подобного взгляда! Не буду ссылаться на классиков, напоминать о том, что, скажем, в основе бессмертных произведений Достоевского лежит, как правило, уголовно-детективный сюжет. Скажу о другом: если мы исходим из того, что судьбы планеты в конечном счете определяются борьбой двух систем, двух идеологий — а это, несомненно, так,— то нельзя не признать, что борьба против подрывной деятельности противника, то есть контрразведка,— передний край этой борьбы. Конечно, книга о разведчике, как и всякая книга, может быть и второго и третьего сорта — это зависит от автора. Но тем важнее, чтобы на тему о разведчиках появлялось все больше настоящей, подлинно художественной литературы...

Телефонный звонок прерывает нашу беседу. Райнов взглядывает на часы: у него, заместителя председателя правления Союза болгарских писателей, профессора Софийской художественной академии, где он читает курс эстетики, много дел.

Перед тем как проститься, я вновь возвращаюсь к началу нашей беседы: среди людей, которые в какой-то мере послужили прототипом Боева, писатель упомянул советского разведчика...

— О, это удивительный человек,— оживляется Райнов.—Его зовут Борис Маноилович Афанасьев, он еще в 1922 году нелегально выехал в СССР, спасаясь от преследований болгарской жандармерии. В Москве получил высшее образование, стал преподавателем истории. В конце тридцатых годов был направлен в разведку. Работал в Вене, Париже. Повесть об этой его работе еще не написана, но, поверьте, это может быть великолепная повесть о человеческом бесстрашии, мужестве, находчивости. Сейчас Афанасьеву за семьдесят, он постоянно живет в Москве, работает в журнале «Советская литература» (на иностранных языках), часто бывает в Софии. Несколько лет назад миллионы болгар с увлечением смотрели тринадцатисерийный приключенческий фильм о советских и болгарских разведчиках «На каждом километре...». Прототипом главного героя этого фильма является Борис Афанасьев. О нем, о его жизни и подвигах в августе 1975 года рассказала и газета «Работническо дело», а ранее — журнал «Антени». Сейчас готовится фильм об Афанасьеве — съемки начаты в его родном городе Ломе на Дунае, продолжаются в Софии и будут продолжены в Москве. Афанасьев, кстати, упоминался несколько лет назад и в советском журнале «Огонек», который опубликовал воспоминания советского дипломата, находившегося в начале второй мировой войны в Париже. И когда мы встречаемся с Афанасьевым, когда он диктует свои воспоминания на этот вот магнитофон, я, слушая его, думаю о большом новом романе о Боеве...

— Значит, можно сказать, что один из тех, кто послужил прототипом Боева, живет в Москве?

— Разумеется, так же, как в Софии, в Берлине, Праге. Еще Ромен Роллан, кажется, говорил: «Самое замечательное творение революции — это люди, которых она создает». А Боев — лишь один из миллионов таких людей. Один из тех, кто, на каком бы фронте он ни оказался, готов отдать все свои силы и саму жизнь за родину, за социализм...

И ОТДЫХ И ПРАЗДНИК

Зимние каникулы школьников — это и отдых и праздник. С Дедом Морозом, со Снегурочкой, с хороводами и подарками. Дедов Морозов в новогодье появляется на земле многие тысячи! Один из них вот этот — зовут его Юрий Гомозов. Он уже много лет подряд радует ребятишек во Дворце культуры автозавода имени Лихачева, а помогает ему, конечно же, Снегурочка, в этом году — Лида Боровикова. Стаж у нее, правда, поменьше, но на то Мороз и дед!

Ю. МИХАЙЛОВ,
фото И. Тункеля

ДЖЕЙМС ХОФФА И ДРУГИЕ

В. НИКОЛАЕВ

Не так давно в американской прессе появились сообщения о том, что бесследно исчез Джеймс Хоффа. Если бы такое известие появилось лет десять назад, то стало бы сенсацией номер один. На сей раз оно особого переполоха не вызвало. Журналисты выразили мнение, что это дело рук гангстеров из «Коза Ностры», и на том успокоились. Итак, бесследно, как камень в воду, канула в вечность одна из самых скандально известных фигур в современной американской жизни.

Четверть века Джеймс Хоффа был главой профсоюза водителей грузовых машин и складских рабочих, одного из самых мощных американских профобъединений. Объем грузовых перевозок на автомашинах в США превышает оборот на железных дорогах, от бесперебойной деятельности огромных грузовиков зависит вся деловая жизнь страны — от легкой до тяжелой индустрии, от школьных буфетов до универмагов. Водители этих машин принадлежат к категории высокооплачиваемых работников, и поэтому их профсоюз, насчитывающий более двух миллионов членов, является весьма солидной организацией.

Как и другие крупные профсоюзные боссы в США, Хоффа распоряжался в своем объединении как полновластный диктатор и жил на широкую ногу. Достаточно сказать, что его официальная годовая зарплата равнялась 125 тысячам долларов. Он имел три роскошных резиденции — в Калифорнии, во Флориде и в Вашингтоне. В его распоряжении постоянно находился реактивный самолет, обошедшийся профсоюзу в три с половиной миллиона долларов. Наконец, как и другие профлидеры такого же масштаба, Хоффа был своим человеком в высших политических сферах Вашингтона. Но самое-самое главное заключалось в том, что он безраздельно распоряжался финансами объединения, то есть сотнями миллионов долларов! Это обстоятельство было источником могущества Хоффы в США, и оно же послужило причиной его краха.

Хоффа много лет подряд наслаждался неограниченной властью в своей профсоюзной вотчине. Его холеная, самоуверенная физиономия не сходила со страниц американской прессы. Единственное, пожалуй, что немного омрачало славное существование Хоффы, так это слухи о его кровной связи с гангстерскими боссами «Коза Ностры». Говорили, что верхушка профсоюза наполовину состоит из функционеров этой всеамериканской преступной корпорации. Говорили, что Хоффа в качестве президента своего профобъединения постоянно должен был служить не только его членам, но и «Коза Ностре». Почему так? Да потому, что именно гангстеры помогли ему захватить этот высокий профсоюзный пост.

Все эти слухи ни для кого в США не составляли секрета, но годы шли, а закон был бессилен перед Хоффой. Он постоянно находился под судом и следствием по многочисленным обвинениям, но его адвокаты, лучшие в США, ловко выгораживали Хоффу. Пятнадцать лет потребовалось сенатской комиссии, расследующей коррупцию в профсоюзах, для того, чтобы частично разоблачить тесные «творческие» связи Хоффы с организованной преступностью. Еще больше времени потребовалось блюстителям порядка, чтобы однажды доказать наконец конкретные обвинения, выдвинутые уже, наверное, в сотый раз против профбосса.

Наглость и безнаказанность Хоффы давно стали притчей во языцех. Когда Джон Кеннеди начал борьбу за Белый дом, он в числе прочих обещаний избирателям заверил их, что при нем (если он станет президентом) такие, как Хоффа, попадут за решетку. Но даже энергичному Джону Кеннеди не удалось сделать этого. Только после его смерти Хоффу все же запрятали в тюрьму. Для этого потребовались колоссальные усилия. Хоффу поймали на взятках, которые он давал присяжным заседателям по очередному процессу против него, и на преступных манипуляциях с профсоюзными деньгами. Поймали профбосса за руку только тогда, когда властям в этом помог один из его ближайших сподвижников.

Итак, Джеймс Хоффа был осужден. Но в профобъединении от этого ничего не изменилось. Его преемник, Фицсиммонс, оказался таким же ставленником гангстеров, каким был сам Хоффа. Теперь, очевидно, понадобится еще четверть века, чтобы разоблачить и этого президента в сотрудничестве с «Коза Ностро́й». Один из вице-президентов профобъединения как-то доверительно сказал корреспонденту американского журнала «Ридерс дайджест»: «Без поддержки гангстеров Фицсиммонс не смог бы оставаться на посту президента ни одной минуты».

Хоффа, приговоренный к тринадцати годам тюрьмы, не отсидел и пяти лет (кстати, находясь в заключении, он получал свою колоссальную зарплату). Его досрочно освободили «за хорошее поведение». Выйдя на волю, он оказался не у дел и начал было пописывать брошюрки о том, как надо реорганизовать американские тюрьмы. Он не раз намекал о своем желании вернуться на пост профсоюзного президента, но гангстеры, как видно, неплохо поладили с его преемником, и было похоже, что в Хоффе больше не нуждались. Постаревший и отвергнутый профбосс стал раздражительным, брюзжал по поводу несправедливости и человеческой неблагодарности. И вот неожиданный финал: Хоффа исчез. Уж очень многое было ему известно! Кого-то это обстоятельство явно не устраивало...

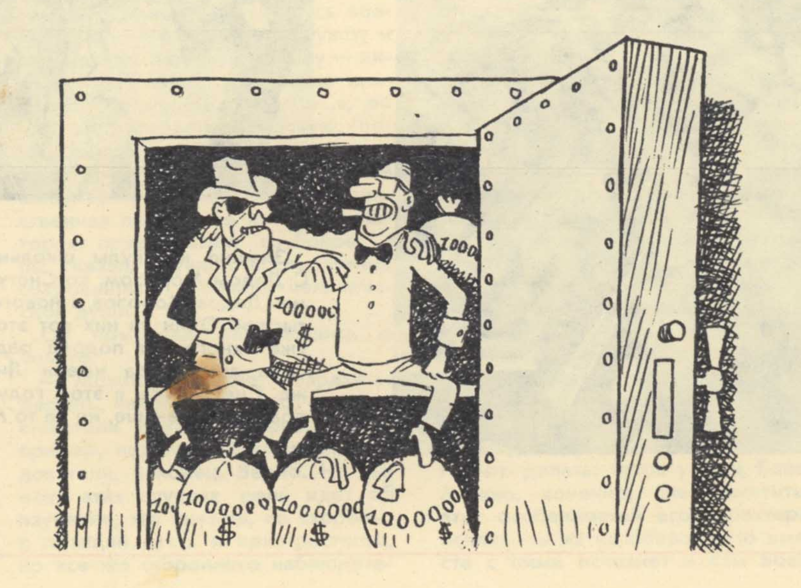
Исчез Хоффа на обычный гангстерский манер: мгновенно и бесследно. Вышел днем из дома, сказав, что отправляется на деловое свидание в ресторан «Красная лисица», в пригороде Детройта. Двое его знакомых потом, на следствии, действительно подтвердили, что видели Хоффу, который явно кого-то ждал у входа в ресторан. Они даже раскланялись с отставным профбоссом.

С тех пор ни одна живая душа не поведала ничего о судьбе Джеймса Хоффы. В ходе следствия всплыли на поверхность известные имена руководителей «Коза Ностры», но им удалось отвертеться от этого дела. Не найдя конкретных виновников, власти все же пришли к определенному выводу: Хоффа был убит. Труп его был перевезен из Детройта за сотни миль в Нью-Джерси и зарыт на бывшей свалке, владелец которой тесно связан с гангстерским миром. Американская печать сообщает, что решение «убрать» Хоффу было принято высшим гангстерским руководством. Эти открытия последовали в канун 1976 года.

Итак, вполне закономерный финал профсоюзно-гангстерской карьеры — безымянная могила на свалке. В мире организованной преступности США конкурентная борьба и распри часто заканчиваются именно таким образом.

Но Джеймс Хоффа был не совсем обычным гангстером. Его в этом смысле неплохо в свое время охарактеризовала уже упоминавшаяся выше сенатская комиссия: «Хоффа возглавляет империю аферистов, члены которой не брезгают никакими грязными делами и действуют по принципу „Зачем аферисту голодать, если он может стать функционером профсоюза"».

История Хоффы очень типична для современной Америки, где часто уже трудно провести грань между легальным бизнесом (в случае с Хоффой — профсоюзным бизнесом) и гангстерским. Руководители уголовного подполья, уже давно ставшие миллионерами, в погоне за новыми прибылями вторгаются в самые разные отрасли легального бизнеса. Они на вполне законных основаниях владеют и похоронными конторами, и транспортными агентствами, и гостиницами — словом, всем, что можно приобрести за доллары. Вместе с тем они никогда не рвут с породившей их всеамериканской гангстерской организацией «Коза Ностра». Эту наитипичнейшую американскую ситуацию (людям непосвященным она может показаться более чем парадоксальной) лучше всего характеризуют слова, сказанные главой отдела по борьбе с преступностью министерства юстиции США Генри Петерсеном: «Высшие лидеры американского преступного мира очень богаты. Это нелегальные биржевики. Они так же, как и биржевики Уолл-стрита, постоянно ищут, куда выгоднее вложить свои деньги. Именно этим и занимается вся верхушка организованной преступности. Если бы нам удалось лишить «Коза Ностру» этой ее деловой основы, если бы мы сумели вывести ее из сферы бизнеса в сферу индивидуальной преступности, то нам было бы легче бороться с этой организацией».

Четвертьвековая деятельность Джеймса Хоффы служит прекрасной иллюстрацией к этому высказыванию.

Какие уже доказанные факты говорят о том, насколько срослись верхушки этого профсоюза и «Коза Ностры»?

Ну, например, Хоффа превратил аэропорт Кеннеди в Нью-Йорке в гангстерский заповедник, в котором легальный бизнес перешел в руки организованной преступности. В Чикаго Хоффа всячески поддерживал местную гангстерскую «семью», в частности, обеспечивал ее финансами. На таком же щедром содержании у него находилось немало гангстерских «семей» в разных районах страны. После Хоффы его преемник Фицсиммонс продолжает развивать все те же уголовно-профсоюзные традиции. Приняв профсоюзную империю у Хоффы, он начал с того, что выделил 1300 тысяч долларов на специальные мероприятия рекламного характера, которые должны были обелить образ профсоюза, так сказать, отмыть его от уголовной грязи. Для этой цели Фицсиммонс передал этот миллион триста тысяч в руки двух «специалистов». Позже выяснилось, что оба были гангстерами, причем один из них имел за плечами двадцать лет тюрьмы за убийство.

Фицсиммонс, видно, далеко пойдет, еще дальше Хоффы! У своих дружков и покровителей из «Коза Ностры» он перенимает кое-какой опыт. Например, их монархическую традицию передавать свое дело сыновьям. Правда, своему отпрыску Дону он пост президента еще не уступил, но зато втянул его в профсоюзно-гангстерский бизнес. Дон как раз и занят тем, что обеспечивает связи папаши с боссами «Коза Ностры». Любопытно, как Дон набрел на эту работенку. Его нанял не папаша, а гангстеры, точнее, некий уголовный босс Луис Острер. Нанял и не прогадал. Через сынка пролез к папаше, а затем — в несколько десятков местных отделений профсоюза.

Но что это за тяга у гангстеров к профработе?! Все дело в том, что гангстерскую организацию интересуют деньги. Нет, уголовники не грабят сейфы профсоюза, а просто используют его средства. В своих повседневных финансовых операциях, особенно в сфере легального бизнеса, гангстеры постоянно нуждаются в долларах, тем более — в «чистых» долларах, каковыми являются профсоюзные деньги. Короче говоря, профсоюз фактически является гангстерским банкиром.

Вот конкретный пример. Гангстерская корпорация давно наложила лапу на пенсионный фонд профсоюза водителей грузовых машин в центральных, юго-восточных и юго-западных штатах страны. В этот фонд регулярно делают взносы 430 тысяч членов профсоюза, ежегодно это составляет двести миллионов долларов. Один миллиард (!) этого фонда является тем огромным денежным резервуаром, из которого гангстеры запросто «одалживают» деньги на свои темные и легальные дела.

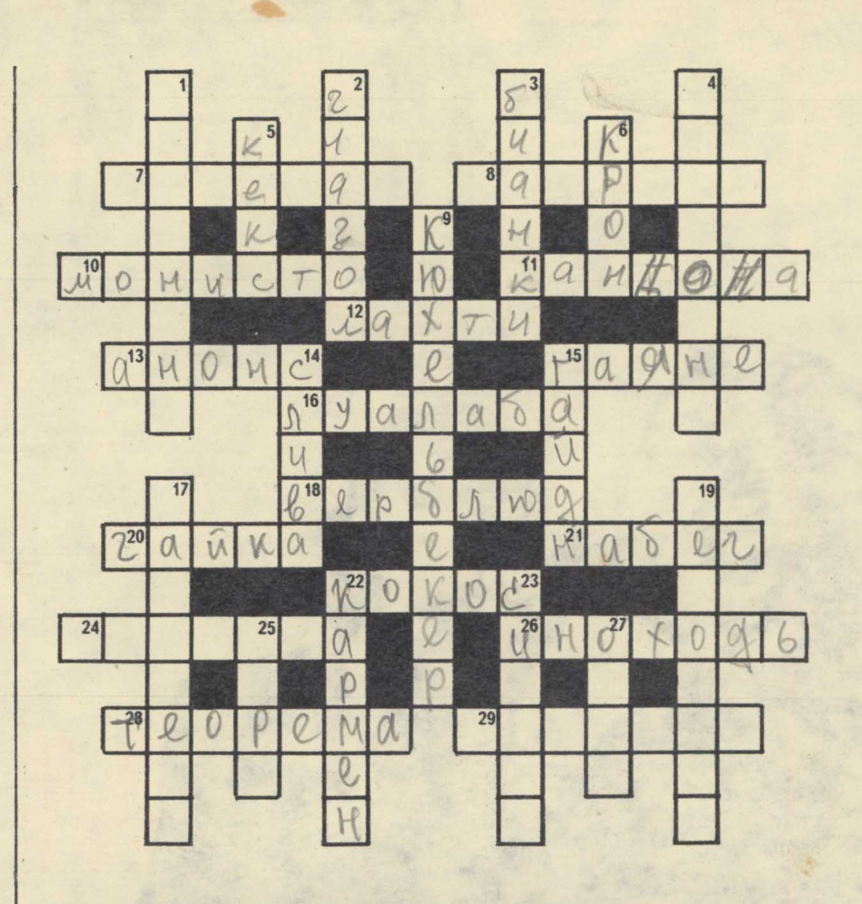
Этим миллиардом долларов Хоффа распоряжался лично. Направляясь в тюрьму, он посадил на него Аллена Дорфмана, который никогда не был ни служащим профсоюза, ни даже его рядовым членом. Зато у него была нужная для этого дела биография: Дорфман — профессиональный, даже потомственный гангстер. Его отчим Пауль Дорфман, связанный в свое время с известным чикагским гангстером Капоне, сам натаскивал любимого пасынка. Вынужденно уходя от дел, Хоффа сказал, оставляя Дорфмана-младшего за себя: «Все, что будет решать здесь Дорфман, считайте, что это решаю я лично!» Такая рекомендация была дана недаром. Ведь это именно «семья» Капоне в свое время оказала Хоффе самую решительную поддержку, когда он боролся за пост президента профсоюза. Что ж! Как говорится, долг платежом красен! Вот Хоффа и расплачивался...

Гангстерская корпорация отнюдь не ограничивается тем, что «берет в долг» из профсоюзной кассы (при этом она получает займы на самых льготных условиях). Финансовые спецы из гангстерской среды пускают профсоюзные деньги в такой оборот, что без особого труда наживают огромные проценты прибыли. Случается и так, что профсоюзные деньги вкладываются гангстерами в такое дело, которое просто-напросто лопается как мыльный пузырь. В таких случаях денежки, как говорится, плакали. Это равносильно обыкновенному воровству, но все же за него не привлечешь к ответу, как, скажем, за ограбление банка.

Государство, закон, разумеется, призваны следить за тем, чтобы огромные профсоюзные средства расходовались должным образом, чтобы они не попадали в руки спекулянтам и гангстерам. Но ведь речь идет о многомиллионных оборотах, а перед такими астрономическими цифрами американский закон, как известно, часто пасует... К тому же все, о чем говорилось выше, все эти финансовые и деловые контакты между гангстерскими и профсоюзными боссами обычно являются тайной за семью печатями. Американский журнал «Ридерс дайджест» недаром пишет: «Проникнуть через завесу секретности, окружающую пенсионный профсоюзный фонд, так же трудно, как пробраться в Форт Нокс (где лежит золотой запас США.— В. Н.)». Эта завеса иногда немного и ненадолго спадает, когда вдруг случается невероятное: сажают за решетку Хоффу.

Из множества сугубо деловых гангстерских начинаний, на которые идут профсоюзные средства, стоит особо помянуть владения преступной корпорации в Лас Вегасе. Только в 1974 году Лас Вегас и другие подобные окружающие его в штате Невада центры азарта выудили из карманов американцев около одного миллиарда долларов. «Большая часть из этого золотого потока,— пишет журнал «Ридерс дайджест»,— никто не знает точно, какая часть, ушла в сферу организованной преступности, в значительной степени финансируемой за счет пенсионного фонда профсоюза водителей грузовых автомашин».

Родственные связи «Коза Ностры» с профсоюзом Хоффы — Фицсиммонса — один из многих примеров того, как гангстерский мир, врастая в легальные сферы, становится неотъемлемой частью так называемого американского образа жизни.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина. 8. Танец. 10. Ожерелье. 11. Пьеса с певучей мелодией. 12. Порт в Финляндии. 13. Объявление о предстоящем концерте, спектакле. 15. Балет А. И. Хачатуряна. 16. Река в Республике Заир. 18. Жвачное животное. 20. Резьбовая деталь. 21. Рассказ Л. Н. Толстого. 22. Плод пальмы. 24. Неоконченная драма А. С. Пушкина. 26. Бег лошади. 28. Математическое положение, требующее доказательства. 29. Зодиакальное созвездие.

По вертикали: 1. Рыболовная снасть. 2. Часть речи. 3. Советский детский писатель. 4. Духовой инструмент. 5. Кондитерское изделие. 6. Минеральная хромовая краска. 9. Поэт-декабрист. 14. Плодовое дерево. 15. Австрийский композитор. 17. Единица измерения магнитного поля. 19. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 22. Опера Ж. Бизе. 23. Роман Л. Фейхтвангера. 25. Созвездие северного полушария неба. 27. Газ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 6. Семипалатинск. 7. Барбюс. 8. Нитрон. 10. «Ариадна». 12. Пиастр. 14. Самшит. 18. Антарес. 19. Титр. 20. Тues. 21. Таймура. 23. Карась. 25. Рустам. 27. Момбаса. 29. Бронза. 30. Огород. 31. «Бесприданница».

По вертикали: 1. Детройт. 2. Бирюза. 3. Плацкарта. 4. «Синица». 5. Эстрада. 9. Циферблат. 11. Гигрограф. 13. Септима. 15. Массейс. 16. Парта. 17. Остап. 22. Майборода. 24. Скворец. 26. Устрица. 27. «Мазепа». 28. Амгунь.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: П. Бортнов. Смена. 1971—1973. Фрагмент.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Владислав Третьяк в игре. Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

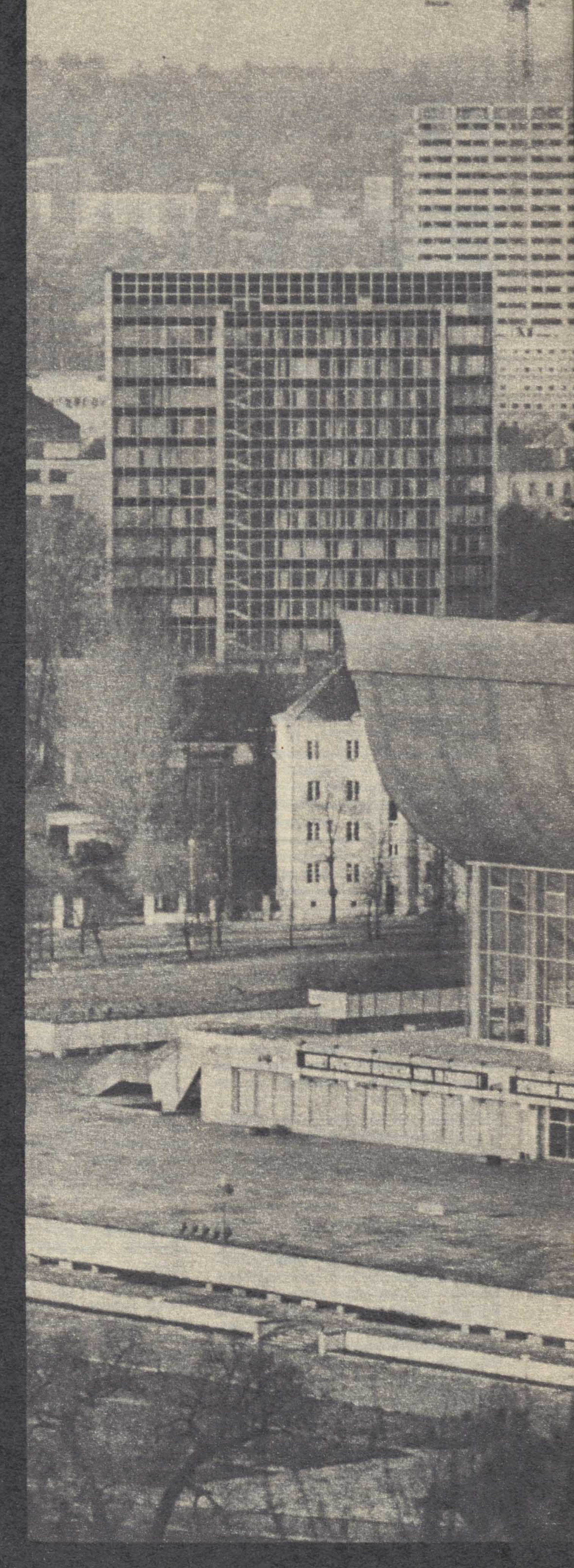
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 29/XII — 75 г. А 00604. Подп. к печ. 13/I — 76 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 223. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1542.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Народный архитектор СССР, лауреат Ленинской премии Витаутас Чеканаускас консультирует студенческие проекты в Вильнюсском художественном институте.

МОЙ Д

Отсюда, с горы Гедиминаса, начинался город.

Такая она сегодня, столица Литвы.

Витаутас ПЕТКЯВИЧЮС
Фото Д. ДИЕВА
и Х. ЛЯНДСБЕРГИСА

Многие литовцы-домоседы любят говорить: мой дом — моя жизнь. Что ж, мнения могут быть разные. Англичане, например, утверждают, что их дом — их крепость. А есть и такие, кто уверен, будто его дом — это весь мир. Не стану спорить, чужие обычаи нужно уважать. Но вот мой дом — это мой город.

Долгие века рос Вильнюс. Застраивался домами, одевался в зелень садов и парков, страдал от войн, пожаров, восстаний и снова строился, огораживался высокими стенами с крепкими сторожевыми башнями, и в средние века каждый человек, пожелавший попасть в город, должен был принести на строительство этих укреплений камень с голову овцы, не меньше. Теперь об этом обычае вспоминают разве что историки, да и те с улыбкой. Да и как не улыбнуться: глянешь в окно, и перед тобой открывается панорама строительных работ. Город разросся, расширился, его дома разбежались по окрестным холмам и пригоркам. Среди них и мой дом. Я живу в нем, и через окна на меня глядят старина и современность.

Напротив моих окон, на углу улиц Музейной и Траку, стоит дом, на фронтоне которого скульптурное изображение повергнутых знамен крестоносцев, тех знамен, что литовцы взяли во время битвы при Жальгирисе. Это дом-старик, ему несколько веков. А наискосок от него — последнее слово архитектуры: средняя школа имени литовской поэтессы Саломеи Нерис и прекрасный памятник ей, с подножия которого никогда не исчезают цветы, даже в зимнюю пору.

Город — это прежде всего люди. А улицы, строения, архитектура — это лишь воплощение их мечтаний, знаний, умения, вкуса.

Когда я иду по городу, то, не отрывая взгляда от мостовой, могу наверняка сказать, какая это улица. В Вильнюсе когда-то была мода не только дома строить непохожие друг на друга, но и улицы мостить по-разному. Если камни продолговатые и темные до черноты, наезженные колесами, исхоженные ногами прохожих, так и знай, что ты на проспекте Ленина или на площади Гедиминаса. А если поменьше, квадратные, уложенные размашистыми дугами — значит, идешь по Комъяунимо или по улице Горького. А вот если мостовая из красных кирпичей — это значит, что ты попал в старый город. Здесь полно мастерских художников. И коли ты пришелся по душе хозяину мастерской, то он снимет покрывало со своей последней работы, отступит на шаг и, прищурив глаз, спросит: «Ну как!..»

...Пятрас Дялтува закончил скульптурный портрет основоположника литовской художественной литературы Кристионаса Донелайтиса. Он очень волнуется: предстоит правительственная комиссия. Работа предназначена для выставки «Наше море» и отправится на постоянное жительство в Клайпеду. Поворачиваюсь и замираю. На меня смотрит человек. Он задумчив, сосредоточен, а глаза... Из-под большого, спокойного лба полуприкрытые опущенными веками глаза лучатся, в них проникновенность и пережившая века простота.

В другом конце двора светится окно мастерской Стасиса Красаускаса, известного всей стране графика, чьи работы стали символом юности, могущества советского человека, покорившего космос. «Не мешай», — просит он, не поднимая от стола головы. Сегодня Стасис очень занят. На его столе последний лист, завершающий цикл гравюр «Вечно живые», посвященный воинам, павшим на поле битвы с фашистами. На этот тяжелый и увлекательный труд его вдохновила поэма Роберта Рождественского «Реквием»...

...Я люблю бродить по Вильнюсу — из улицы на улицу, от двора к двору. И за долгие годы не изменил этой привычке.

Теперь я знаю город, как слепой знает свою комнату. Но каждый раз нахожу что-нибудь новое, необычайное, интересное, что-нибудь прежде не замеченное или не понятое. Теперь я даже могу ходить по городу мысленно. Ведь Вильнюс я видел на многих гравюрах выдающихся мастеров прошлого, видел его еще не тронутым войной, потом — лежащим в развалинах. Вместе с тысячами вильнюсцев поднимал его из руин, возвращал к жизни, поэтому хорошо знаю, что он утратил сам, а что у него отняли враги и чем его наделили друзья. Под многими тенистыми липами я мог бы остановиться и сказать с

гордостью: «Я тоже сажал деревья...» Или: «Кирпич для этого дома мы носили с окрестных развалин».

И Вильнюс воскрес, разросся и стал неузнаваем даже для старожила. Куда ни пойдешь, куда ни взглянешь — там новая улица, новое здание, белое, одетое в стекло, бетон и алюминий. Новый жилой дом, а тут новое предприятие, значит, мой Вильнюс поднялся еще на одну ступень технического прогресса...

Спускаешься с холмов старого города, а там вдали уже белеет мост на Антакальнисе, стремительной дугой перекинувшийся с одного берега Нерис на другой. Это не обычная конструкция: мост склеен специальным составом из отдельных железобетонных деталей. И держится. Да еще как! У него есть уже и младший брат в Лаздинай и двоюродный братец — подальше, в гуще ароматных сосновых лесов Валакампяй. И такие они широкие, просторные, как автострады...

А вот и кварталы нового Вильнюса: Жирмунай, создатели которого отмечены Государственной премией СССР; Лаздинай — его творцы во главе с архитектором В. Чеканаускасом удостоены Ленинской премии. И самый новый комплекс — Каролинишкес. Словно сказочные белые города, глядят они на тебя тысячами светлых окон, в зеленом убранстве живописных холмов и сосновых перелесков, в ярких цветах газонов и клумб.

Да, наверное, я не ошибся, сказав, что города — это прежде всего люди, а остальное — их дерзания, мечты, дела, воплощенные в камне, металле, в новых станках, машинах, автоматах, которыми так славится индустрия моего Вильнюса. Горяч труд в эту предсъездовскую пору, создатели и нового дома и новой машины готовят свои подарки XXV съезду партии.

Вильнюс — старинный культурный центр с давними и прочными интернациональными традициями. Здесь вышли книги, напечатанные выдающимся белорусским просветителем Георгием (Франциском) Скориной. Здесь учились и творили великий польский поэт Адам Мицкевич, литовцы Симонас Даукантас, Симонас Станявичюс, Антанас Страздас, поляки поэт Юлиуш Словацкий и композитор Станислав Монюшко, профессорами местного университета были историк Иоахим Лелевель, художник Й. Рустемас, у которого учился мастерству Тарас Шевченко, здесь начали свой творческий путь латышский писатель Ян Райнис, белорусский поэт Янка Купала, революционеры Феликс Дзержинский, Винцас Мицкявичюс-Капсукас и многие, многие другие выдающиеся люди.

Вильнюсский университет — один из старейших в Советском Союзе. Он был основан четыреста лет назад. По рескрипту царя Александра I университету было дано право надзора за школами в ряде губерний. После восстания 1831 года, когда свыше четырехсот студентов ушли в отряды повстанцев биться против царизма, когда в аудиториях не прекращала бурлить свободолюбивая мысль, Николай I закрыл университет. Гуманитариев, инженеров и художников царь просто-напросто разогнал на все четыре стороны. «Навел порядок» он и в уникальной, насчитывавшей 60 тысяч томов университетской библиотеке, раздав ее книги другим высшим учебным заведениям тогдашней России.

Разумеется, литовская общественность не могла с этим смириться и боролась за восстановление университета. Особенно остро ставился этот вопрос в пору революции 1905 года. Но только в 1919 году по декрету молодой Советской власти университет, святилище науки и прогресса, снова стал действовать.

Большие беды постигли его в годы немецкой оккупации. Разъяренные тем, что литовская молодежь не идет воевать за третий рейх, фашисты в 1943 году снова закрыли университет. Они уничтожили треть его имущества, разграбили лаборатории, разрушили здания, а наиболее уважаемых и популярных профессоров выслали в лагеря смерти. В самом храме науки разместились гестаповские казармы и госпиталь. И тем не менее, несмотря на все «меры», принятые гитлеровцами, многие ученые продолжали свою научную деятельность, тайно обучали студентов. А сколько их, студентов, ушло в партизаны!..

Но только в послевоенный период древний Вильнюсский университет воспрянул. За все время своего существования, за долгих четыре века, он вряд ли выпустил столько специалистов, сколько за годы Советской власти.

Один из выпускников Вильнюсского университета сейчас стал его ректором. Доктор математических наук Йонас Кубилюс, заложивший основы новой отрасли математики — вероятностной теории чисел. Благодаря его трудам Вильнюс теперь один из центров математической науки в Советском Союзе.

Много туристов приезжает в Вильнюс. Со многими достопримечательностями знакомят их гиды. Но мой совет: по городу лучше бродить в одиночку, с близким другом. Если заблудитесь, не огорчайтесь: больше увидите. Все равно любой старожил выведет вас и покажет, где Петр I крестил своего арапа Ганнибала, где родился и жил великий русский актер Качалов, где трудился выдающийся скульптор Антокольский.

Но сколько бы турист ни ходил по городу, он не найдет такого места, где новое оказывалось бы в дисгармонии со старым. Везде тут соблюден хороший вкус. Автор проекта Дворца выставок архитектор В. Чеканаускас даже специальный вырез спроектировал в здании, чтобы оно не заслоняло старинный красивый костел в юго-западной части города.

Но уже вечереет, и наша экскурсия близится к концу. Прошагаешь еще немного, и откроются откосы над речкой Вильняле, странные в неверном лунном свете. Задремали деревья в старинном парке. Громадится перед глазами крутая крепостная гора Гедиминаса, высится над ней сторожевая башня, и реет над ней флаг нашей республики, озаренный сиянием тысячелампового Вильнюса, раскинувшегося по обеим берегам реки, города древнего, города нового, где люди воплотили в камне, металле, бетоне и алюминии свои мечты, умение и вдохновение, любовь к родному дому, преданность Родине.

В минувшем году распахнул свои двери новый Дворец бракосочетаний.

В Литовском государственном театре оперы и балета.

Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии Гедиминас Йокубонис с семьей.

Скульптура «Радость» в жилом районе Лаздинай.

Новый дворец спорта.

Один из торговых центров.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663